

НИКОЛАЙ СВЕЧИН

По остывшим следам

Происшествия из службы сыщика Алексея Лыкова и его друзей

Annotation

1906 год. Императрица Александра Федоровна поручила премьер-министру Столыпину необычное дело. Два года назад в женском монастыре в Казани была похищена чудотворная икона Казанской Божией Матери. Полиция нашла воров, но саму реликвию отыскать не сумела. В обществе упорно ходили слухи, что образ цел и где-то спрятан. Столыпин командировал лучшего сыщика Департамента полиции, коллежского советника Лыкова, на поиск иконы. Сыщик выехал в Казань. Но как только приступил к дознанию, в городе стали происходить страшные события.

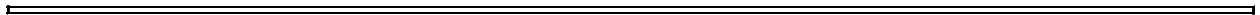
- [Николай Свечин](#)

-
-
-
-
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Эпилог](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)

- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)

Николай Свечин

По остывшим следам

Происшествия из службы сыщика Алексея Лыкова и его друзей

Иллюстрации в блоке текста и на переплете *Екатерины Асадчевой*

© Свечин Н., текст, 2018

© Асадчева Е., иллюстрации, 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Николай Свечин родился 2 февраля 1959 года в г. Горьком. Окончил экономический факультет Горьковского университета. Кем только не приходилось работать Николаю: и нормировщиком на заводе, и инструктором горисполкома, и бизнесменом. Но мечтой Свечина всегда

был литературный труд, возможность писать. И вслед за первой книгой (2005) романы стали выходить один за другим. Сейчас уже можно сказать: творчество Николая Свечина – заметное явление на небосклоне отечественной словесности.

«Свечинские детективы не производят впечатление литературных; ты садишься в машину времени – «Двадцать пятого марта 1880 года в Шуваловском лесу был найден труп пожилого мужчины», первая фраза – и едешь именно в Нижний Новгород 1880 года, а не в «литературный дискурс русской провинции 80-х годов XIX века»; дьявольская разница».

Л. Данилкин

Автор благодарит Эльмиру Амерханову и Елену Карташеву за помощь в создании этой книги.

Глава 1

Приказ Ее Величества

5 августа 1906 года Лыкову принесли большой конверт с сургучными печатями. Алексей Николаевич стал расписываться в журнале и с удивлением увидел, что конверт был от премьер-министра. Странно – до сих пор Столыпин не баловал скромного коллежского советника вниманием.

Внутри оказалась небольшая книжечка. На обложке стояло: «Судебный процесс по делу о похищении в Казани явленной чудотворной иконы Казанской Божьей Матери: полный стенографический отчет с приложением всех судебных речей», Казань, издание журнала «Православный собеседник», 1904 год». Лыкову сделалось любопытно. Громкая кража произошла два года назад. Он тогда находился в Тифлисе и следил за ходом дознания по газетам. Поэтому знал о святотатстве то же, что и все. Негодяи украли образ, сорвали с него драгоценные ризы, а саму икону сожгли в печке. Казанская полиция довольно быстро раскрыла преступление. Воры были осуждены в каторжные работы. Что же теперь по этому старому делу потребовалось премьеру от сыщика?

Лыков взял почту и отправился к директору Департамента полиции. Трусевич принял его сразу.

– Максимилиан Иванович, не поясните, что сие значит?

Директор повертел в руках конверт, убедился, что на нем печать премьер-министра. Полистал книжку. Потом пожал плечами:

– Вчера был телефон от Столыпина. Он спросил, кто у нас самый опытный уголовный сыщик. Я, разумеется, назвал вас.

– Но при чем тут казанская кража? Дело давно закрыто, преступники выявлены и осуждены.

Трусевич снял трубку телефона и велел соединить его со Столыпиным.

– Але, Петр Аркадьевич. Извините, что отвлекаю. Пришел коллежский советник Лыков, которого я вам вчера аттестовал. Он получил конверт с протоколами суда в Казани... По краже чудотворной иконы, да. Мы оба недоумеваем: в конверте нет ничего, объясняющего вашу посылку. От Лыкова требуется что?

Он выслушал ответ, кивая и почтительно поддакивая. Когда в трубке раздались гудки, положил ее на аппарат и потер лысеющую голову:

– М-да... Не нравится мне...

– Что такое, Максимилиан Иванович? – насторожился Лыков.

– Чует мое сердце, неспроста сыр-бор. Петр Аркадьевич приказал вам внимательно изучить присланные материалы. И дать экспертное заключение: могла ли икона уцелеть?

– Уцелеть? В том смысле, что ее не сожгли? – уточнил Лыков.

– Да.

Два полицейских чиновника посмотрели друг на друга. Этого только не хватало! Слухи, что икона Казанской Божией Матери не погибла в огне, а где-то спрятана, ходили по стране все два года. В качестве виноватых обычно называли богатых купцов-старообрядцев. Иногда приплетали масонов. Но то были слухи. А улики доказывали, что воры спалили икону в печке. На суде это приняли как факт. Сейчас, когда прошло много времени, оспаривать его трудно. Неужели кому-то наверху сплетни показались настолько убедительными?

– Я понимаю, Алексей Николаевич. Нет ничего хуже, чем идти по остывшим следам, – мягко сказал Трусевич. – Но куда теперь деваться? Посмотрите материалы и напишите заключение. Я убежден, что оно окажется отрицательным и от вас отстанут. Просто кому-то в Зимнем дворце – я даже знаю, кому именно, – хочется невозможного.

Директор имел в виду императрицу и ее склонное к религиозной мистике окружение.

– Слушаюсь, – мрачно ответил коллежский советник. Собрал бумаги и отправился к себе.

Азвестопуло, как только увидел, что шеф не в духе, сразу вскочил:

– Что такое, Алексей Николаевич? Опять какие-то бомбисты?

– Намного хуже, – заявил Лыков. – Бомбисты – милые люди: или мы их, или они нас. А тут – иди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что. – И рассказал помощнику о новом поручении.

– Только и всего? – ухмыльнулся Сергей. – Делов на два часа с перекурком. Отдайте мне, я им напишу такое, что враз отстанут. Убийц некогда ловить, а они с ерундой.

– Молод ты еще и потому не понимаешь, – сварливо возразил Лыков. – Такие поручения самые опасные, на них шею и ломают. С нашей, прости Господи, государыней шутки плохи. Не понравился ей – и в утиль.

– Да...

– Цыц! Ступай в архив, принеси мне всю переписку департамента с казанским губернатором по краже, – приказал Лыков. – А меня нет ни для кого.

Алексей Николаевич углубился в изучение обстоятельств дела. «Кража века» произошла в женском монастыре в самом центре Казани. Сыщик с карандашом в руках прочитал речь обвинителя и ответные речи защитников и понял, что все сложнее, чем ему изначально казалось. К вечеру у него уже было готово заключение. Лишь только он сообщил о нем директору, тот сразу же связался со Столыпиным. Умница Трусевич тоже понимал, что значит не угодить императрице, и потому не стал тянуть. В десятом часу действительный статский и коллежский советники прибыли на Аптекарский остров. Здесь, на даче министра внутренних дел Столыпин проживал летом. Став премьером, он сохранил за собой МВД. Правда, загруженный делами высшего управления, Петр Аркадьевич запустил ведомство. Его целостность была нарушена, единая политика отсутствовала. Директора департаментов делали, что хотели, каждый дул в свою дуду. Трусевича и Лыкова это устраивало: начальству некогда было соваться в их текущие дела с мелочной опекой.

– Что скажете, господа? – спросил премьер, быстро входя в кабинет. – Но, пожалуйста, негромко: сын только что заснул.

– У Алексея Николаевича готово заключение. Я решил, что лучше сообщить вам его как можно быстрее, – доложил директор Департамента полиции.

– Правильно решили, – кивнул Столыпин. – Вы уже, полагаю, догадались, кто заинтересовался вопросом?

– Ее Величество? – предположил сыщик.

– Точно так. Там... – Столыпин замялся и переменял тему: – Э-э... Чаю приказать?

– Спасибо, – ответил за обоих гостей Трусевич.

Премьер-министр вышел в приемную распорядиться. Когда он вернулся, вид у него был сконфуженный.

– Дело вот в чем, – начал он. – Ее Величество изволили вызвать меня вчера для личной аудиенции. Сразу после доклада государю. В комнате присутствовала еще герцогиня Лейхтенбергская, Анастасия Николаевна.

– Фаворитка царицы, – пояснил Лыкову Трусевич. – Большая шельма и истеричная дура на метафизическо-религиозной почве.

Столыпин поморщился – речь как-никак шла о представительнице правящей фамилии. Но не стал одергивать подчиненного, а продолжил:

– Государыня спросила у меня, имеются ли в Министерстве внутренних дел опытные сыщики. Я ответил утвердительно. Затем Александра Федоровна заявила, что требуется разыскать икону Казанской Божьей Матери. Якобы она не погибла, как решил казанский суд, а цела и

где-то скрывается. Я попросил разъяснить, на что опирается такое мнение. Ну... мне ответили, что на высшие силы.

– Высшие силы? – переспросил Лыков, не веря своим ушам.

– Именно так, – бесстрастно ответил Столыпин, отводя взгляд.

– А могу ли я узнать точнее? – спросил Лыков.

– Можете. Когда сами предстанете перед государыней.

Сыщик почувствовал, что влип.

– Да, вам придется переговорить с Ее Величеством об этом, – пояснил премьер. – Завтра к девяти часам утра будьте на Эрмитажном причале. Поплывете вместе со мной в Петергоф.

Трусевич хотел что-то возразить, но Столыпин не дал ему сказать:

– Решение принято, чего теперь. Лучше пусть Алексей Николаевич сообщит, к каким выводам он пришел, изучив материалы суда. Могла священная икона уцелеть или это глупые рассказы?

– Могла, ваше превосходительство, – рубанул с плеча сыщик.

– Да вы что?! – опешил премьер. – Ну-ка докажите.

Лыков выложил из принесенной папки лист бумаги:

– Вот. Здесь коротко, я дополню на словах.

Столыпин и Трусевич, заинтригованные донельзя, откинулись на спинки стульев и приготовились слушать. Тут принесли чай. Едва лакей удалился, Алексей Николаевич начал:

– Как известно, кража произошла в тысяча девятьсот четвертом году, в ночь на Петров день^[1] украдены были две чудотворные иконы: Казанской Божьей Матери и Спасителя. Следствие обвинило в страшном святотатстве воров Чайкина и Комова, первый был признан главарем, а второй – его сообщником. Третий, ювелир Максимов, будто бы сам не крал, но купил снятые с похищенных образов золото и драгоценные камни. Так вот... – Лыков отхлебнул из стакана и продолжил: – Сами иконы отысканы не были. Полиция нашла золото и камни, да и то не все. А еще горсть золы в печке, вместе с бархатом, гвоздиками и петлями от оклада. Это дало основание обвинителю сказать следующее. – Лыков стал читать с листа: – «Как ни тяжело, как ни безотрадно, но надо признать, что иконы сожжены. Если бы преступник хотел воспользоваться иконой, он не стал бы срывать с нее бархат, которым она, за исключением лика, вся была зашита. Да и времени у преступников не было бы – они были задержаны, как говорится, по горячим следам. На вопрос о том, где святые иконы, подсудимые упорно молчат, как мне кажется, потому, что у них не хватает духу, несмотря на всю их дерзость, открыто, в присутствии всех сказать, что святые иконы ими сожжены». – Сыщик повернулся к начальству и ехидно заметил: – Это

у Чайкина не хватило духу? Да у него той самой дерзости на семерых!

– Продолжайте, – серьезно сказал Столыпин. Видимо, его самого как истинно верующего человека вопрос о судьбе святых образов сильно интересовал.

– Так вот. Суд присяжных принял вывод государственного обвинителя на веру. Более того, никто вообще не искал иконы, все ловили похитителей. Надо отдать должное казанской полиции: они действительно быстро раскрыли кражу. Нашли жемчуг с окладов, обрезки золотой ризы, инструменты для переплавки. Обнаружили хорошо спрятанные тайники Чайкина. Но сами иконы странным образом оказались вне интереса сыщиков. Полиция доверилась заключению «сведущих людей», что зола в печи и есть все, что от них осталось, – заключил Лыков.

– Но ведь свидетели на суде заявили, что образы сожгли у них на глазах, – возразил Столыпин.

– Да, так утверждала Евгения Кучерова, девятилетняя дочь сожительницы Чайкина, – подтвердил Алексей Николаевич. – Но девочка была аттестована на суде как лгунья, испорченная не по годам. Она в самом деле говорила то одно, то другое. Показания Евгении по остальным эпизодам проигнорировали. А в гибель икон почему-то поверили. Присяжный поверенный Тельберг, защитник Чайкина, – единственный, кто подверг это сомнению. Но ничего не смог доказать и никого не убедил. Странное впечатление складывается, когда читаешь материалы суда. Все мелочи изложены, все детали, даже ненужные, препарированы. А главный вопрос закрыли одной фразой обвинителя. Почему так?

– То есть вы полагаете, что образ, священный для всей России, мог уцелеть? – с волнением в голосе спросил премьер-министр.

– Да. Чайкин хорошо понимал, что стоимость самой иконы много больше всех ее украшений. Определенные люди дали бы за нее миллион.

– Миллион?! – взвился Трусевич. – Откуда такая цифра?

– Я справлялся у антикваров, – ответил Лыков. – Тех, кто работает со старинными иконами. Кстати, они мне подтвердили: в обществе так и не согласились с решением суда. Слухи, что священный образ цел, не ослабевают. И государыня права, что обратилась к этому вопросу. Миллион за дониконианскую икону, чья великая сила прославлена и не подлежит сомнению? Для богатых староверов – запросто.

– Так. Чайкин не дурак, чтобы жечь миллион, – повторил тезис Лыкова Столыпин. – А еще есть аргументы?

– Есть. Сообщники найдены не все. Сторож Захаров говорил на следствии, что видел четверых грабителей. Но к нему не прислушались и

решили, что воров было двое, те самые Чайкин и Комов. Почему? И не оттого ли иконы исчезли, что их унесли другие сообщники? Далее. Пропали и бриллианты на большую сумму. Прочие драгоценные камни с окладов удалось отыскать и золото с серебром тоже. А бриллианты – нет.

– Чайкин спрятал их лучше, чем серебро, – предположил Трусевич. – И мечтает бежать с каторги и разрыть тайник. Камни-то мелкие, спрятать их нетрудно.

– Может быть, и так, – не стал оспаривать это предположение Алексей Николаевич. – Но я выдвигаю другую версию. Бриллианты – самое ценное из того, что было похищено. За вычетом самих образов, конечно. На иконе Казанской Божьей Матери этих бриллиантов насчитывалось более пятисот! На сумму свыше семидесяти пяти тысяч рублей.

Сановники ахнули, а Лыков продолжил:

– В тысяча семьсот шестьдесят седьмом году императрица Екатерина Великая посетила Казань. Она была в Богородицком девичьем монастыре, молилась этой иконе и подарила на ее украшение корону из крупных бриллиантов. Так что не такие они и мелкие, Максимилиан Иванович. А когда их полтыщи...

– Так в чем состоит ваша версия? – перебил сыщика Столыпин.

– В том, что бриллианты остались, как и икона, в руках у сообщников. И Чайкин оттого и молчит о них. Там – его страховой фонд. Вору отдадут его долю в драгоценных камнях лишь в том случае, если он скроет сведения о подельниках.

– Для этого ему надо сначала сбежать с каторги, – мрачно заметил директор департамента.

– Трудно, но вполне возможно, – отрезал Лыков. – Были бы деньги и смелость. Смелости у Чайкина полно.

– А денег? – спросил Столыпин и сам же ответил: – Вы намекаете, что тоже с избытком, но они у сообщников. Верно я вас понял?

– Да, ваше превосходительство.

– Называйте меня Петр Аркадьевич. То есть, Алексей Николаевич, сообщники у Чайкина в руках? Они прямо-таки обязаны организовать ему побег, иначе тот их выдаст?

– Правильно, Петр Аркадьевич. Там взаимозависимость: ему тоже не хочется терять куш. Он будет молчать, но не вечно. Возможно, именно сейчас вору и готовят путь на волю, пока мы тут сидим и рассуждаем. Сбежит, и ищи-свищи. Тогда икона пропадет навеки.

Трусевич заерзал. Столыпин зыркнул зло и сказал:

– Я прикажу усилить охрану Чайкина. У вас все, Алексей Николаевич?

– Остался последний аргумент.

Премьер напрягся:

– Как полагается, самое убедительное оставили на конец?

– Наверде того, – кивнул Лыков.

– Говорите.

– Казанская полиция выяснила со всей достоверностью пять предыдущих краж Чайкина. – Сыщик стал загибать пальцы: – В тысяча девятьсот третьем году из мужского Спасского монастыря в Казани были похищены митры и другая церковная утварь. В том же году в Коврове из кладбищенской церкви украдена риза с иконы, а из единоверческого храма в Златоусте – оклады сразу с трех икон. Еще два преступления состоялись в четвертом году. В марте Чайкин украл из Семеновской церкви в Рязани ризу, тоже с иконы Казанской Божьей Матери, стоимостью более двадцати тысяч рублей. А в апреле – жемчужную ризу с образа Знамения Пресвятой Богородицы из монастыря в Ярославле.

– И что с того? – не понял Столыпин. – Он же вор.

– А то, Петр Аркадьевич, что во всех этих случаях Чайкин забирал только ризы. Сами иконы не трогал, оставлял в храме.

Премьер и сыщик некоторое время смотрели друг на друга. Наконец Петр Аркадьевич выдохнул:

– Вот это да... Но почему же следствие не обратило на это внимания?

Лыков пожал плечами:

– Сам удивляюсь. Как будто их кто-то гнал. Быстро осудили, и с глаз долой – из сердца вон. Никто не задумался, почему опытный забираха впервые нарушил свои привычки.

– Теперь вы меня почти убедили, – нахмурился Столыпин. – Ну, казанцы! Езжайте и попробуйте разговорить Чайкина. Вдруг ему надоело быть самым знаменитым преступником империи? И принимать на свою голову проклятия всех православных христиан... Но сначала аудиенция у императрицы.

Премьер встал, поднялись и его собеседники.

– Итак, Алексей Николаевич, в ваших выводах есть логика, – сказал Столыпин. – Изложите их Ее Величеству. Наверняка следствием этого станет августейшее поручение. Вы понимаете, на что подписываетесь?

Лыков поймал укоризненный взгляд Трусевича, но его было уже не остановить:

– Понимаю, Петр Аркадьевич. Но ведь я тоже православный. Если имеется хоть один шанс, что реликвия цела – как же мне увильнуть?

– Так сколько времени прошло! – не удержался Максимилиан

Иванович. – Какие теперь следы? Раньше надо было чесаться. Ведь поскользнетесь на этом деле, Алексей Николаевич! Не жалко тридцати лет беспорочной службы?

Столыпин молчал, но, судя по всему, думал то же самое. А он лучше собеседников знал характер императрицы.

– Не тридцать, а лишь двадцать семь, – поправил начальство сыщик. – Да и чем я рискую? Попаду в опалу? Так я не придворный лизоблюд. Задержат производство в следующий чин? Ну и шут с ним. А вдруг Бог сподобит вновь обрести икону? То-то.

Петр Аркадьевич крепко пожал коллежскому советнику руку и сказал: – До завтра.

Государыня приняла сыщика и премьер-министра в своем кабинете. Также присутствовала герцогиня Лейхтенбергская, или, как ее звали при Дворе, Стана. Лыков недолюбливал эту женщину, хотя никогда с ней лично не общался. Дочь черногорского короля Николы Первого вышла замуж за вдового герцога Лейхтенбергского и родила от него двоих детей. Но брак не задался. Экзальтированная, недалекая, верящая разным проходимцам, Стана вводила их в окружение царской четы. Вот и сейчас она покровительствовала какому-то тобольскому мужику с подозрительным прошлым и говорящей фамилией Распутин. Сестра Станы Милица, жена великого князя Петра Николаевича, помогала ей в этих темных делах. По слухам, герцогиня крутила роман с другим великим князем, Николаем Николаевичем. Командующий войсками гвардии и Санкт-Петербургского военного округа потерял голову от прелестей сорокалетней черногорки. Репутация у сестер в обществе была хуже некуда. Но именно они почему-то пользовались особым расположением императрицы.

– Ваше Величество, – почтительно начал Столыпин, – коллежский советник Лыков – опытейший сыщик Департамента полиции. Именно ему я поручил проанализировать вероятность того, что образ Казанской Божьей Матери мог уцелеть. Алексей Николаевич изучил материалы судебного процесса и сделал интересные выводы. Прошу вас заслушать его.

Государыня протянула сыщику руку для поцелуя и сказала ободряюще: – Я помню вас. И по коронации, и по выставке в Нижнем Новгороде, где вы охраняли нас с должным усердием^[2].

– Ваше Величество, то была большая честь для меня.

На этих словах в разговор бесцеремонно влезла герцогиня Лейхтенбергская:

– Так что, коллежский советник, есть вероятность насчет иконы?

Лыков покосился на государыню. Та пригласила всех сесть, расправила подол платья и строго посмотрела на Алексея Николаевича. В этом взгляде сыщик увидел одновременно скрытое волнение и надежду.

– Да, что вы имеете нам сообщить? Нас очень-очень интересует данный вопрос. Скажу больше: судьба России зависит от того, найдется ли чудотворная икона.

– Судьба России? – У коллежского советника брови полезли вверх. – Простите, но какая тут связь?

– Оттуда сказали, что связь есть. – Александра Федоровна неопределенно кивнула куда-то в потолок. – Обычные люди, как вы, не понимают этих знаков. Но мне они явлены во всей определенности. Будущее династии под угрозой, и только святой образ из Казани мог бы все исправить. А он пропал! И меня уверяют, что погиб, погиб навсегда. Найдите его, Лыков, спасите Россию. Большого вам знать не положено.

– Но, Ваше Величество, у меня только предположения.

– Нет никаких сомнений, что икона цела. Вам надо лишь отыскать ее.

– Сведения, что образ не погиб, происходят из того же источника? – осторожно выбирая слова, поинтересовался сыщик.

– Да, от высших оккультных инстанций, – как о чем-то само собой разумеющемся, ответила Александра Федоровна. – Но ваш анализ, – это слово императрица произнесла с сарказмом, – говорит то же самое? Или нет?

Прямо на глазах она стала покрываться красными пятнами и сделалась некрасивой. Лыков отвел взгляд и торопливо доложил:

– Точно так, Ваше Величество. Оккультные силы для меня и правда недоступны. Но опыт многолетней службы подсказывает, что дознание в Казани было проведено поверхностно. Преступников они нашли, молодцы. Однако Богоматерь не искали, сразу сочли образ утерянным.

– И?

– Надо ехать туда, возобновлять дознание.

– Расскажите, что указывает на то, что икона цела, – потребовала императрица.

Коллежский советник изложил свои соображения. Женщины слушали внимательно, но по-разному. Черногорка ахала и вскрикивала «ой!» при каждом доводе сыщика. Александра Федоровна молчала, но видно было, что она согласна с докладчиком.

Императрица дала Лыкову договорить и спросила лишь об одном:

– Известны ли другие случаи похищения икон старообрядцами?

Сыщик смутился:

– Почему именно старообрядцами?

– Ах, все указывает на них! – пояснила императрица.

Алексею Николаевичу не понравилось, что государыня уже заранее назначила виновных. Но спорить с ней было бессмысленно, и он ответил:

– Действительно, во время Московского пожара тысяча восемьсот двенадцатого года такие случаи имели место. Раскольники разных толков воспользовались тем, что власти бежали из города. И забрали из московских храмов дониконианские иконы, присвоив их.

– Все? – разочарованно выдохнула императрица. – А посвежее историй нет?

– В Семеновской пустыни беглопоповцев^[3], что в Нижегородской губернии, висит икона Самборской Божьей Матери. Она была похищена в религиозных целях в Западном крае двадцать лет назад. Есть и другой пример. Некий прапорщик Любский украл из храма в городе Тетюши Казанской губернии список иконы Казанской Божьей Матери. По заказу купца Лытикова. Сейчас образ находится в Казанском девичьем монастыре в Ярославле. Но у меня нет сведений, что это был заказ старообрядцев.

– А кого же еще! – возмутилась Александра Федоровна. – Сыщик называется... Ну, ближе к делу. Ваши доводы убедительны, хотя высшие силы сказали мне то же самое без всяких экспертиз. Действуйте. Поезжайте немедленно в Казань. Если найдете образ, вас ждет высокая награда.

– Должен сразу оговориться, Ваше Величество. Прошло два года с тех пор. Следы замели ловко. Работали опытные люди. Шансов найти чудотворную икону, говоря по правде, у меня немного. Скорее всего, она сейчас в какой-нибудь тайной молельне.

– Так отыщите эту молельню!

– Приложу все силы, конечно. Но боюсь завышенных ожиданий с вашей стороны. Повторю: шансов мало. У меня может не получиться.

Тут впервые заговорил Столыпин:

– Ваше Величество, а что, если Лыков ошибся? И образ действительно погиб? Нельзя утверждать, будто такое невозможно. Меня удивляет, честно говоря, самоуверенность коллежского советника. Прочитал стенограмму судебного заседания и уже готов делать выводы. Алексей Николаевич, вы не изучили подробно следственное дело, а туда же. Давайте говорить иначе: икона, возможно, цела, и вы постараетесь ее найти.

Государыня опять стала краснеть:

– А высшие силы?! Они, по-вашему, тоже ошибаются?

– Не берусь судить, Ваше Величество, – сразу пошел на попятный премьер-министр. – Я, как и Алексей Николаевич, обычный человек;

разговор с этими сферами мне недоступен.

– Вот и молчите тогда!

Повисла неловкая пауза: реплика государыни прозвучала слишком грубо. Но она и не думала извиняться, а вместо того заявила:

– Лыков, поезжайте в Казань. Ищите так, как до сих пор еще не искали. Помните, что от вашего успеха зависит судьба династии и, значит, судьба страны.

– Слушаюсь! – Лыков поднялся и вытянул руки по швам.

– Премьер-министр окажет вам полное содействие.

Столыпин тоже вскочил и сделал подобострастное лицо:

– Непременно!

– Привлеките все необходимые силы, – продолжила Александра Федоровна. – Жандармов, местные власти, обывателей. Если потребуется, не скупитесь на награды, покупайте сведения. Пять тысяч рублей из личных сумм государя в вашем распоряжении.

– Но под отчет! – пискнула Стана.

– Конечно, желательны расписки, – скривилась царица. – Однако всякое может случиться: кому-то опасно ставить свою подпись. Я понимаю, дознание имеет свои особенности, не мне вас учить. Что еще потребуется от нас?

Лыков задумался:

– Начать следует с допросов Чайкина и Комова, а они на каторге. Нужно содействие Главного тюремного управления.

– Будет, – веско сказал Столыпин. – И открытый лист тоже. Такой, что все по его прочтении начнут бегать, как наскипидаренные.

Государыня протянула руку. Мужчины по очереди поцеловали ее и удалились.

На подъезде Лыков тяжело выдохнул:

– М-да. Выходит, я должен спасти Россию. Она такая из-за сына?

– Вероятно, – пробурчал премьер. – Кто-то из мистических дур наговорил ей...

Долгожданный наследник родился больным гемофилией. Страшный недуг передавался по женской линии и был неизлечим. Носители болезни (почти исключительно мужчины) не доживали до совершеннолетия. Любая травма, ушиб, царапина могли привести к смерти от кровоизлияния. Болезнь наследника являлась государственной тайной, но Лыков, разумеется, был посвящен в нее.

– Бедная женщина, – продолжил Столыпин. – Знать, что твой сын не дотянет до зрелого возраста... Бр-р. Тут за любую соломинку ухватишься.

– Да-да, я понимаю.

– Еще она примерная супруга. – Столыпин будто уговаривал сыщика не обижаться на капризы государыни.

– Да-да, конечно.

– Ну, едем? – Петр Аркадьевич прихватил сыщика здоровой рукой^[4] за локоть. – По пути сочиним план действий. Вам понадобится помощь военных?

– Не исключаю, – кивнул Алексей Николаевич. – Вдруг следы приведут к людям в погонах? Штаб округа, то да се...

Сыщик вернулся в Петербург и на службу не пошел. Он уединился дома и еще раз перечитал все бумаги, относящиеся к происшествию в Казани.

Глава 2

Кража, дознание, суд

В ночь с 28 на 29 июня 1904 года в Казанском Богородицком девичьем монастыре было тихо. Утомленные монахини и послушницы спали как убитые. Только что закончилось пребывание в обители священной иконы Смоленской Божьей Матери. Четыре дня по этому поводу шли продолжительные праздничные богослужения. Вымотавшись донельзя, все расслабились. И этим воспользовались воры.

В третьем часу ночи послушница Татьяна Кривошеева вышла из келейного корпуса на двор и услышала крик: «Караул!» Она быстро разбудила работников-мужчин, и все толпой побежали на крики. Звал на помощь сторож Захаров – его обнаружили запертым в подвале колокольной. Когда старика освободили, первое, что он сказал: «Глядите скорее двери у церкви! Несчастье у нас большое – воры меня сюда посадили». Люди кинулись к Богородицкому собору, в котором хранилась главная святыня монастыря – обретенная чудотворная икона Казанской Божьей Матери. У входа сразу же заметили замок с наружных дверей. Он лежал на земле со сломанной дужкой, рядом валялась накладка. Это был верхний замок, нижний остался не сломан. Между створками торчала доска, которой отжали дверное полотно. В образовавшуюся щель вполне мог пролезть взрослый человек. Вторые, внутренние, двери оказались почему-то открыты.

Когда взволнованные люди вошли в храм, то увидели страшную картину святотатства. Две чудотворные иконы – Богоматери и Спасителя – были похищены из киотов. Образы украшали драгоценные ризы огромной ценности. Видимо, клюквенники^[5] позарились именно на них. Кроме того, пропали деньги из свечных ящичков на сумму триста шестьдесят пять рублей.

Когда рассвело, на место происшествия прибыли полиция и судебный следователь. Они обнаружили в соседнем с монастырем саду дома Попрядухина следы злоумышленников. А именно крышку от садового стола, прислоненную к монастырской стене с той стороны. В этом месте стена была ниже, и с крышки при известной ловкости можно было перелезть внутрь. Рядом в траве отыскивали десять жемчужин и золотой брелок. Монахини опознали их как принадлежащие иконе Богоматери.

Происшествие потрясло не только Казань, но и всю Россию. Икона была обретаена в далеком 1579 году. Тогда 23 июня в городе случился сильный пожар. Огонь истребил весь посад и даже часть кремлевских построек. Казань пребывала в горе и унынии. Если верить православным источникам, татары возликовали. Их религиозные вожди использовали несчастье как повод провозгласить торжество магометанства над христианством. И говорили, что Аллах наказал неверных за покорение ханской столицы. Самые решительные добавляли, что надо воспользоваться случаем и восстать против захватчиков... В этих трудных обстоятельствах, когда власть висела на волоске, произошло удивительное событие. Десятилетней девочке по имени Матрена явилась во сне Божья Матерь. И повелела сказать начальникам города, что на месте сгоревшего дома стрелецкого сотника Онучина (где и начался пожар) скрывается Ее Пречистый образ. Девочка исполнила волю Богородицы. Однако робкий рассказ отроковицы никого не убедил. Даже родители сочли его за детские фантазии. А духовные и светские власти тем более проигнорировали. Божья Матерь еще дважды являлась избранному Ею ребенку. Такая настойчивость возымела наконец результат. Восьмого июля на пепелище отправился крестный ход. Поиски были безуспешны до тех пор, пока кто-то в толпе не предложил поручить дело самой Матрене. Девочка с первым же ударом заступа обнаружила икону именно там, где и указывала Богородица. Завернутая в старый вишневого цвета рукав, она была нового письма, светлая и воздушная. И сразу вдохновила людей. Икона тут же явила чудеса: исцелила недужных, вернула зрение слепым. Образ из рук девочки в тот момент принял священник Ермолай. Позднее он постригся в монахи под именем Гермоген, а в 1606 году был избран московским патриархом. Спустя шесть лет поляки заморили его голодом за поддержку ополчения и отказ подчиниться захватчикам.

Казанский архиепископ Иеремия, убедившись в чудодейственной силе находки, написал царю Ивану Грозному. Тот приказал построить на месте обретения деревянную церковь во имя Богородицы и учредить при ней женский монастырь. Еще царь подарил для иконы золотой оклад. Девица Матрена, кстати сказать, обрекла себя на монашество и стала потом настоятельницей этой обители под именем Марфа.

Монастырь быстро развивался, его главная святыня пользовалась большой популярностью у верующих. В 1595 году царь Федор Иоаннович велел выстроить каменный храм вместо деревянного, а икону украсить драгоценными камнями из царских сокровищ. Штат монахинь тогда же увеличили с сорока до шестидесяти четырех.

С чудотворной иконы сразу стали делать списки. Сам оригинальный образ невелик: его размеры – пять на шесть вершков^[6]. В русской духовной традиции списки с икон не являются их копиями, это самостоятельные образы, имеющие собственную святость и силу. Два списка иконы Казанской Божьей Матери навеки вошли в историю страны. Один из них сопровождал ополчение Минина и Пожарского в 1612 году, и ему приписывают заслугу в освобождении Москвы от польского ига. Этот образ хранился в приходской церкви Пожарского – храме Введения на Лубянке. В 1633 году он был собственноручно перенесен князем в Казанский собор на Красной площади, где и находился по сию пору. Размер его – пять вершков на шесть с четвертью^[7]. 22 октября 1648 года, в день избавления Руси от нашествия иноплемennых^[8], у царя Алексея Михайловича родился долгожданный сын Дмитрий. Благодарный монарх распорядился ежегодно отмечать не только 8 июля – день обретения иконы, но и 22 октября; день этот и поныне табельный^[9]. С тех пор праздник иконы Казанской Пресвятой Богородицы отмечают два раза в году.

Еще один список попал в Петербург. Там он последовательно сменил несколько храмов, пока в 1811 году не оказался во вновь отстроенном Казанском соборе, что на Невском проспекте. Именно перед ним молился Кутузов перед тем, как ехать на войну с французами. Размер этой иконы всех больше – двенадцать на тринадцать с половиной вершков^[10], и живопись там уже восемнадцатого века, а не трехсотлетняя. Благодаря этим двум спискам и связанным с ними победам икону Казанской Божьей Матери стали называть заступницей русской земли.

Общее число списков с оригинала давно превысило сотню. Явленные ими чудеса лишь усиливали славу первого образа. В 1767 году в Казань прибыла Екатерина Великая. Она молилась перед иконой и пожаловала на ее украшение корону из крупных бриллиантов. Драгоценные дары так и сыпались на икону. В результате она стала не только одной из главных святынь страны, но и одной из самых ценных по дороговизне оклада. К моменту кражи образ украшали сразу две ризы: золотая и серебряная. Серебряная была сплошь унизана жемчугом, с той самой короной наверху, плюсом на ней помещались 479 бриллиантов, 100 алмазов и 1120 других драгоценных камней. Под ней находилась вторая риза, золотая – дар Ивана Грозного. Она была украшена 18 крупными бриллиантами и 412 драгоценными камнями. Общее число камней на обеих ризах и киоте приближалось к трем тысячам. И вот такая вещь огромной ценности, и духовной, и материальной, пропала.

Образ Спасителя тоже был украшен золотой ризой, на которой помещались 30 бриллиантов и 56 алмазов. Цена убранства достигала семидесяти пяти тысяч рублей. Но эта икона не интересовала старообрядцев, так как была написана после никонианских реформ.

Кража возмутила весь православный мир. Полиция начала дознание, но сперва не могла напасть на след. Тогда ревнители объявили награду тому, кто поможет найти воров. Сумма росла и с трехсот рублей быстро дошла до четырех тысяч. Это и дало результат. Смотритель Александровского ремесленного училища Вольман пришел в полицейское управление и заявил о своем подозрении. За несколько дней до кражи ювелир Максимов заказал в мастерской училища необычные разжимные щипцы. Ювелир пояснил, что они необходимы ему для растягивания золотых колец. Щипцы эти, по мнению Вольмана, очень подходили для взлома замка на воротах собора. Замок висел так, что перекусить его дужку снаружи было невозможно. И она оказалась выдавлена изнутри. Когда замок принесли в училище, кузнец Александров сказал: «Не нашей ли машинкой сломали?» И смотритель тотчас же отправился к полицмейстеру Панфилову.

Максимов был известен полиции как скупщик краденого и вообще темная личность. Вызванный на допрос, он сначала отпирался. Но по предъявлении свидетелей – Вольмана и мастера Казакова, изготовившего щипцы, – сознался. Их попросил изготовить некий Федор Чайкин. Он приехал в Казань зимой и вел праздную жизнь, выдавая себя за богатого виноторговца. Чайкин часто покупал у ювелира драгоценные вещи, не скупясь на оплату. Торговец дорожил богатым заказчиком и потому согласился по его просьбе заказать щипцы от своего имени. Зачем они понадобились клиенту? Тот утверждал, что для виноградного дела.

Затем случился инцидент, обычный в русской полиции. Ювелира посадили в камеру при Первой части. Вскоре туда явились двое: помощник пристава Смородский и околоточный надзиратель Тутышкин. Без лишних слов они повалили арестованного на кровать и начали избивать кулаками и ножами шашек. Не выдержав истязаний, Максимов признался, что кражу в соборе произвел он. А Чайкин стоял на стреме. Торжествующие держиморды потащили бедолагу к полицмейстеру. Там Максимов повалился в ноги к начальству и попросил не бить – он оговорил себя. Панфилов обещал, что больше его не тронут, и услышал наконец правду.

Кража в летнем Богородицком соборе произошла в ночь на Петров день. Первого июля «Казанский телеграф» опубликовал подробности происшествия. А второго к ювелиру пришел Чайкин, который сам был

неграмотный, и спросил: «Чего читаешь?» Хозяин ответил: «Да вот о краже. Кто бы мог такое сделать?» На этих словах гость прикрыл дверь, вынул револьвер и сказал: «Вместе покупали, а будешь болтать – вот!» Вечером того же дня Максимов принес Чайкину по его просьбе плавильную лампу. Тот чуть не силой заставил сообщника отобедать и выпить водки. За обедом заявил: «Мы это сделали вдвоем, иконы порубили. Мамаша жгла и плакала, она у нас плаксивая». Под мамашей вор имел в виду свою тещу Шиллинг, с которой жил под одной крышей. Затем он снова угрожал ювелиру револьвером, а жена его, Прасковья Кучерова – ножом. Запуганный барыга обещал молчать. Еще он взял у Чайкина на продажу большое количество жемчуга и часть его уже успел сбыть.

После такого признания полиция начала розыски главного злодея. Оказалось, что он вместе с женой уплыл на пароходе «Ниагара» в Нижний Новгород. В нижегородское полицейское управление полетела телеграмма. Чайкин жил в доме Шевлягина в Академической слободе. В его квартире устроили обыск, но безрезультатно. Нашли лишь заряженный револьвер, номер «Казанского телеграфа» с описанием кражи и двадцать шесть слесарных инструментов.

Также полиция установила, что 2 июля Максимов продал полученный от беглеца жемчуг мещанам Вичуг и Поляк. Его отобрали и показали монахине Варваре, которая ухаживала за иконами. Та признала жемчуг как принадлежавший к окладу Казанской Божьей Матери.

Тогда полиция провела на квартире Чайкина повторный обыск. И он дал совсем другие результаты. В кармане старой юбки Шиллинг нашли черновик телеграммы в город Обоянь некоему Ананию Комову: «Выезжай немедленно в Казань. Федор». В поддувале висячей лампы обнаружили две поддельные печати, в русской печи на поду – куски пережженной проволоки. Когда под разобрали, там отыскалось 205 зерен жемчуга, перламутровое зерно, камешек розового цвета и кусочек серебра с двумя розовыми камешками. Варвара и их признала похищенными с иконы. Еще под тем же подом лежали завернутые в тряпку 26 обломков серебряных украшений с камнями и без, алмазик и кусочек золота. В другой тряпке находились 72 обрезка золотой ризы, на одном стояла дата «1769». Рядом безо всего валялись вызолоченные обрезки другой ризы и венца с образа Спасителя, пластинка с надписью «Спас Нерукотворный» и убрус, смятый в комок.

Другие открытия поджидали полицию в гостиной. Одна из ножек стола оказалась выдолбленной и закрытой пробкой на винте. Когда ее сняли, внутри обнаружили семь завернутых в газету свертков. В них

лежало общим числом 439 разноцветных камней, 6 ниток жемчуга, 246 отдельных жемчужин, несколько серебряных гаек, обломков и кусков проволоки. В чулане отыскивали еще три жемчужины и серебряную проволоку. В сених, в кадке с водой валялись серебряная гачка и обломок серебряного украшения с двумя камушками. На дворе – расколотый камешек и обрывки серебряных ниток. В сарае в сору на поддонке – камешки, мелкий жемчуг, гачки, обломки украшений, серебряные проволока и пластинки. Дом и двор оказались усыпаны мелкими драгоценностями. Кроме этого, полиции достались лампа для плавки металла, кровельные ножницы и каратные весы.

Самая страшная находка обнаружилась в железной печке в сених. Там среди золы отыскивали семнадцать железных петель, четыре обгорелые жемчужины, два гвоздика, две проволоки, кусочек слюды, клочки бархата, а еще часть доски с заgroundовкой и позолотой. Та же монахиня Варвара пояснила, что икона Казанской Божьей Матери была обшита бархатом. А петли и гвоздики – с ее оклада.

В Нижнем Новгороде тем временем арестовали семейную пару, которая предъявила паспорт на фамилию Сорокин. Это оказались Чайкин и его сожительница Кучерова. Их вернули в Казань. Вора заковали в кандалы, запретили переписку и свидания с родными и начали допрашивать. Попытки не применяли, но нажимали сильно.

Чайкин сразу же заявил, что икон не трогал. Их-де украл Максимов, а он только приобрел у ювелира ценности с окладов. Да, виноват в скупке заведомо краденного, ешьте с кашей. И вообще, он давно отошел от воровства, которым промышлял в молодые годы, и стал барыгой. Этим и живет – не по закону, конечно, но все ж без прямого преступления. «Я скупаю, но сам не ворую – скупать честнее».

Еще Чайкин рассказал, что его настоящее имя – Варфоломей Стоян, он крестьянин села Жеребцово Александровского уезда Екатеринославской губернии, по ремеслу кузнец. Сейчас ему двадцать восемь лет. В детстве отец жестоко с ним обращался, заставлял работать не по возрасту, и он мальчиком убежал в город. Там сошелся с ворами, вел дурной образ жизни. Но, повзрослев, решил стать честным человеком. Познакомился в Мариуполе с Кучеровой и увел ее от мужа. Тот служил в полиции, а прежде тоже был вором! Прасковья забрала сына и дочь и уехала с Чайкиным. Варфоломей купил бакалейную лавку на имя новой жены, и у них вроде бы наладилась нормальная жизнь. Но обиженный супруг нашел беглецов, написал донос, что Чайкин живет по чужому паспорту. Пришлось снова бежать. Кучеров забрал сына, а неверную жену с дочкой Женей отпустил. И

вот теперь скупщика краденого обвиняли в святотатстве, а вор-то Максимов, с него и спрашивать надо.

Между тем полиция арестовала сообщника Чайкина-Стояна, карманника Анания Комова. Его выдали женщины. Они вообще разболтали много лишнего. Любовница главного обвиняемого, ее мать и даже дочка – каждая внесла свою лепту. Больше всех наговорила Евгения. В свои девять лет она оказалась весьма развращенной. Евгения сообщила, что ее папаша – ловкий вор, она видела его и в полицейской форме, и в рясе – переодевался для краж. Еще рассказала, как Чайкин рубил иконы топором, прежде чем сжечь. Следствие сначала обрадовалось разговорчивому свидетелю. Но потом ребенок понес такое, что пришлось исключить его из процесса. Например, Евгения утверждала, что Чайкин накануне кражи познакомил ее со сторожем Захаровым. И пояснил дочке, что этому старику обещано сто рублей за помощь в похищении. Понятно, что опытный вор не стал бы посвящать ребенка в такие подробности. Далее девочка сообщила, что родители собираются отослать ее в женский монастырь на Рогожском кладбище. И в качестве платы за содержание старообрядцам обещана икона Божьей Матери, которая не погибла. Чайкин замуровал ее в русской печи. Сыщики разломали печь и, разумеется, ничего не нашли. После этого юную вруню перестали допрашивать, но следы ее рассказней нет-нет да встречались в доводах обвинения.

Комова арестовали в собственной деревне – селе Долженково Обоянского уезда Курской губернии. Причем, заведя полицейских, он стал от них убегать и успел сунуть в руки шедшего мимо родственника пачку банкнот. Мужик сдал деньги полиции: сумма оказалась немаленькой – пятьсот сорок рублей. А на шее жены Комова висел золотой медальон с девятью жемчужинами, снятый с пропавшей иконы. Казалось бы, абсолютная улика. Однако Чайкин стал выгораживать сообщника. Да, медальон с иконы. Куплен у вора, у Максимова, вместе с жемчугом и обрезками риз. Чайкин подарил его приятелю по доброте душевной. Приятель занимался карманной выгрузкой, вот он и вызвал его телеграммой на празднование иконы Смоленской Божьей Матери – в толпе богомольцев удобно шарить по карманам.

Вся защита Чайкина-Стояна рухнула, когда полиция допросила покупателей жемчуга. У одной из них, скупщицы краденого Поляк, при обыске нашли ломбардные квитанции. Оказалось, что по ним заложены жемчуг и ризы с похищенной в Ярославле иконы Знамения Пресвятой Богородицы. Ценности эти женщине передал для реализации именно Чайкин. Следствию стало очевидно, что он клюквенник, а не барыга. И это

не первая его кража.

Сыщикова интересовала судьба самих икон. Поскольку воры все отрицали, то стали допрашивать их окружение. Шиллинг сперва показала, что иконы уничтожили у нее на глазах. Потом спохватилась и начала говорить: я-де ничего определенного не видела. Чайкин и Комов рубили на дворе какие-то доски. А потом сожгли их в железной печке. Но точно ли это были образы Спасителя и Божьей Матери, знать не могу. Может, дрова кололи на растопку?^[11]

Ее дочь Кучерова подтвердила слова Максимова. Да, при ней Чайкин сказал ювелиру, что мамаша спалила иконы, плакала и жгла. Но мало ли что говорится? Сама она не присутствовала при таком святотатстве и не может ни подтвердить его, ни опровергнуть.

25 ноября 1904 года начался суд над похитителями. Он вызвал огромный интерес, в зал невозможно было попасть. Следствие как-то удивительно быстро передало дело обвинению. Словно торопилось закрыть его, хотя оставалось много невыясненных вопросов. Например, если сторож видел четверых грабителей, то кто другие два? Или куда пропали бриллианты с обеих икон? Жемчуг почти весь был найден, а бриллианты огромной ценности исчезли бесследно. Когда у Чайкина спросили, где камни, тот ответил: лежали в коробке в ящике комода. Но пришла полиция, сделала обыск, и после этого они исчезли. Ищите среди своих! Позже вор сказал загадочную фразу: «А может, я и сам их найду? Ведь не на век же дадут каторгу». Перед бегством в Нижний Новгород Чайкин полдня ходил по оврагам позади своего дома. Возможно, он что-то там прятал. Полицмейстер кинул клич, и овраги принялись обыскивать тысячи людей. Помимо полиции, в этом участвовали все окрестные обыватели. Монахиня из Богородицкого монастыря нашла зарытые инструменты: три долота и ножницы по металлу. Но ничего ценного всем миром обнаружить не удалось.

На суде личность главного злодея была раскрыта во всех подробностях. Чайкин-Стоян неоднократно арестовывался полицией. И так же неоднократно бежал с большой ловкостью. Он обокрал пять храмов. При попытке ареста ранил полицейского в Ростове-на-Дону. Под Кременчугом в составе банды ограбил четверых проезжающих; банда скрылась на их же лошадях. В Дубне пытался почистить богатого еврея, но его жена подняла крик, и вор довольствовался лишь сорванными с жилета часами. В Таганроге Чайкин взломал лавку, связав сторожа. Одним словом, отчаянный рецидивист. Для такого нет снисхождения.

Перед судом предстали Чайкин, Комов, Максимов, Кучерова, ее мать

Шиллинг и сторож Захаров. Быстро выяснилось, что против последнего улики недостаточно. Прокурор пытался доказать, что поведение Захарова подозрительно. Его-де сбросили в подвал, где тот должен был перепачкаться в кирпичной крошке, а работники извлекли старика оттуда чистым. Значит, никто его туда не сбрасывал, это все имитация и сторож – пособник воров. Защита шутя разбила эти доводы.

Шиллинг играла дурочку, плакала и утверждала, что в полиции ее били и запугивали. Вот она и оговорила зятя. И тем более не жгла никаких икон.

Ее дочь Кучерова ничего не видела. Муж куда-то уходил в ночь на Петров день, а потом принес жемчуг. Купил у Максимова, откуда же еще?.. Про судьбу икон ничего не знает. Что показала на допросе, не помнит. В полиции ей сделалось дурно. Может, и наговорила лишнего, будучи в невменяемом состоянии – не ведала, что творит.

Максимов подтвердил свои показания: он лишь перекупщик, а крал Чайкин. Один или вместе с Комовым, ювелиру неизвестно.

Чайкин-Стоян вел себя на суде дерзко, рисовался перед публикой. Отрицал свое участие в краже, соглашаясь лишь на роль барыги. Показания тещи против себя поднял на смех. Вот тут Максимов рассказал, как в полиции его мучили. Так же лупцевали и пожилую женщину, она сама это подтверждала. Какая же вера показаниям, выбитым таким способом? А сжечь святыне образа она никак не могла. Елена Ивановна – глубоко верующий человек, без крестного знамения за стол не садится. У нее рука бы не поднялась. И если бы правда видела, что зять жжет иконы, обязательно донесла бы на него, не побоялась. Да и сам он, крестьянин Стоян, православный и никогда не стал бы губить святыне образа. А в полиции с ним обращались жестоко, отобрали и не вернули крупную сумму денег, и вообще...

Комов признался, что он вор-карманник и в Казань приезжал за добычей. Но денег не натырил и уехал ни с чем. Медальон подарил Чайкин со своих барышей – он хорошо нажился, купив камни у Максимова.

В результате никто из обвиняемых своей вины не признал.

29 ноября суд присяжных вынес приговор. Крестьянин Варфоломей Андреев Стоян, двадцати восьми лет, и крестьянин Ананий Тарасов Комов, тридцати лет, были лишены всех прав состояния и сосланы в каторжные работы на двенадцать и на десять лет соответственно. Отставного младшего унтер-офицера Николая Семенова Максимова приговорили к лишению всех особенных, лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ, а также воинского звания и к помещению в исправительное

арестантское отделение на два года и восемь месяцев. Мещанку города Мариуполя Екатеринославской губернии Прасковью Константиновну Кучерову, двадцати пяти лет, и мещанку города Ногайска Таврической губернии Елену Ивановну Шиллинг, сорока девяти лет, – к заключению в тюрьму сроком на пять месяцев и десять дней каждую. Мещанин Федор Захаров был оправдан.

Суд завершился, осужденных развезли по тюрьмам, но слухи вокруг закрытого дела продолжались. Многие говорили, что к краже святой иконы причастны японцы. Хотели, мол, подорвать русский дух и получить перевес в войне. Какая связь между кузнецом из Екатеринославской губернии и японским генштабом – этих людей не интересовало. Еще больше досталось старообрядцам. В первую очередь обвиняли поморское согласие^[12], сильное в Казани. Кивали и на белокриницкое согласие, правящее в Москве. Многие вслух называли Рогожское кладбище как место, где спрятан образ Пресвятой Богородицы. Тем более что болтливая девочка Женя упоминала об этом. Похоже, что, кроме прокурора, в гибель иконы никто не поверил.

Глава 3

Первые сюрпризы

Лыков получил открытый лист за подписью Столыпина. Как тот и обещал, выражения в бумаге оказались сильные. Отдельно сыщику дали письмо военного министра к командующему войсками Казанского военного округа генералу Карассу. Но пояснили: дни Карасса на этом посту сочтены, и бумагу, возможно, придется переделывать. Тот не подписал ни одного смертного приговора по решению окружных военно-полевых судов. Террористы, которых безжалостно вешали по всей России, в Казани уходили от петли. Премьер-министр обратился к государю с требованием заменить мягкотелого генерала. Не время для жалости!

В дополнение к бумагам Алексей Николаевич получил тяжелый сверток с империалами. Пять тысяч рублей на расходы из личных сумм императора ему выдали золотом. Сыщик прикинул: если пропавший образ стоит миллион, то на его поиски августейшая семья готова потратить полпроцента от этой суммы. Негусто, особенно если от результата зависит судьба династии. Но пора было приступать к дознанию. И тут начались неожиданности.

Во-первых, оказалось, что Ананий Комов только что обратился к властям. Он заявил, что за двадцать тысяч готов указать место, где спрятан образ! Вор отбывал десятилетнюю каторгу в Александровском центральном. Коллежский советник сказал своему помощнику:

- Ну, Сергей, сбылась твоя мечта.
- Какая? – удивился Азвестопуло.
- В Сибирь поедешь, на каторгу.
- А разве я об этом мечтал?
- Теперь не имеет значения, – усмехнулся Лыков. – Взрослый уже, «наган» носишь.
- Не «наган», а «маузер»! – по-детски обиделся грек.
- Тем более. А на каторге так и не был. Пора расширить кругозор! – И объяснил коллежскому секретарю задачу.

Тот любопытствовал:

- А вы куда? В Казань?
- Так точно.
- Но я с вами хочу!

Лыков ответил на этот раз серьезно:

– В казанском деле ты будешь мне помощником. Куда я без тебя? Но выпячивать твою роль перед начальством не стоит. Вдруг дознание не удастся?

– И что тогда?

– Тогда меня, возможно, пошлют исправником к черту на выселки. Хвосты коровам крутить. А может, не коровам, а северным оленям.

Азвестопуло возмутился:

– Не должно такого случиться! Любое дознание может кончиться неудачей. Это же сыск. Потом, что такое удача и что – неудача?

– Не забывай, с кем мы имеем дело. Для государыни успех – если я принесу ей икону в наволочке. Но ты же понимаешь, что это маловероятно.

– Да. А?..

– Понимаешь, вот и молчи, – не дал высказаться помощнику шеф. – Я исправником в Жиганске служить не буду, подам в отставку. Имение прокормит. А ты куда денешься, нищевод?

Это было большое место Азвестопуло, и тот не нашел, что возразить.

– То-то, – закончил спор Лыков. – Помогать мне будешь, никуда не денешься. А начальство мы уведомим об этом лишь в том случае, если найдем икону. В чем лично я сомневаюсь. Если же нас ждет крах, что намного вероятнее, то лучше тебе отсидеться в тылу. Понял?

– Ну, понял.

– Тогда поезжай в Иркутск, допроси Комова. А Казань я обследую без тебя. Понадобись – вызову.

Они долго разбирали, как Азвестопуло провести допрос. Чего вор хочет на самом деле? Денег в обмен на Богоматерь? Но зачем они ему на каторге? Ведь приговора с него никто не снимет. Или Комов рассчитывает получить и двадцать тысяч, и свободу? С государя станется – все в его власти. Однако цели каторжника следовало выяснить. Далее нужно было узнать, как Ананий собирается указать тайник? Нарисует на бумажке план и поставит крестик, будто в книжке «Остров сокровищ»? Но икона вряд ли закопана в землю. Вернее всего, она хранится где-то в молельне. Если вообще уцелела. Заявление клюквенника, видимо, уловка с целью потянуть время. Пойдут допросы, вызовут его в Казань – все развлечение. Лучше, чем кайлом махать. А там, глядишь, и побег может получиться. Все это Азвестопуло должен держать в голове и сделать правильные выводы из беседы.

Покончив с Комовым, Лыков взялся за Чайкина. И тут его ждал второй сюрприз. Оказалось, что тот до каторги не доехал. 22 октября 1905 года

главный персонаж казанского дела бежал из тюрьмы. Это случилось в Мариуполе. Хитрый вор сболтнул на допросе, что совершил там ряд преступлений. Простак следователь перевел его в Мариуполь разобраться провинности. Чайкину только это и нужно было. Он бежал посредством подкопа и исчез. Но ненадолго. Через месяц полиция пресекла ограбление ювелирного магазина в Ярославле. Дело было темное; похоже, имела место провокация. Чайкина заманили на грант^[13], где его ждала засада. При аресте вор оказал сопротивление, и теперь ему светила по совокупности бессрочная каторга. Следствие еще продолжалось. Лыков выехал в Ярославль.

Чайкин-Стоян сидел в одиночной камере корпуса предварительного заключения. Лыков с интересом ждал встречи с ним. Каков вблизи самый знаменитый преступник России? И вдруг знакомство пройдет удачно? Ведь злодей явно утаил от следствия немало важной информации. В том числе о судьбе бриллиантов на сумму около ста пятидесяти тысяч рублей. Столько стоили камни с обеих пропавших икон, которые так и не нашли. По версии Лыкова, бриллианты хранились у сообщников, и Чайкин надеялся когда-нибудь получить свою долю. Теперь, когда речь шла о пожизненной каторге, вор мог с отчаяния и открыться.

Когда Алексей Николаевич увидел Стояна, то сразу понял, что эти его надежды бессмысленны. Заключенный вошел в допросную комнату с высоко поднятой головой. Прямая спина, гордая осанка, ироничный взгляд. Нет, он не сломлен, и отчаяния на лице не было видно. Но попробовать все равно стоило.

– Добрый день, Варфоломей Андреевич. Я коллежский советник Лыков из Департамента полиции. Приехал по вашу душу.

Преступнику понравилось уважительное обращение, и он поклонился – чуть-чуть шутовски, но тоже вежливо:

– Здравствуйте и вы, господин Лыков. Что случилось? Аж в самом Петербурге заинтересовались моею персоною.

Сыщик и вор сели, как добрые приятели, за стол. Принесли чай, и Стоян с удовольствием отхлебнул из стакана:

– Хороший! Давно такого не пил.

Несколько минут собеседники приглядывались друг к другу. Лыков окончательно убедился, что у Чайкина сильный характер. Такого человека не запугаешь. Чем больше будешь стращать, тем злее он станет сопротивляться. Только вежливость заставит его говорить. И лишь до того предела, который вор сам положит.

Тем не менее сыщик попробовал сразу огорошить собеседника:

– Слышали новость? Комов обратился к властям. За двадцать тысяч рублей он готов показать, где спрятана икона Богоматери.

Чайкин-Стоян рассмеялся:

– Да неужто? Вот ловкач Ананий. Указать то, чего сам не знает. Ну, удачи вам, сыщикам. Вызовите его в Казань, пусть ходит по улицам и пальцем тычет. Только присматривайте внимательно, а то утекет.

Новость не испугала клюквенника, а лишь развеселила. Лыков понял, что поездка его помощника в Иркутск не имеет смысла.

– Попробуем по-другому, – продолжил он, стараясь держать лицо. – Я, перед тем как увидеться с вами, встретился с прокурором. Он дописывает обвинительную речь.

– И что? – сквозь зубы спросил вор. Веселость сразу слетела с него.

– Да то. Плохо ваше дело, Варфоломей Андреевич. Подвиги ваши, ежели считать по совокупности, тянут на пожизненную каторгу.

– У нас нет пожизненной! – резко перебил Чайкин.

Лыков, не обращая внимания на его слова, стал загибать пальцы:

– За ту кражу в Казани полагается двенадцать, за побег еще пять, за попытку вооруженного ограбления магазина в условиях чрезвычайной охраны, плюс пятнадцать, за сопротивление полиции при задержании, плюс десять. Итого, сорок два года каторжных работ. Судьи ничего суммировать не станут, а сразу выпишут бессрочную. Припомнят ваше святотатство жуткое и церемониться не захотят. По прибытии на каторгу, тут вы правы, пожизненное заменят на двадцать лет. Амнистии и манифесты на вас распространяться не будут. Если доживете – еще пятнадцать на поселении в отдаленных местностях Сибири. Итого, тридцать пять годов. Вам сейчас сколько, тридцать? Вернетесь в Казань шестидесяти пяти лет от роду. Веселая перспектива, нечего сказать.

Чайкин сверлил сыщика взглядом:

– Вы чего от меня хотите, господин коллежский советник?

– Да правды, чего же еще. А вы считаете себя умнее всех. Вот и допрыгались. Бриллиантов теперь вам точно не видать.

– Каких еще бриллиантов?

– Тех самых, с риз от похищенных вами икон. Сколько там, на сто пятьдесят тысяч? Даже если барыги сделают скидку, сумма все равно солидная. На всю жизнь хватит. Кому-то, только не вам.

– Не понимаю, о чем вы, – отрезал вор. – Бриллианты украла полиция при обыске, у них ищите камни.

– Будет, будет. Кто их взял, околоточный надзиратель Тутышкин? Или полицмейстер Панфилов?

– Я откуда знаю?

– Если бы было так, как вы говорите, укравший камни вышел бы в отставку. Уехал бы куда подальше и там внезапно разбогател. Купил бы трактир или доходный дом либо положил бы крупную сумму в банк. Никто из чинов казанской полиции, что вел ваше дело, в подобном не замечен.

– Хитрые, время тянут!

– Два года прошло, и до сих пор тянут? Полноте, господин Стоян. Я же не считаю вас за дурака. Уважьте и вы меня. Давайте говорить, как умные люди.

– Ну?

– Камни, конечно, на руках у ваших сообщников. Полагаю, вы сами вручили им ценности, опасаясь ареста. И уговор меж вами таков: сбегу – заберу, а вы пока караульте. Взамен за услугу вы обещали сообщникам не выдавать их.

Чайкин слушал молча, сохраняя невозмутимость.

– Почему же не забрали свою долю, когда бежали из Мариуполя? Или ребята от вас прячутся? И пришлось с голоду ювелирный магазин в Ярославле ломать. Будучи владельцем целого состояния.

У клюквенника глаза стали злые-презлые, однако он по-прежнему молчал.

– Но теперь все переменилось, – продолжил сыщик. – Вы сделали ошибку, когда залезли в магазин. Огромную ошибку, и она будет стоить вам жизни. Бриллианты теперь вам не отдадут, ибо можете поставить на себе крест. Или рассчитываете сбежать снова? Это навряд ли.

– Почему? – нехотя поинтересовался Чайкин.

– Сейчас поясню: меня к вам послала государыня. Ни больше ни меньше.

Лыков замолчал, но вор будто и не удивился и ждал продолжения.

– Она предлагает пять тысяч любому за открытие иконы. Не хотите воспользоваться таким случаем?

– Где ж я ее возьму, эту икону? – ухмыльнулся клюквенник. – Комов обещает, с него и спрашивайте. А я не могу обещать того, чего в мире не существует.

– Даже так?

– Вы хотели говорить, как умный с умным, – напомнил Чайкин. – Значит, читали судебные бумаги. Что я тогда заявил? Кража икон – не мой грех. Максимов, чувашин^[14], упер, а с меня спрашивают! Где я вам образ возьму, если я его в глаза не видел?

– Варфоломей Андреевич, все же вы меня не слушаете. И продолжаете

прикидываться дурачком. Зря, ей-богу. Я продолжу про государыню. Именно она послала меня сюда. Точнее, она повелела провести повторное дознание. Не верит, что Богоматерь сгорела в железной печке. Признайтесь, вы ведь сожгли там вторую икону, Спасителя. Так? И приклад от Богородицы, с бархатом и гвоздиками.

Чайкин по-прежнему не произносил ни слова. Лыков кивнул:

– Не хотите говорить. Ну, слушайте, почему вам никогда не удастся новый побег. Ее Величество сжалится, если вы вернете икону. Облегчит вашу участь, даст, может быть, денег. Снимете грех с души, хотя, кажется, для вас это не имеет значения. А вот ежели вы не откроете, у кого образ, тогда ваше положение станет безвыходным. Потому что царская чета обидится. Им очень нужна эта икона! И вина на вас, и по бумагам, и по совести. Откажетесь – каторга в самой страшной тюрьме. Следить будут так, что о побеге и мечтать не придется. Сгниете в рудниках. А бриллиантами вашими воспользуются другие люди, которые в храм не лазили, в суде не были, кайлом не махали. Разве это справедливо?

Чайкин понурил голову. Алексей Николаевич ждал. Сейчас или никогда? Кто знает?.. Но клюквенник – человек с характером. Если речь Лыкова не подействовала, то придется уйти ни с чем. Видимо, вор еще не до конца потерял надежду, что сообщники вытащат его на волю. Тогда ничего не попишешь...

Так и получилось. После минуты размышлений Чайкин-Стоян поднял голову, глянул на сыщика с вызовом и дерзко заявил:

- Не понимаю, о чем вы. Ищите иконы у Максимова.
- А может, у Василия Шиллинга? – в лоб задал вопрос коллежский советник.

Это была вторая его догадка. Сторож Захаров говорил, что в

монастырь залезло четверо грабителей. А суд без объяснений отменил его свидетельство и осудил двоих. Лыков внимательно изучил акт дознания казанской полиции. На его страницах не раз мелькало названное имя. Василий Шиллинг приходился сыном «отвратительной старухи типа сводни» и братом Прасковьи Кучеровой. Видимо, все их семейство отличалось порочностью. Василий был вором-рецидивистом и не вылезал из тюрем. Лыков предположил, что он состоял в банде Чайкина и был одним из тех, кто в ночь на 29 июня пробрался в Богородицкий монастырь.

Стоян хохотнул, но несколько фальшиво, и ответил:

– Вот и попали пальцем в небо. А еще коллежский советник! Васька об эту пору в тюрьме сидел за грабеж. Справьтесь и узнаете.

– Уже справился, – парировал сыщик. – Да, Шиллинг был под следствием за попытку ограбить табачную лавку в Лаишеве. Только угодил в тюрьму он третьего июля. Вскоре после Петрова дня. И лез воровать как-то чудно, словно хотел, чтобы его поймали. А может, и правда хотел? Отсидеться в другом городе по мелкому делу, чтобы не заподозрили, что он замешан в крупном? А?

Чайкин-Стоян молча отвел глаза.

Верна догадка! Ободренный сыщик продолжил:

– И вот хочу я сделать Ваське испытание. Положу перед ним пять тысяч золотом, что дала мне царская фамилия. И предложу в обмен на икону. Как думаете, что выберет Шиллинг?

Вор крякнул с досады и ответил:

– А попробуйте. Мне самому интересно. Он, конечно, не семи пядей во лбу, но должен догадаться.

– О чем?

Чайкин опять отвел глаза. Но Лыков настаивал:

– О чем догадается Шиллинг? О том, что четвертый сообщник не обрадуется и отомстит?

– Какой еще четвертый, что вы несете! – рассердился вор.

– Ну как же, – возразил коллежский советник, высказывая последнюю из своих догадок. – Тот, кто все устроил.

– Что «все»?

– Продажу иконы.

Вор уставился на сыщика, и тот понял, что угадал.

– Да, продажу. Ведь именно образ Богородицы был главной целью кражи, не так ли? Или вы действительно такой недоумок, что спалили вещь, за которую можно выручить миллион? Не верю.

Чайкин смотрел во все глаза и слушал отстраненно, не соглашаясь, но

и не отрицая. Алексей Николаевич продолжил:

– Именно этого человека вы и боитесь. Именно с ним и заключили сделку.

– Но...

– Какую сделку? – опередил вора Лыков. – Вы поделили добычу: вам бриллианты, а ему икону. Почувствовав, что вас вот-вот арестуют, вы отдали камни номеру четвертому на хранение. И теперь не хотите его выдавать. Надеетесь, что он поможет вам бежать и вручит тогда вашу долю. Так ведь? Глупо, Варфоломей Андреевич. Не удастся вам сдернуть с бессрочной каторги. И этот человек будет ждать вас тридцать пять лет? Вы верите в такую чушь? Потом, если даже случится вдруг невозможное и вы действительно удерете... Что тогда? Думаете, этот четвертый вернет бриллианты? Выгоднее ему будет вас убить.

В комнате повисла тишина. Лыков высказал все свои предположения и понял, что угадал. Был третий сообщник, и это именно Василий Шиллинг. И был четвертый, самый главный, что и организовал «кражу века». Даже Чайкин, калиброванный, гордый человек, не склонный никому подчиняться, лишь винтик в этом преступлении. А над ним стоит кто-то крупный и страшный, кого опасно выдавать.

А еще Лыков убедился окончательно, что икона цела.

Чайкин опять задумался, на этот раз всерьез. Алексей Николаевич не торопил вора. Речь шла о его жизни и смерти – пусть решит спокойно. В душу ему не заглянешь, а решение клюквенника придется принять. И если тот откажется признаваться, значит, так тому и быть. Лыкову придется искать ответы самому.

Наконец Чайкин решился. Он встал и, глядя сыщику прямо в глаза, заявил:

– Повторяю: иконы ищите у чувашина. Ложно обвинили, несправедливо осудили, а теперь хотите, чтобы я сознался в том, чего не делал? Пусть меня вернут в камеру, голова раскалывается.

– Черт с тобой, подымай на каторге, – сорвался сыщик. – Я все отыщу и без тебя. Пошел с глаз долой!

Лыков остался недоволен допросом. Не сдержался, нахамил арестанту, который не мог ответить. Хотя как раз на это ему было наплевать. Жалко было, что правда ускользнула между пальцев! Ведь он ее уже почти ухватил, да не удержал. Был миг, когда Чайкин хотел сдаться. Еще бы чуть-чуть. Но он не нашел нужных слов. Плохо, плохо... Теперь действительно придется идти по старому следу, трясти сообщников, торчать в этой Казани.

Коллежский советник явился на полицейский телеграф и отбил Трусевичу шифрованную депешу. В ней он сообщал, что Чайкин ни в чем не сознался и надеется на побег. Надо усилить его охрану и контролировать переписку. Лыков заключил рапорт словами, что выезжает к месту преступления и начинает поиски.

Он сел в вагон, когда по перрону пробежал газетчик с криком:

– Покушение на Столыпина! Взрыв дачи премьер-министра на Аптекарском острове! Горы трупов и искалеченных! Последние новости из Петербурга...

Подорвали дачу, на которой они встречались с премьер-министром всего неделю назад! Лыков купил газету, сел на место и раскрыл номер. Там сообщалось, что сегодня около четырех часов пополудни на летнюю дачу министра внутренних дел явились террористы. Не то трое, не то четверо – выжившие называли разную цифру. Время было приемное, и обе комнаты для ожидания оказались битком набиты просителями. В эту гущу ни в чем не повинных людей негодяи и швырнули свои бомбы. Сами при этом погибли, но черт бы с ними. Подсчет жертв еще не закончен, однако покойницкая Петропавловской больницы, куда свезли тела, едва вместила всех. Еще больше раненых. Достоверно известно, что погибли пензенский губернатор Хвостов, генерал Замятин и княгиня Кантакузен. Многих невозможно опознать, так изувечены их тела. Среди прочих – неизвестная женщина на восьмом месяце беременности... Сам Столыпин не пострадал, его лишь обдало чернилами из пролетевшей над головой чернильницы да стукнуло сорванной с петель дверью. Но его двенадцатилетняя дочь серьезно покалечена, и контужен малютка сын. После взрыва премьер-министр сохранил поразительное хладнокровие и лично помогал спасать раненых.

Сыщик закрыл газету и долго невидящим взглядом смотрел в окно. Дачу на Аптекарском острове охраняли, вместе с жандармами, чины петербургской полиции. Многих из них Алексей Николаевич знал лично. Если взорваны обе приемные, значит досталось и им. Охрана всегда в дверях, на переднем крае. Кто погиб, кто уцелел? Эх, канальское время...

Глава 4

В восточной столице

Лыков проснулся от выстрелов и не сразу сообразил, что происходит. Вчера он проехал Рязань. Добираться пришлось через Москву, и питерец подивился на левостороннее движение по московско-рязанской ветке, единственное в России. Сев в Первопрестольной на казанский поезд, сыщик сразу вспомнил рассказы о его неудобствах. Действительно, Рязанско-Казанская ветка тупиковая, по оборотам одна из беднейших в стране. Моста через Волгу нет, и неизвестно, когда он появится. Ехать от Москвы до Казани долгих сорок девять часов.

Хмурый проводной шваркнул перед пассажиром стакан с чаем так, что залил скатерть... Лыков не стал скандалить, выпил чай и постарался скорее заснуть. И проснулся на рассвете, от пальбы!

Он вскочил и первым делом запер дверь изнутри. Потом полез в саквояж и вынул «маузер». Пассажир напротив, толстый купец в розовом исподнем, ахнул и нырнул под одеяло. Сыщик прислушался. Стреляли совсем рядом, из коридора в соседнюю половину спального купе. Оно было отделено от лыковского раздвижной ширмой. Там, сыщик заметил это еще вечером, ехали двое: пожилой артельщик с холщовым портфелем и жандармский унтер-офицер. Видимо, артельщик вез денежную сумму, а унтер охранял его. Тогда, скорее всего, произошло нападение. Но что с соседями? Живы ли они?

Словно в ответ на мысли сыщика, за ширмой один за другим грохнули три выстрела. В коридоре ойкнули и засуетились. Прямо в шаге от Лыкова слышны были ругань и звуки боя: звенели падающие гильзы, кто-то перезаряжал оружие.

Нападение, это точно нападение. Террористы или просто бандиты – грань между ними делалась все тоньше – рассчитывали на внезапность. Но ошиблись. Жандарм, молодец, не спал и был начеку. Дверь бандитам открыть не удалось, а когда начали в нее стрелять, унтер-офицер дал сдачи. И теперь ребята находились в замешательстве. Лезть на пули было опасно, а фактор внезапности они потеряли.

Боевики вновь открыли бешеный огонь – сыщик насчитал шесть или семь стволов – потом крикнули:

– Эй, бросай сюда деньги, иначе шлепнем!

В ответ грохнул новый выстрел. Бандиты стали материться, а унтер хохотнул:

– Давай сюда самого смелого! Я ему третий глаз сделаю.

Лыков решил, что пора ему вмешаться. Открывать дверь было опасно. Да и главное было – не убить одного-другого, а спугнуть нападавших. Сыщик прикинул позицию террористов и дал на звуки подряд четыре выстрела. В коридоре закричали, как бараны на бойне, и послышался топот.

– Тикай!!! – рявкнул кто-то и пальнул разок в ответ.

Пуля пробила дверь и ударила в стену. Лыков повел стволом влево и жахнул. С той стороны раздался глухой стон и звук падения. А потом тишина.

Алексей Николаевич помедлил секунду, затем отпер дверь и осторожно распахнул ее. В коридоре под разбитым окном лежал на спине человек и скулил, держась за живот. Сыщик вырвал из его рук револьвер и сунул в карман. Осмотрелся: пусто. В коридоре ни души, а обшивка стены и дверь в соседнюю половину купе густо издырявлены пулями. Он подскочил к окну и увидел, как пять или шесть мужчин скрываются в лесу. Это налетчики спрыгнули на ходу с поезда и дали стрелкача. Сначала получили отпор от жандарма, а тут еще и неожиданный удар во фланг! Ребята трусили и убежали, бросив раненого.

Лыков громко крикнул:

– Унтер-офицер! Тут коллежский советник Лыков из Департамента полиции. Они смылись, можешь выходить.

– Это вы мне подмогли? – донесся голос из купе. Жандарм решил сначала выяснить, миновала ли опасность, и не спешил открывать дверь.

– Я. Один валяется под окном, сейчас подохнет. Вылезай, все кончилось. Ты молодец!

Щелкнула задвижка, и в коридор высунулась красная физиономия. Унтер нацелил «наган» в грудь Лыкову и тут же опустил.

– Здравия желаю, ваше высокоблагородие!

– Артельщик жив?

– Так точно! Я его на верхнюю полку отправил. Уж патроны кончались. Благодарствуйте.

– Ты храбро бился, они так и так отступили бы. Как твоя фамилия? Я сообщу начальству.

– Унтер-офицер Свияжского жандармско-полицейского пункта Шавкин, ваше высокоблагородие.

– Займись раненым. И вот, прими его револьвер.

Шавкин склонился над нападавшим:

– Это вы его или я?

– Мой.

– Готов, собака! А и черт с ним.

Лыков, все еще разгоряченный боем, сказал одобрительно:

– Хорошо держался, все бы так. Третий глаз обещал им сделать?

– Это я со страху балагурил, – шепотом сообщил ему жандарм. –

Вижу, заряды к концу подходят. Жуть... А за мной человек безоружный, при нем две тысячи казенных денег. Я же за них отвечаю. Вот, время тянул. Скоро станция, там, думал, они отступят. А все же если бы не вы, не знаю, чем бы кончилось.

Наконец в коридор из всех купе полезли люди. Пассажиры, убедившись, что стрельба прекратилась, окружили жандарма и стали его благодарить. Кто-то предложил собрать храбрецу денег. Отовсюду потянулись руки, иная с рублем, а иная и с трешницей. Шавкин сделался еще краснее и попытался отказаться. Но Лыков как штаб-офицер разрешил принять награду, хотя формально не имел такого права:

– Бери, заслужил. А начальству я объясню. В наше трусливое время храбрость надо поощрять. Может, и хозяин суммы чего даст...

Нападение произошло на перегоне Тюрлема – Свияжск. Семь человек сели в Шихранах и, дождавшись, когда начало светать, напали на купе. Артельщик железнодорожной артели фон Мекка вез выручку. Когда стали ломать дверь, сопровождавший его унтер-офицер оказал сопротивление. А тут еще Лыков подвернулся. В виду станции Свияжск грабители спрыгнули с поезда и скрылись в лесу.

На станции Шавкин сошел и забрал труп убитого бандита. Его сменил другой жандарм и так же заперся изнутри. Поезд, простояв в Свияжске лишних двадцать минут, двинулся дальше. До самой Волги больше не случилось никаких происшествий.

Наконец рельсы уперлись в реку. Здесь полустанок назывался Остров, на той стороне – Берег. Когда-нибудь тут построят мост, но пока приходилось делать пересадку. За переправу полагалось платить особый сбор: с пассажиров первого класса – пятнадцать копеек, да еще по три копейки за каждый пуд багажа. Люди на пароме перебрались на левый берег и пешком дошли до станции Зеленый Дол. Там сели в грязные вагоны подбрасывающей ветки. Приходилось мириться с неудобствами и терпеть – до Казани оставалось полтора часа езды.

Город открылся издалека и показался почти сказочным. Белый кремль,

тонкий силуэт Сумбекиной башни, крутая гора, спускающаяся сверху на кварталы посада... Вокзал находился недалеко от центра, рукой подать до кремля. Алексей Николаевич вышел на перрон, вручил саквояж носильщику и покорно двинулся следом. На бирже извозчиков царил обычный бардак, делили пассажиров. Сыщик сел к первому попавшемуся и сказал:

– Вези в лучшую гостиницу.

– Лучшая – это «Франция» на Воскресенской улице, – ответил извозчик, не торопясь трогаться с места. – Туда изволите? В ней все генералы живут.

– Нет, к генералам не хочу, – стал капризничать седок. – А купцы-богатеи что предпочитают?

– Дык кто что, вашество. Одни норовят в «Боярский двор», другие в «Европейские номера», а третьи, самые, значит, балованные, в «Казанское подворье», к господину Щетинкину. Там и ванныя, и буфет, и все что хошь. Даже генералы иные, узнав, туда переезжают.

– Давай к Щетинкину. Смотри, если разочаруюсь, грех на тебе будет!

Мужик хмыкнул и махнул кнутом:

– Н-но, милая!

Пока ехали, гость осведомился насчет тарифа на извоз. Оказалось, в Казани, как и во многих других городах, счет шел на концы. Стоимость конца – двадцать копеек. До Большой Проломной улицы, где находились номера Щетинкина, чуть дороже – четвертак. От вокзала можно было доехать и на трамвае. Во втором классе открытого вагона^[15], например, всего за три копейки! Но питерец счел это несолидным и выбрал одноконную пролетку.

«Казанское подворье» оказалось действительно приличным местом. Номер на втором этаже обошелся командированному в два пятьдесят. Горячая вода, ванна, телефон – чего еще желать? Местоположение удобное: что до кремля с губернатором, что до Воскресенской улицы с полицмейстером десять минут ходу.

Достигнув высоких чинов, Алексей Николаевич перестал брать с собой в разъезды парадный мундир. Это для титулярных советников! Полковнику с открытым листом в кармане и с личным поручением императрицы можно явиться к начальнику губернии хоть в зипуне. Лыков надел мундирный сюртук со старшими орденами и отправился наверх. Он прочел в поезде путеводитель Загоскина и знал, что Проломная – название историческое. Там, где она берет начало от кремля, в 1552 году русские войска взорвали мину и проломили стену крепости.

По Петропавловской улице, мимо необычного храма гость поднялся на Воскресенскую, как раз напротив живописного пассажа. Воскресенская улица для Казани то же, что Невский проспект для Петербурга. Приезжий дошел по ней до площади, с любопытством глядя по сторонам. Все ему нравилось: мощеная улица с шикарными магазинами, гостиный двор, памятник Александру Второму, симпатичный корпус городской думы, еще более красивый городской музей. Через ворота в Спасской башне Лыков попал в кремль. Там тоже оказалось уютно. Миновав юнкерское училище по одну руку и присутственные места по другую, он вышел к губернаторскому дворцу. Часовой у входа вытянулся перед солидным господином.

Питерец поднялся на второй этаж и сообщил свое имя дежурному чиновнику. Лыкова уже ждали. Имя государыни открывало любые двери. Начальник губернии действительный статский советник Стрижевский сам вышел в приемную.

– Здравствуйте, Алексей Николаевич. Позвольте так вас называть? А я буду Михаил Васильевич. Прощу проходить. Чаю с дороги?

– Не откажусь. Ведь Казань раньше была столица чая?

Невинный вопрос заставил губернатора нахмуриться:

– Что было, то сплыло, увы. Когда вся доставка в Сибирь велась гужевым способом, город процветал. Мы были главным перевалочным местом. Но Великий рельсовый путь провели мимо нас. Уфа с Самарой сговорились, себя подняли, а нас сгубили. Кое-как выпросили мы себе ветку из Рязани, упрощенную и без моста. И строили ее за собственные средства. Казань зажата в мокром углу между Волгой и Камой и жила всегда только за счет сибирского транзита. Прозябаем, Алексей Николаевич. Нам бы присоединиться к кому-нибудь, хоть бы к Нижнему. Если увидите Их Величества, может, замолвите словечко?

Стрижевский за руку потащил Лыкова к карте губернии:

– Вот, смотрите. Ежели связать Арзамас веткой с Шихранами да построить мост через Волгу, то получится прежний план Богдановича. Казань окажется на Великом Сибирском пути. И оживет!

Тут наконец принесли чай. Сыщик взял стакан и сказал извиняющимся тоном:

– Михаил Васильевич, я ведь не для того прибыл. Разве станут Их Величества говорить с каким-то там коллежским советником о железных дорогах? Дай Бог свое дело сделать и головы не лишиться.

Губернатор посерьезнел:

– Прощу извинить. У кого чего болит, тот про то и говорит. Да,

поручение у вас... Как бы помягче сказать... Что требуется от меня?

– Содействие.

– Будет. Только давайте позволим вице-губернатора Кобеко. Я, видите ли, уезжаю послезавтра. На два месяца, на лечение. Руководить губернией выпадет Дмитрию Дмитриевичу. Он опытный человек, но немного застенчивый.

Статский советник Кобеко явился уже через минуту – видимо, тоже ждал. Это был мужчина заурядной наружности, чуть моложе сорока, с умными спокойными глазами. Назвался и присел за стол, получив свой стакан чая.

– Дмитрий Дмитриевич, – обратился к нему приезжий, – кто из чинов полиции, ведших два года назад расследование, до сих пор на службе? Полицмейстер Панфилов, например, где сейчас?

– Вы хотите их расспросить? – догадался вице-губернатор. – Нет, Панфилова тревожить бесполезно. Он состоит в резерве чинов министерства, ожидает отставки с мундиром и пенсией. Любое напоминание о той истории для Павла Борисовича крайне нежелательно. Вдруг сочтут задним числом, что он был недостаточно распорядителен? И уменьшат пенсию. У нас станется.

Ай да Кобеко, удивился сыщик. Ему из самого Зимнего дворца велели землю рыть. А он беспокоится за отставного полицейского. Вице-губернатор сразу стал симпатичен питерцу.

– Конечно, в таком случае я не буду рисковать. Панфилова оставим в покое. А кто другой может оказаться полезен?

– Пристав Четвертого участка Тутышкин. Он молод, энергичен... иногда даже чересчур.

– Тутышкин? – оживился Алексей Николаевич. – Это тот, который ювелира Максимова лупил на обе корки?

– Он самый.

– Из околоточного уже дослужился до частного пристава? Да, мне с ним нужно познакомиться. Помню, как я удивился, когда прочел в стенограмме суда объяснение вашего Тутышкина. Что он-де бил ювелира не по службе, а в частном порядке.

Казанские администраторы насупились:

– Вы законник? Не одобряете? А если нет других способов узнать правду?

Сыщик усмехнулся:

– Чего их жалеть? Я и сам, когда был моложе, мям всякую сволочь как сидорову козу. Если это требовалось для раскрытия преступления.

– Но до суда не доходило? – осведомился Кобеко.

– Нет, ни разу.

– А у казанской полиции дошло. Такое дело! На всю Россию оскрамились, будь оно неладно. Вот и пришлось Тутышкину со Смородским изворачиваться.

– Обвинитель ваш, Покровский, мастерски обелил обоих, – продолжил иронизировать гость. – Право, господа, я еще никогда не встречал такой аргументации! Посмотрите, говорит, господа присяжные, на их молодые неиспорченные лица. Разве можно поверить, что такие благородные люди способны на пытки? Ваши ребята соорудили подходящие рожи и вышли сухими из воды. Попробовал бы он сказать такое в столицах.

Казанцы промолчали. Вопрос о том, что полиция выбивала показания силой, на процессе удалось замять. Но сам Панфилов, который теперь ожидал пенсии с мундиром, заявил: у меня в подчинении двести пятьдесят человек, и я не могу гарантировать, что они никого не бьют! Старуху Шиллинг тоже не пожалели, запугивали и колотили. В итоге она потом отказалась от своих слов, что только усложнило следствие.

– Ладно. В Министерстве внутренних дел святых нет. А я служу по тому же ведомству, – резюмировал Лыков. – Кто теперь в Казани полицмейстер? Мне придется плотно сотрудничать в первую очередь с ним.

– Надворный советник Васильев сменил упомянутого Панфилова, – сообщил губернатор. – Я очень им доволен. Алексей Иванович на своем месте. Храбр, что для нынешнего времени важно. Год назад, когда он был приставом Шестой части, к нему явилась толпа так называемой народной милиции. Ну, самозванцы с револьверами. Их было много, а время такое – сами помните, что тогда творилось... Потребовали от Васильева сдать оружие и всю часть разоружить. Так он их выгнал! И продолжил охранять порядок. Алексей Иванович неутомим, ревностно несет службу. Мною подписано представление его в следующий чин. Жандармы, правда, невзлюбили Васильева. Полковник Калинин, начальник нашего ГЖУ^[16], пишет кляузы министру. Боюсь, отложат производство.

– Жандармы невзлюбили? – заинтересовался коллежский советник. – За что?

– За то, что в рот им не смотрит, – ответил за начальника Кобеко. – Вот на днях был возмутительный случай. Заведующий розыскной частью ГЖУ ротмистр Трескин пошел в городской театр. И в перерыве узнал в толпе зрителей известного эсера, некоего Михаила Зефирова. Как бы вы, Алексей Николаевич, поступили на его месте?

– Я? Хм. А Зефиров опасный?

- Террорист, вожак боевой дружины.
- Ну, тогда подошел бы сзади, схватил за руки и позвал бы полицию. Был в театре полицейский наряд?
- А как же. Десять человек под командой того самого пристава Тутышкина.
- И что храбрый ротмистр? – спросил сыщик, уже догадываясь, каким будет ответ.
- Храбрый ротмистр побежал к приставу и попросил его взять меры к задержанию.
- А сам?
- Сам стоял и ждал, что предпримет полиция, – подал реплику губернатор.
- Прятался за их спины, – уточнил гость. – И чем дело кончилось?
- Кобеко продолжил:
- Пока пристав брал меры, в театре неожиданно погас свет. И Зефилов куда-то шмыгнул. А полицейские же его в лицо не знают! Он проходит по жандармской картотеке, не по уголовной. Ротмистр между тем ждет... за спинами. Потом сообразил и встал на выходе, где снова увидел в толпе боевика.
- Задержал?
- Нет же! Опять побежал искать полицейских.
- Вот трус.
- Тут уж к делу подключился сам Васильев, он тоже оказался на спектакле. И приказал всем ловить злодея. Но пока ротмистр бегал туда-сюда, Зефилов уже вышел на улицу. Трескин разглядел его и в третий раз позвал наряд. За эсером побежали двое. Догнали, один даже схватил за рукав. Однако Зефилов вынул револьвер и начал стрелять. В упор, но, по счастью, мимо. Завязалась дикая перестрелка: он палил, наши палили в ответ. С площади прибежал городской, тоже разрядил барабан. В итоге никто ни в кого не попал, а Зефилов благополучно скрылся. И вот теперь начальник ГЖУ обвиняет полицмейстера Васильева, что тот упустил опасного террориста. Не предпринял, видите ли, должных усилий! У нас с Михаилом Васильевичем вопрос: а чем занимался в это время ротмистр Трескин? Он единственный знал боевика в лицо. И прятался за портьерой. Ну не гнусно?
- Гнусно, – согласился питерец. – Приму к сведению. Будет момент – и слово замолвлю перед Трусевичем. А теперь...
- Он встал, взял фуражку.
- Господа, вы люди занятые. Я пойду знакомиться с господином

Васильевым. Телефонуйте ему, пожалуйста, чтобы был на месте.

– Он ждет вас, – успокоил сыщика губернатор. – Я велел Алексею Ивановичу никуда не отлучаться. Ну-с, до моего отъезда в Пятигорск мы, скорее всего, более не увидимся. Передаю содействие в возложенном на вас августейшем поручении Дмитрию Дмитриевичу. С Богом!

Стрижевский с облегчением выпроводил питерца из кабинета, и тот зашагал по Воскресенской. Вдали справа торчала каланча – это и было полицейское управление. Оно занимало общее здание с пожарной командой. Через улочку виднелись корпуса Казанского императорского университета.

Надворный советник Васильев оказался крепко сбитым человеком с залысиной, ухоженной бородкой и тонкими щегольскими усами. Он встретил гостя настороженно.

– Цель вашего приезда мне объяснили, – начал полицмейстер. – В общих чертах. Хм! Кхе-кхе... Можно теперь услышать более точное изложение?

– Разумеется. Наверху, а конкретно в Зимнем дворце, полагают, что чудотворный обретенный образ Казанской Пречистой Богородицы не погиб в огне, сожженный Чайкиным. А где-то скрыт. Такие слухи ведь для вас не новость?

– Да, подобные разговоры ходят все два года. Однако это толки обывателей. Но чтобы в Зимнем дворце!

– Понимаю ваше беспокойство, Алексей Иванович. Сам не хочу службу терять.

Васильев поразился:

– Что, и до этого может дойти?

– А вы как думали? Там свои ветры дуют... в августейших головах. Могут и снести такие пушинки, как мы с вами.

– М-да...

– Поэтому предлагаю действовать согласованно. Мне поручили, вся ответственность тоже на мне. От вас нужна честная помощь. Даже моя неудача – признаюсь вам, она вполне вероятна – не должна затронуть чинов казанской полиции. Но только в том случае, если они сделают все, что от них потребуют интересы повторного дознания.

– Вы угрожаете? – Полицеймейстер возмущенно свел брови. – Еще шагу не сделали в моем городе, а начинаете с запугивания?

– Зря вы так, – мягко осадил его Лыков. – Я подольше вашего служу в полиции. Получен Высочайший приказ. Наш общий долг – исполнить его. От казанской полиции потребуются серьезные усилия: не может же

приезжий человек разобраться в деле в одиночку. Это понятно?

– Ну, понятно. А пугать-то зачем? Мы и без того сделаем все, что в наших силах.

– Я только об этом и прошу. И не пугаю вас вовсе, а объясняю серьезность ситуации. Вы с царской четой когда общались в последний раз? То-то. Потому допускаю, Алексей Иванович, что не до конца понимаете, чего от нас ждут. Успеха, вот чего. А успех этот весьма сомнителен. Если я не справлюсь, последуют служебные неприятности...

– Но ведь любой может не справиться, тем более с таким делом! – возмутился полицмейстер почти так же, как недавно Азвестопуло.

– Там, – Лыков ткнул пальцем в потолок, – это никого не интересует. Васильев опешил.

– Повторяю: никого. Поэтому, Алексей Иванович, прошу помочь мне всерьез. Не надейтесь, что как-нибудь обойдется. Мы теперь с вами в одной лодке, и она у нас дырявая. Считаете, что я пугаю? Не могу вам запретить так думать, но как бывалый человек мыслю иначе. Давайте держаться вместе, я без вас действительно не смогу вести полноценное дознание. Успех поделим пополам. Неудачу постараюсь взвалить на себя, вот только в нашем ведомстве так не бывает. И в ваших интересах, чтобы Лыков в столице сказал: Васильев сделал все, что мог.

– Теперь понял, – кивнул полицмейстер. – Против такой постановки вопроса ничего не имею. Давайте плыть вместе. Что нужно от меня в первую очередь?

Лыков перевел дух. Разговор свернул в рабочее русло:

– Кто вел дознание в четвертом году? В Казани ведь нет сысского отделения?

– Нет. Вел сам Панфилов.

– Алексей Иванович! У полицмейстера всегда куча дел. Он не может заниматься дознанием как следует.

– Пристав Первого участка Антонов помогал ему. Хотя... Скорее – тут вы правы – он тянул воз, а полицмейстер помогал.

– Я могу увидаться с Антоновым?

– Увы, нет. Он уволился от службы в прошлом году и уехал из города.

– Жаль. А Тутышкин?

Надворный советник удивился:

– Что Тутышкин?

– Он ведь тоже участвовал в том дознании?

Васильев хмыкнул:

– Ну, если считать участием то, что отходил Максимова ножнами от

шашки... Ничем иным Василий Ильич не прославился.

– Но он сейчас служит приставом. Значит, справляется с обязанностями?

– После огласки его подвигов в суде Тутышкину пришлось уволиться из полиции. Но это была лишь временная уступка общественному мнению. Уже через год приняли обратно.

– Да еще с повышением в должности?

– Людей нет, поймите. А этот хоть с каким-то опытом. Приходится за ним присматривать и одергивать. Горяч и, между нами говоря, бестолков. Такой, знаете ли, добрый малый в размашисто-военном духе, из подпоручиков. Но куда деваться? Другие в полицию не идут.

– Ясно. Значит, в дознании Тутышкин мне не помощник.

– Совсем не помощник.

– А кого тогда порекомендуете? Вы как первое лицо тоже заняты сверх меры. Мне нужен человек из кадра казанской полиции, который будет отвечать за содействие. Толковый и ответственный и не простой городской, а повыше. Есть такой?

– Есть. Пристав Первого участка губернский секретарь Ловеико Валентин Семенович. Кстати, Богородицкий монастырь находится в его участке, ему и карты в руки. Только... – Полицмейстер неожиданно смутился.

– Что такое? – насторожился питерец. – Уж договаривайте.

– Да его супруга, Анна Порфирьевна...

– Ну?

– Первый участок, изволите ли знать, находится здесь, в одном здании с полицейским управлением. Служебная квартира пристава Ловеико тоже здесь, обок с моей. Анна Порфирьевна – особа молодая и деятельная. Книжки про сыщиков любит. Вот я и взял ее письмоводителем по вольному найму. Грамотных людей мало, на такие гроши, какие мы платим, желающих нет. Короче говоря, госпожа Ловеико полноправный полицейский служащий: все знает, во все сует свой хорошенький носик и, как ни странно, справляется. Дела ведет образцово и вполне способна дать хороший совет. Вот так.

Васильев перевел дух и посмотрел на гостя – как тот отнесется? Лыков молчал, обдумывая услышанное. В Казанском полицейском управлении заправляет женщина. Не на первых ролях, слава богу, но случай все равно вопиющий. Ну и что? Если она справляется и дает хорошие советы... Лезть в чужую обитель со своим уставом? Требовать, чтобы смекалистую бабу удалили? А как потом сотrudничать с ее мужем?

– Госпожа Ловейко ведет в том числе и секретную переписку?

– Да.

– Однако, – пробурчал Лыков. – Если ваш приятель полковник Калинин узнает, то использует вам во вред.

– Он знает и уже писал в доносах.

– Алексей Иванович, но зачем вам это? – удивился сыщик. – Что, Ловейко незаменима и вы готовы ради нее терпеть убытки? Или тут вопросы решаются по-семейному? Собираетесь вечером в казенной гостиной за чашкой чая и обсуждаете текущие дела?

– Бывает и так, – с вызовом ответил полицмейстер. – С приставом Ловейко каждый день обсуждаем. Служба требует. А если его супруга рядом окажется, нам что, переводить разговор на другое?

– Я понял, – кивнул питерец. – И лезть в ваши порядки не стану, хотя и не до конца принимаю их. С моей стороны доносов не будет. Потерплю Анну Порфирьевну, да и пригляжусь к ней – вдруг действительно умна? Вы это хотели сказать?

– Точно так. Если вдруг она забудется и позволит себе лишнее, сообщите мне, я ее одерну. Но имеется, так сказать, данность. Сложившийся уклад. Менять его, извините, под вашу блажь я не намерен.

– И не надо.

– Тогда договорились. – Обрадовавшись, что объяснение состоялось, Васильев плеснул в рюмки шустовского коньяку. И спросил: – Ну, вызовем Ловейко и проведем первое совещание?

– Да, того, который в штанах.

Через минуту в кабинет полицмейстера явился веселый малый, молодой и на вид легкомысленный. Хозяин познакомил его с Лыковым и пояснил, что теперь все они плывут в одной дырявой лодке. А пристав будет при госте порученцем. При этом обязанности по основной службе с него не снимаются.

Ловейко лишь ухмыльнулся и заговорил о другом:

– Алексей Николаевич, а это не вы давеча в поезде главаря налетчиков стрельнули?

– Не доезжая Свияжска? Я.

– Слыхал, Леша? – по-свойски обратился к начальнику подчиненный. – Банда Звездкина напала в поезде на артельщика. Тот додумался взять для охраны жандармского унтер-офицера, причем оказался смелый человек. И дал налетчикам отпор. Но у него патроны почти вышли, и конец бы им тут обоим, да господин коллежский советник ехал в соседнем купе. На беду Звездкина.

– Опа! – воскликнул надворный советник. – И куда вывернуло?

– А господин Лыков ему через дверь свинцовую дулю поднес. На звук целил. С поезда снимали уже холодного.

– Вот это новость! – Полицмейстер опять полез за бутылкой. – Ай да Алексей Николаевич! Такое следует обмыть.

– Что, сильно донимал? – догадался сыщик.

– Год мы с Валентином его ловили, и все без толку. У негодяя сообщники на железной дороге, они ему сведения из рук в руки передавали. Каждый раз как вода между пальцев уходил. А теперь и искать не надо! Зажмурился, сукин сын.

– Кстати вы мне напомнили. Унтер-офицера фамилия Шавкин. Действительно храбрец: один бился с семерыми. Надо бы сообщить начальству, пусть поощрят. Кто у вас заведует железнодорожными жандармами?

– Подполковник Ахматов.

– Как мне с ним повидаться? – не унимался питерец.

– У него кабинет в здании вокзала.

– Вечером зайду. Ну, а теперь про наши дела...

Ловейко сразу посерьезнел:

– Вас прислали вести повторное дознание. Два года миновало. Имеет ли это смысл?

Васильев и Лыков одинаково хмыкнули. Полицмейстер пояснил:

– Когда получено Высочайшее повеление, Валя, смысл искать поздно.

– Да, будем искать икону, а не смысл, – поддержал его Алексей Николаевич.

– С чего начнем? – спросил губернский секретарь.

– Я осмотрю место происхождения, – ответил Лыков. – Дом, в котором жил Чайкин, надо еще раз обыскивать?

– Вдруг икона за печкой завалялась и ее тогда не заметили? – усмехнулся балагур-пристав. – Не тратьте время.

– Хорошо. В таком случае расскажите мне, на кого указывает молва? Ведь общество не примирилось с мыслью, что образ Богородицы погиб в печи, так?

– Так, – подтвердил полицмейстер. – Слухи ходят разные. Вам все или лишь самые правдоподобные?

– Все.

Казанцы принялись рассказывать. По их словам, версий было много. Например, про настоятельницу Богородицкого монастыря игуменью Маргариту говорили, что она прямо замешана в краже. Будто бы Маргарита

нарочно свела надзор за драгоценными иконами к минимуму. Стотысячные образа караулил один дряхлый сторож. Из уст в уста передавалось, что игуменья лично продала Пречистую Деву старопоморцам за миллион рублей. А конкретно собирателю старинных икон купцу Шамову.

Другой слух винил во всем бывшего монастырского дьякона Григория Рождественского. Его выгнали из обители, и он с досады и для прибытка украл Спасителя с Богородицею. Рождественский уехал из Казани неизвестно куда. А краденое якобы продал рогожцам за тот же миллион.

Третьи не верили в оправдательный приговор сторожу Захарову и говорили, что присяжные ошиблись. Старый пьяница – сообщник воров, а не потерпевший. Надо нажать на него и вызнать правду.

– Значит, покупателями называют поморцев и рогожцев, – констатировал сыщик. – А вы сами верите в это?

Полицейские привели несколько громких имен казанских купцов-староверов. В городе двоеданов^[17] семь тысяч! И многие из них на виду. Чаще всего молва поминала «чайных королей» Шмелевых и Смоленцевых. И те и другие принадлежали к официальной церкви, но втайне исповедовали раскол. После манифеста, даровавшего свободу, купцы перестали скрывать свою истинную веру. Но чтобы красть иконы! Ни Васильев, ни Ловейко не принимали такую версию.

Грешили и на купца Шевлягина, в чьем доме проживал Чайкин. Якобы это он заказал вору чудотворный образ. Но эта сплетня тоже не имела под собой никаких оснований. Болтуны просто приплели к громкому преступлению всех, кто так или иначе был связан с главным злодеем.

Когда казанцы закончили свой рассказ, командированный сообщил им о заявлении вора Комова. И спросил, что они думают об этом. Полицейские только развели руками. Кто знает? Может, врет, чтобы отвлечься от рудничных работ. А может, надоело кайлом махать, захотелось снять грех с души.

Тогда Лыков изложил свою версию, которую вроде бы подтвердила беседа с Чайкиным. Грабителей было четверо, как изначально и говорил караульщик Захаров. И один из них – Василий Шиллинг. Что думают о его доводах казанцы и где сейчас Васька?

Алексей Иванович ответил: Шиллинг нездешний, он приехал из Мариуполя вместе с Чайкиным в начале 1904 года. Сама кража из монастыря была обставлена как семейное дело. Ананий Комов, правая рука Чайкина, был любовником сестры Прасковьи Кучеровой. Участие в банде Васьки тогда выглядит весьма правдоподобно. Но ведь он в то время ломал лавку в Лаишеве. Не мог же вор быть одновременно в двух местах!

Тут Лыков выложил свой козырь. А именно доказал, что в Лаишеве Шиллинг попался 2 июля. Значит, вполне мог успеть и там, и там. А попался нарочно, чтобы сесть за мелкое преступление и спрятаться от следствия по крупному.

Оба казанца согласились, что так могло быть. Сам Васька сидел сейчас в арестном доме в Плетенях. Он уже отбыл наказание за ту попытку ограбления и успел получить новый срок. Мировой судья приговорил вора к четырем месяцам за хищение песцовой муфты из магазина «Банарцев и сын» на Воскресенской улице. Две трети из этого срока уже прошло.

– Вот как! – встревожился Лыков. – Выйдет он на волю, узнает про мое дознание, и ищи-свищи. Завтра я должен с ним побеседовать.

Полицмейстер покосился на пристава, тот кивнул:

– Сделаем. Я сообщу вам в гостиницу вечером. Вы, кстати, где остановились, Алексей Николаевич?

– У Щетинкина.

– Там дорого! А то переезжайте к нам в управление. Комната пустая найдется, Анна Порфирьевна поставит вас на довольствие.

Но сыщик вспомнил то, что узнал о госпоже Ловейко от полицмейстера, и отказался.

Для первого дня сделанного было достаточно. Лыков собирался погулять по городу, узнать его, чтобы ориентироваться самостоятельно.

Он поднялся:

– Не смею больше отнимать ваше время, господа. Жду вечером сообщения насчет Шиллинга. Последний вопрос: где советуете пообедать?

– Первоклассный ресторан Васильева тут неподалеку, на Черном озере, – ткнул в окно полицмейстер. – Параллельно Воскресенской улице идет одноименный сад, и в нем заведение. Неплох «Китай» рядом с нами и ресторан Колесникова на Рыбнорядской площади. Остальные посещать не советую.

– Вот сразу видать, Леша, что ты больше меня жалованье получаешь, – осклабился Ловейко. – Лично я хожу еще в «Славянский базар» на Большой Проломной и в ресторацию Иванова на Толчке. Дешевле и не хуже.

– Нашел богача! – возмутился надворный советник. – У меня пятеро детей, а у вас с Анькой ни единого. Все содержание уходит на то, чтобы ребятню выучить. Семьсот рублей ежегодно! А ты... Мелкий завистник.

Лыков не стал дослушивать их добродушную приятельскую распрю. Он вышел на улицу и направился на поиски Черноозерского сада. Попутно размышлял, почему у них, полицейских, всегда так много детей. Ведь служба опасная, особенно в последнее время. Страшно! Убьют – никакая

пенсия не спасет осиротевшее семейство от нищеты. Но правоохранители будто назло всему плодятся и плодятся. Тут есть какая-то особая смелость. Или желание оставить после себя на земле новые чистые души?

Отобедал питерец на Черном озере вполне сносно. Самого озера, правда, он не нашел, его давно осушили. Но ресторан оказался достойным, полицмейстер не обманул. Русская и французская кухня, обширная карта вин, бильярд, тир, кегельбан – как в столицах! А цены провинциальные: рубль за обед из пяти блюд. Все чисто, обслуживают быстро и вежливо. Сыщик повеселел. Дела на сегодня уже были закончены, и он решил погулять по городу.

Глава 5

Казань как место действия

В полицейском отношении Казань была разделена на шесть частей. Первая, что досталась приставу Ловейко, считалось самой аристократической. В нее входил весь центр с регулярной каменной застройкой. Вторая часть – Забулачье находилась на другом берегу протоки Булак. Третья вмещала северо-восточные улицы от Николаевской площади до Арского поля. Четвертая, тутьшкинская, была самая беспокойная: в нее входили Георгиевская, Ново-Горшечная улицы, Первая, Вторая и Третья Горы, а также Суконная и Архангельская слободы. Пятую называли Закабанье, там находились Плетени и обе Татарские слободы, Старая и Новая. И наконец, Шестая часть управляла пригородными слободами – Адмиралтейской и теми, что были за рекой Казанкой.

Все путеводители твердили одно и то же: Волга сыграла с Казанью злую шутку. Она делала разворот напротив нее, не доходя до города семь верст. А старый город располагался на длинном холме, вытянутом с запада на восток. Кремль, главные улицы и Театральная площадь шли по его гребню. С запада холм омывала речка Казанка. Она отделяла сам город от его заречных слобод. На правом берегу Казанки их было целых шесть. Еще две при пороховом заводе к городу не относились, а числились по уезду.

Кремль – самая высокая точка местности, с которой открывался наиболее красивый вид. Главный вход туда – через Спасскую башню. Внутри были губернские присутственные места, дворец губернатора, кафедральный Благовещенский собор, Спасо-Преображенский монастырь, церковь Киприана и Устинии, дом архиепископа, юнкерское училище, казармы 230-го Ветлужского резервного батальона и Сумбекина башня. От прежних времен, до взятия города русскими, ничего не уцелело. Татары, правда, считали Сумбекину башню минаретом бывшей ханской мечети. И если полиция разрешала, стояли перед ней на коленях, молились.

Благовещенский собор – главный в городе. Там хранились мощи первого казанского архиепископа святого Гурия. Еще собор славился тремя образами старинного письма, подаренными Иваном Грозным.

Воскресенская улица, как уже говорилось, считалась самой парадной. Она начиналась от площади Александра Второго (Ивановской) и тянулась на целую версту, до пересечения с Университетской. Справа на ней

располагались сначала городской научно-промышленный музей, за ним гостинный двор, потом духовная семинария, два суда (Окружный и Военно-окружный), военное собрание, городское полицейское управление. Слева – городская дума, лучшие гостиницы («Франция» и «Волжско-Камские номера»), два пассажа (Александрова и Чернойорова) и Воскресенский собор; в самом конце – был разбит сквер перед Ксенинской женской гимназией.

Улица заканчивалась гордостью Казани – Императорским

университетом, серьезным научным центром, с сильной профессурой и давними традициями, идущими еще от ректорства знаменитого Лобачевского. На четырех факультетах обучалось 818 студентов. Университет занимал обширный квартал. Раньше на философском факультете был восточный разряд. Но в 1851 году его перевели в Петербург и лишили Казань значительной части ее учености... В минералогическом кабинете хранились огромные самородки, один – золота, а второй – платины. Это был подарок Николая Первого, отобранный им у музея Горного института. Имелись также обширная библиотека, обсерватория, анатомический театр, зоологический и этнографический музеи, множество других кабинетов: зоотомический, фармакогностический, гигиенический и прочие.

Параллельно Воскресенской тянулись еще несколько приличных улиц. Большая Казанская переходила в Большую Красную, а Воздвиженская в Покровскую, которая затем становилась Грузинской. Эти две улицы упирались в знаменитое Арское поле. Когда-то здесь начиналось бескрайнее пространство, достигающее Сибири. Дорога, выходящая из города, так и называлась: Сибирский тракт. В прошлом на поле неоднократно сходились для битвы Запад с Востоком. Теперь эта городская окраина основательно была застроена. Здесь располагались женский Родионовский институт, церковь Святой Варвары, Промышленное училище, Университетская клиника, окружный военный госпиталь, водохранилище городского водопровода, Духовная академия... Вот-вот должны были достроить Коммерческое училище. Заканчивалась окраина Арским (Куртинским) кладбищем и Академической слободкой.

На самом краю города примыкала к Казанке Подлужная слобода. За ней раскинулись сначала Русская Швейцария, а затем Немецкая. Это уже дачные местности, где любили отдыхать жители. Между Швейцариями примостилась окружная лечебница для душевнобольных.

Пространство от Воскресенской улицы слева, если идти от кремля, славилась садами. Они будто вытекали один из другого: Банный, Черноозерский, Николаевский, Театральный, Державинский, Панаевский и Лядской, он же Скобелевский. Черноозерский из них считался самым обширным и благоустроенным, и лучший в городе ресторан не случайно располагался именно здесь. Ни Банного, ни Черного озера давно уже не было, их засыпали из соображений санитарии, остались лишь названия. На месте Банного озера теперь возвышалось безобразное здание цирка братьев Никитиных, из которого никак не могли выгнать за цинизм клоуна-дрессировщика Дурова.

Кроме того, слева от Воскресенской были расположены Богородицкий женский монастырь, мужское духовное училище, земская больница и обе тюрьмы: пересыльная и губернская.

Улицы справа от главной шли уже по склону холма, каждая следующая ниже предыдущей. Малая Проломная начиналась от Толкучего рынка (Толчка), где следовало внимательно смотреть за карманами. Улица была примечательна торговыми рядами: медовым, птичьим и другими. За ней шла Большая Проломная, на которой были собраны все деловые учреждения: биржа, торговые дома, банковские и нотариальные конторы. Ниже располагалась Вознесенская улица, считавшаяся купеческой и почти вся принадлежавшая старообрядцам. Здесь находились усадьбы Журавлевых, Смоленцевых, Тихомирновых, контора сахаро-рафинадного завода Ходорковского, а также вычурное здание Купеческого собрания. Еще ниже Вознесенской шел уже Булак. Все поперечные улицы, переходя за него, меняли свои названия. Здесь пролегла южная граница между чистым центром и непрестижным Забулачьем. Восточной границей парадной части служила Рыбнорядская улица, которая за Булаком именовалась уже Евангелистовской.

Собственно Булак – это протока, которая соединяла цепь из трех озер с устьем Казанки. Озера назывались Кабанами. Верхний, самый дальний, располагался за пределами города. В длину он был две версты и основательно широкий. Средний Кабан самый большой. Он был уже на городской окраине, там в парке «Аркадия» веселился гуляющий народ. Ближний Кабан (он меньше других) располагался в посадской части города. На северном его берегу главной улицей считалась Георгиевская. Между ней и озером раскинулись Пески, где были собраны публичные дома и там же находились воровские притоны. Вся окружающая местность называлась Суконная слобода. Сюда еще Петр Первый в 1722 году перевел суконную фабрику, отдав ее из казны в частные руки купца Михляева. Фабрика давно закрылась, а название осталось. Крутыми улочками Первой, Второй и Третьей Гор эта слобода была связана с Академической слободой и Арским полем. Жители Третьей Горы, кстати сказать, бахвалились ею. Эта улица единственная ни разу не горела в многочисленных казанских пожарах. И никто не мог объяснить почему. Торговым центром слободы являлась Духосошественская площадь. На ней продавали скотину, и в том числе лошадей. В торговые дни – понедельник и четверг – здесь происходило настоящее светопреставление, особенно осенью. А в остальные дни было пусто, и в балаганах селились бездомные.

Между Средним и Ближним Кабанами примостилась Архангельская

слобода. А еще университетский ботанический сад. В Казани, как уже говорилось, очень любили свой университет. Все, что с ним было связано, находилось на самом высоком уровне, и сад в том числе. Далее, на востоке располагались газовый завод и летний ипподром. Выселок за ипподромом не случайно назывался Бутырским – там жулики делили несправедные деньги от скачек, отчего часто случались недоразумения. Затем уже шли загородные дачи богачей (отдельно русских, отдельно татар), Ново-Иерусалимский монастырь с летней резиденцией архиерея и лагерные бараки юнкерского училища.

Теперь о Закабанье. На южном берегу Ближнего Кабана располагались Плетени, а также Старо-Татарская и Ново-Татарская слободы. В двух последних издавна проживало коренное население. Еще Иван Грозный выселил сюда татар. Лучшие мечети, самые богатые правоправные дома, вся азиатская торговля – находились здесь. Кроме того, огромный мыловаренный завод московских промышленников братьев Крестовниковых и городская бойня. Улочки восточной окраины так и назывались: Жировка и Мыловаренная. Рядом были магометанское кладбище и слобода Поповка.

Район железнодорожного вокзала освоили недавно. Городская дума из-за этого вокзала была в долгах как в шелках. Хорошо хоть строительство водопровода удалось повесить на частный капитал во главе с известным богачом Губониным. Воду добывали из ключей при деревне Пановке, в восемнадцати верстах по Сибирскому тракту, и по трубам гнали в Казань. За сто ведер брали восемнадцать копеек, в случае пожара вода отпускалась бесплатно. Все строительство закончили в 1874 году, и через пятьдесят лет после этого сооружения водопровода должны были отойти городу бесплатно. А вот канализации там пока не было. Впрочем, в Петербурге она тоже отсутствовала.

Булак, отделяющий возвышенную часть Казани от низменной, весь был захламлен. Население превратило его в клоаку, в огромную помойку. Помимо обычного мусора, сюда сливали сточные воды сразу несколько бань. От невыносимой вони бывало трудно дышать.

Продольные улицы пересекались поперечными, создавая жилые кварталы. В лучшей части города таких имелось шесть. Самая длинная из них, Рыбнорядская, не только отделяла знатную Казань от незнатной. Вокруг нее также была сосредоточена торговля жизненными припасами, и особенно волжской рыбой. Ряды шли по обеим сторонам улицы от озера Кабан до Николаевского сквера. Рыбнорядская было вечно в грязи, а в слякоть делалась и вовсе непролазной. Никакое мощение не могло

изменить ситуацию.

Поперечные улицы – особенность Казани. Кроме них, имелись еще Односторонние. Названий вроде Односторонка Кирпичного завода Лыков не встречал ни в каком другом городе.

Особняком стояла Адмиралтейская слобода, приближенная к Волге. Чтобы соединить ее с городом, насыпали длинную дамбу. Дамбы тоже считались здешней особенностью. Город на холме окружали низменные участки. Многие из них были заболочены, местность сырая, нездоровая. В весенний разлив начиналась просто беда – все вокруг заливало талой водой. Для связи с окраинами и придумали эти дамбы. Адмиралтейская стала длиной больше версты, и обошлась она казне в миллион рублей. Другие связывали центр города с Гривкой, Козьей и Ягодной слободами, с пристанями на Волге. А например, Полянинскую дамбу, что соединяла центр с Ново-Татарской слободой, весной затапливало так, что было не проехать. Но на то, чтобы поднять ее повыше, денег у городской думы не было.

Адмиралтейская слобода тоже старинная. Здесь хранились в особых сараях галера «Тверь», на которой прибыла в город Екатерина Вторая, и катер Павла Первого. Рядом на пригорке располагался старинный Зилантов монастырь. В слободе татары жили бок о бок с русскими, что было не принято в остальных частях Казани. И вполне по-добрососедски жили, кстати сказать. Поэтому тут выстроили две мечети. В быту обе национальности не ссорились. Зато синодальная церковь не упускала случая побороться за души иноверцев. Имелась даже Центральная крещено-татарская школа, в которую с трудом набирали учеников.

Неподалеку от Адмиралтейской слободы бросался в глаза самый странный казанский памятник – по убиенным воинам при взятии Казани в 1552 году. Сделанный в виде усеченной пирамиды с крестом наверху, он являлся одновременно и памятником, и храмом. Внутри в нем был расположен огромный склеп с людскими останками. Сооружение десятисаженной высоты стояло на месте братской могилы. Сколько русских пало при штурме города войсками Ивана Грозного, точно неизвестно. Но счет шел на десятки тысяч. Раз в год, 2 октября, из Зилантова монастыря сюда шел крестный ход. Проводилась особо торжественная служба в присутствии войск, начальства и обывателей. А весной, в разлив, к памятнику нужно было добираться на лодках.

Ну и, наконец, Устье – место, где Казанка впадала в Волгу. Его считали речными воротами города, которые в навигацию работали круглосуточно. Сначала, в самый пик половодья, временный дощатый городок ставили на

полпути к Казанскому холму – называли его Ближнее Устье. Затем, когда вода спадала, Дальнее Устье брало дело в свои руки. В три ряда выстраивались временные балаганы. Все пароходные компании держали здесь свои дебаркадеры. А еще имелась почтово-телеграфная контора с телефонной станцией, отделения банков, приемный покой, полицейский пост, бараки для переселенцев, а также десятки гостиниц, парикмахерских, трактиров, кухмистерских, лавок и магазинов. Все, что нужно для пассажиров. Был даже синематограф! Устье считалось второй по оборотам пристанью на Волге, присоединяющей к волжским еще и камские грузы.

Ниже находилась пристань Бакалда, но она предназначалась для буксирного флота. В последнее время то, что не помещалось в Устье, стали переводить туда, и Бакалда стала оживать.

В целом впечатление Казань производила противоречивое. Улицы тут были вымощены плохим камнем, который легко истирался. Оттого в городе летом было пыльно, а осенью и весной грязно. Болотистая местность вокруг холма, отсутствие чистых озер в черте города, вонючий Булак – все это не способствовало санитарии. Имелись и необъяснимые особенности. Например, тринадцать процентов детей в Казани рождались вне брака. Это было в пять раз больше, чем в среднем по России. Но в той же хваленной Европе эта цифра была намного выше. В Париже незаконнорожденными являлось двадцать шесть процентов младенцев. А в австро-венгерском Ольмюце – до семидесяти!

Однако у города было и много достоинств. Казань называли ученой столицей Поволжья. Здесь насчитывалось целых четыре высших учебных заведения: университет, ветеринарный институт, Духовная академия и Высшие женские курсы. Тут же располагался штаб военного округа, в который входили семь окрестных губерний от Вятской до Астраханской, плюс Уральская и Тургайская области, а также Букеевская киргизская орда.

В городе имелось множество религиозных святынь: четыре собора, двадцать восемь приходских храмов, двадцать два домовых, три военных, четыре часовни. Семь монастырей! А еще римско-католическая и лютеранская церкви. И кроме них, четырнадцать мечетей.

Инородческого населения в Казани было немного – только одиннадцать процентов. Еще пять – старообрядцы. А православных подавляющее большинство – восемь человек из десяти. Сюда входили и чуваша с марийцами. А также имелись евреи, поляки, немцы, армяне и персы. Но с виду казалось, что татар в городе намного больше. Это потому, что они были бойкими и трудолюбивыми, вот и попадались на каждом шагу...

Промышленность в Казани была развита средне. Всех фабрик и заводов насчитывалось аж восемьдесят три. Но из них серьезные обороты показывали Крестовниковы с Алафузовыми и еще паровые мельницы Журавлевых. Дымили четырнадцать кожевенных заводов, два водочных и два пивоваренных. А прочих фабрикантов впору было рассматривать в лупу...

Лыков, будучи честным туристом, с путеводителем Загоскина в руках обошел все интересные места. Начал, конечно, с кремля. Как бывший солдат, он во всех городах посещал в первую очередь военные храмы. Тут тоже помолился в церкви Нерукотворенного образа, находящейся внутри Спасской башни. Изучил всю Воскресенскую, затем в университете посетил анатомический театр, в котором ему захотелось увидеть скелеты двух знаменитых разбойников, после казни в 1847 году помещенных здесь. За Быковым числилось сто пять убийств, а за Чайкиным девяносто. Обоих кое-как поймали и забили палками до смерти.

И тут Чайкин, отметил невольно сыщик...

После университета Лыков зашел в церковь Петра и Павла, поразительной красоты и необычной отделки, и остался там надолго. Ничего подобного Алексей Николаевич раньше никогда не видел. Прихожане рассказали гостю, что в храме бывал Пушкин, а в церковном хоре пел Шаляпин. Неудивительно. Какие росписи! А семейрусный иконостас!

Еще экзотики ради турист заглянул на Сенную площадь, центр татарской торговли. Не Тифлис, конечно, но тоже интересно...

В Богородицкий монастырь он не пошел, отложил на завтра. Там будет уже не туризм, а служба.

Завершил день коллежский советник визитом к начальнику Казанского ЖППЖД^[18] подполковнику Ахматову. Там он выполнил приятный долг: похвалил смелые действия унтер-офицера Шавкина. Подполковник выслушал с удовольствием и обещал наградить храбреца.

Глава 6

Трудности сыска

Вечером никакого сообщения Лыков не получил и рассердился. Спящая провинция! Даже царского приказа недостаточно, чтобы они проснулись. Однако утром, когда сыщик брился, в номер к нему постучали. Вошел бравый околоточный с двумя новенькими солдатскими Георгиями и медалью за японскую войну. Лицо запоминающееся: точеное, хищное, как у ястреба, но при этом внушающее доверие. Именно такие лица бывают у хороших полицейских, которых боятся и любят обыватели.

– Ваше высокоблагородие! Околоточный надзиратель зауряд-прапорщик запаса Делекторский явился в ваше распоряжение. Согласно указанию господина полицмейстера, прикреплен к вам на время дознания.

– Вольно, Делекторский. А как вас по имени-отчеству?

– Никита Никитич, ваше высокоблагородие.

– Называйте меня Алексей Николаевич.

– Слушаюсь!

– Проходите, садитесь вот здесь. Чаю выпили? Не желаете еще?

– Никак нет, спасибо.

– Никита Никитич, мы с вами не в армии. И война, слава богу, кончилась. Давайте говорить человеческим языком. Я ведь тоже воевал, правда, много лет назад, с турками. И тоже потом не мог отвыкнуть от армейских оборотов. Но отвык и вам советую.

– Слу... хорошо, попробую следить за языком.

Надзиратель сел напротив начальства и молча стал ждать приказаний. Лыков так же молча разглядывал его. Было ясно, что человек перед ним штучный. Держался спокойно, никакого подобострастия не показывал. С виду бывалый, что и говорить. С таким, возможно, сваришь кашу. Будет случай – проверим, решил Лыков и спросил:

– Алексей Иванович объяснил суть моего дознания?

Делекторский хотел сказать «так точно», но вовремя поправился:

– В общих чертах. Вам велено отыскать чудотворную Казанскую икону, что украли и будто бы сожгли во время войны.

– Правильно. С той поры прошло два года, но слухи, что святой образ цел и где-то спрятан, не утихают. Начальство велело разобраться. Сам я чиновник особых поручений Департамента полиции, приехал из

Петербурга.

Делекторский слушал, склонив голову набок, и ни о чем не спрашивал. Или нелюбопытен, или в армии приучили больше слушать и меньше говорить.

– Сегодня мы должны допросить одного жулика, что сидит в земском арестном доме. Пристав Ловейко обещал сообщить мне вчера вечером, когда и как лучше это сделать. Но не сообщил. Может, вы знаете?

– Да, Алексей Николаевич, – спокойно ответил околоточный. – Смотритель дома ждет вас в любое время, ему даны указания. Василий Шиллинг сегодня от работ освобожден.

– А что за работы у арестантов? – удивился питерец.

– Самые грязные. Они помогают городскому ассенизационному обозу вывозить нечистоты.

Лыков отметил, что труднопроизносимое иностранное слово собеседник выговорил без запинки. Бывший гимназист или реалист. Лет ему, правда, уже было немало, к тридцати годам, судя по всему, подходит. Чем он занимался до войны? Как попал в полицию, куда по своей воле мало кто рвется? Но что-то удерживало сыщика от расспросов.

– Арестанты чистят выгребы? И не сбегают?

– Чистят и не сбегают, – с едва заметной иронией ответил Никита Никитич. – Сроки у них маленькие, зачем жизнь себе осложнять? Но озоруют сильно, дрянной народ.

– Озоруют? – Коллежский советник заинтересовался. – Как?

– А когда дерьмо в бочках за город везут, нарочно расплескивают, чтобы всю улицу загадить. И смеются, ревнители Автолика.

Автолик, сын Гермеса и дед Одиссея, был покровителем воров в Древней Греции. Но Лыков впервые встретил околоточного надзирателя, который об этом знал...

– Почему же начальство терпит? – спросил он.

Делекторский пожал плечами:

– Не могу знать. То есть не знаю. Но так уже давно. Газеты даже пишут, ругаются, а толку нет. Злые люди, обижены на весь свет, вот и норовят отомстить.

– М-да... Ну, едем, раз вы от чая отказываетесь. Арестный дом, как мне сказали, в каких-то плетнях?

– Нет, в Плетенях, – поправил гостя казанец. – Это местность такая в Закабанье, позади мыловаренного завода.

Возле «Казанского подворья» всегда караулили седоков извозчики. Полицейские сели в пароконную коляску и велели отвезти их до места.

Возница оказался татарин. Экипаж у него был чистый, надраенная сбруя блестела. Лыков спросил у спутника:

– Татары в городе сильны? С русскими как уживаются?

– Купечество богатое есть, торгуют с Туркестаном и Персией. Магометанская часть Кавказа тоже в партнерах. Но в обществе татары и русские мало пересекаются. Еще при Иване Грозном покоренное население выселили далеко за город. До сих пор там и живут, обособленными слободами. В русской Казани татары ходят как старьевщики и уличные торговцы. Наши у них не бывают никогда. На заводах обе национальности работают бок о бок. Татары трудолюбивые и непьющие, их нанимают охотнее нашего брата. В городской думе есть гласные из татар, но лезут они туда из тщеславия. Всерьез знатных магометан интересует только торговля.

– Мечетей у вас много, – одобрил питерец.

– Пусть молятся, не жалко. Как по мне, Бог, если и существует, он один на всех. Просто разные народы дали ему разные имена.

Мысль была не новая, но слышать ее из уст околоточного было странно. И Лыков не удержался, спросил:

– Вы ведь получили некоторое образование, верно? И явно человек думающий. Что привело вас в полицию? Не приказ о зауряд-прапорщиках?

Весной в МВД вышел такой приказ. Только что объявили демобилизацию призванных на воинскую службу в 1903 году и попавших в самое пекло войны с японцами. И полицмейстерам предлагалось принимать на должности околоточных надзирателей тех из нижних чинов, кто замещал на фронте офицеров. Японцы порядочно перебили младший офицерский состав. И фельдфебели с унтерами заменили их на поле боя в качестве командиров взводов. Эти люди проявили храбрость, инициативу, умение командовать людьми. Готовые околоточные!

Но Никита Никитич не спешил с ответом. Он внимательно и бесцеремонно, как равный равному, смотрел в глаза коллежскому советнику. Будто решал, говорить или не говорить. Наконец Делекторский произнес:

– История у меня длинная и никому в общем-то не интересная. Я бывший студент медицинского факультета Казанского университета. Замешался в беспорядках, отчислили. Потом... Случилось так, что разуверился в Боге. Пошел на войну и разуверился. Там... Что я вам могу нового сказать, Алексей Николаевич? Если вы сами воевали, то все понимаете. Какой Бог может быть на войне?

– Понимаю, – хмуро кивнул Лыков.

– Вот. А пока я воевал, у меня тут невесту убили. На дороге

подстерегли, у края города, в Жировке, позади бойни. Отняли деньги, какие при ней были, и перерезали горло.

После этого они долго ехали молча. Уже когда подъезжали к Нижнему Кабану, околоточный надзиратель добавил:

– И решил я мстить. Не тем, конечно, кто не погнушался зарезать молодую женщину. Их и след простыл, полиция упустила убийц. Ну так других таких же накажу! У меня с этой мразью разговор короткий.

Больше за всю дорогу отставной зауряд-прапорщик не произнес ни слова. Да и Лыков помалкивал, только приглядывался. Злость в полицейской службе – чувство плохое, а ненависть тем более. Далеко на них не уедешь. Но коллежский советник и сам этим грешил. Уж больно поганый народ русские уголовные, чем больше их узнаешь, тем злее делаешься.

Арестный дом оказался унылым ободраным зданием в два этажа. Смотритель представился высокому начальству:

– Не имеющий чина Доленга-Грабовский к вашим услугам. Прикажете доставить арестанта Шиллинга? Он наготове.

– Пусть приведут.

Допрос состоялся в комнате для свиданий. Околоточный сел сбоку с ручкой и бумагой, а Лыков спрашивал. Василий Шиллинг, ражий детина с блеклой плутовской физиономией ничем не напоминал тевтона. Обычный вор квасного разлива. А по документам немец и лютеранин.

– Где чудодейственная икона Казанской Божьей Матери? – сразу заговорил о главном сыщик.

Арестант сделал вид, что опешил:

– Да я... Да мы...

– Ты мне, Васька, нервы не канифоль, – сурово оборвал вора коллежский советник. – Говорю, как есть. Дела ваши, всех, кто стащил икону, очень плохи. Очень!

– Да я не крал...

– Молчать!!! Молчать и слушать. Ты влип, дурак, по самые уши. Государыня императрица повелела разыскать священный образ во что бы то ни стало...

– Так он же в печке сгорел.

– А вот Ананий Комов показывает обратное.

Тут Шиллинг действительно растерялся:

– Как обратное?

– А вот так. Икону сожгли только одну, менее ценную – образ Христа Спасителя. А Богоматерь продали. По словам Комова, ты был третьим в их

шайке. И привел с собой четвертого, который заранее нашел покупателя. Поделили добычу вы так: чудотворный образ покупателю, а ценности с риз – вам. Когда запахло жареным, Чайкин жемчуг и золотой лом спрятал, а основное богатство – бриллианты – передал на хранение твоему дружку. На днях в Александровский централ выехал следователь. Как только он возьмет у Комова показания, тебе уже не отвертеться. Не арестный дом светит на четыре месяца, а каторга на всю десятку. Ну? Будешь говорить?

Васька был поражен:

– Как же так, ваше высокоблагородие? Ведь поклеп! Я чем хошь поклянусь, что не был в их шайке.

– Кто поверит клятвам вора? Учти, мы все равно доищемся до правды. Но тот, кто нам поможет, получит снисхождение. А тому, кто врет и путает следствие, – конец. Не хочешь жизнь себе облегчить – твое дело. Пожалеешь, ан поздно будет.

– Да спросите хоть у Федора! Не было там меня!

– С Чайкиным я третьего дня в ярославской тюрьме беседовал. Он уже допрыгался – накрутил себе грехов на бессрочную каторгу.

– Черт с ним, его грехи. Вы у него про меня спросите.

– Спросил. Чайкин не подтвердил, врать не стану. Но так лицом дернул, что все понятно сделалось. Он тебя не назвал. Но лишь потому, что надеется когда-нибудь сбежать и получить назад свои бриллианты.

– Вот, не назвал же!

Лыков продолжил:

– Ты для него посредник. К тому, четвертому, у которого камни. Но бежать Чайкину уже не суждено, он сдохнет на каторге. За то, что этот гнус сотворил, прощения нет. Ты, может, тоже надеешься на его смерть? Помрет Федор, а камни тебе достанутся? Дурак. После слов Комова упакуют Васю Шиллинга в рудники. И ценности все, на сто пятьдесят тысяч, присвоит тот, чье имя ты не хочешь называть. Справедливо это будет?

Вор съежился, запахнул халат и вжал голову в плечи. Так он просидел минуту, потом встряхнулся:

– Ваше высокоблагородие! Дайте день-другой подумать. Тут голова в ставку идет, не ошибиться бы.

Алексей Николаевич предполагал такой ответ. Поэтому он смерил арестанта испытывающим взглядом, будто бы размышляя, а потом ответил:

– Хорошо, думай. Завтра опять встретимся. И смотри, не разочаруй меня.

Шиллинга увели. Лыков приказал смотрителю:

– Глаз с него не спускать. На работы не водить. И... – Тут он взял

Доленгу-Грабовского за пуговицу: – ...самое главное – доставьте мне его переписку.

– У нас это строжайше запрещено!

– Доставьте, доставьте. В ваших же интересах. Мы найдем сообщников, и получится, что с вашей помощью. Дело на контроле у самого государя. Вам все понятно?

– Вон оно что... – прошептал пораженный зритель. – Я и предположить не мог...

– Ну, теперь мы поняли друг друга?

– Так точно, господин коллежский советник. Теперь да, уж я постараюсь. А то четвертый год служу, и все без чина.

Лыков с Делекторским поехали в полицейское управление. По дороге казанец спросил:

– Вы нарочно его отпустили подумать? Чтобы он вывел на сообщников?

– Правильно, – подтвердил питерец. – Грамотно рассуждаете, Никита Никитич. Не думали о карьере сыщика?

– У нас нет сыского отделения.

– Скоро будет. Готовится реформа. Если сейчас начнете осваивать это дело – а оно интересное и требует ума и таланта, – то будете первый кандидат.

Делекторский задумался или только сделал вид – Лыков не понял. Околочный явно не собирался пускать в свою душу посторонних.

На Воскресенской они расстались. Лыков сказал:

– Давайте встретимся здесь через два часа. Будьте в партикулярном платье. Привыкайте – мы, сыщики, мундир надеваем редко. Только когда начальство зовет холку мылить.

Делекторский пропустил мимо ушей «мы, сыщики» и спросил:

– Что у вас в планах?

– Пройдемся по местам, где развивалось дело Чайкина. Богородицкий монастырь, Академическая слобода, губернская тюрьма. Хочу поглядеть на все своими глазами.

– Но зачем? – Надзиратель не скрыл раздражения.

– Проще вести дознание, если побывал на месте.

– Даже спустя два года?

– Даже так.

Делекторский пожал плечами, козырнул и ушел. А коллежский советник поднялся к полицмейстеру.

Васильев был не один. Напротив него сидел губернский секретарь

Ловейко, а у стола с бумагами в руках расположилась молодая женщина в деловом черном костюме. Алексей Николаевич догадался, что это знаменитый вольнонаемный письмоводитель полицейского управления. Точнее, письмоводительница.

– Алексей Николаевич, как вы кстати, – обрадовался Васильев. – Вот, познакомьтесь. Это Анна Порфирьевна Ловейко. В отсутствие сыскного отделения наш главный лекок.

Дама непринужденно рассмеялась. Чувствовалось: полицмейстер ей не начальник, а приятель. Что за ерунда? Но Лыков изобразил улыбку и поцеловал письмоводительнице ручку. Анна Порфирьевна была не то чтобы хороша. Скорее, интересна. Правильная красота не так притягивает мужчин, как обычное лицо, но с изюминкой. Госпожа Ловейко была из таких. Глаза веселые и немного дерзкие. Или даже порочные, но притягательно. Белая кожа, приятный овал лица, выющиеся волосы. Мочка уха, правда, не той формы, какую Лыков любил, ну так ему на ней не жениться.

– Сыскное отделение будет у вас года через два, – заявил столичный гость, усаживаясь рядом. – Так что пора натаскивать Анну Порфирьевну в тонкостях службы. Глядишь, у вас окажется готовый заведывающий отделением.

– Я бы с радостью, – подхватила дама. – Можете смеяться, но чувствую в себе задатки. Жаль, что этого никогда не случится. Наш мир захватили мужчины и не хотят отдавать.

Тут заговорил ее супруг, и неожиданно серьезно. Он обратился к питерцу:

– Алексей Николаевич, вы ведь давно в сыске?

– Двадцать семь лет.

– И сколько раз ранены?

Лыков сначала удивился, но потом сообразил и ответил честно:

– Если не считать войны, а только полицейскую службу, то одиннадцать. Или двенадцать. Могу ошибиться.

У Анны Порфирьевны вытянулось лицо. А Валентин Семенович сказал ей с нажимом:

– Поняла теперь, дурочка?

Ловитко вспыхнула, вскочила и молча выбежала из кабинета. А пристав повернулся к гостю:

– Вы уж на нее не обижайтесь. Женщина – что с нее взять? Люблю ее, вот и пытаюсь уберечь. Она знает что на Ильин день отмочила? Есть у нас бандит знаменитый, Костька Каторжный. Крови на нем немерено. Так моя

сыщица по прежним делам вычислила Костькин притон. И, никому не сказав, пошла его разведать. Чуть ей там, глупой, голову не сняли.

Алексей Николаевич счел, что пора прекратить посторонние разговоры и нужно перейти к делу:

– Господа, насчет сыскного отделения я не соврал, скоро их откроют во всех крупных городах. Вам нужно подумать, кого назначить во главе. В этой связи дайте мне оценку Делекторскому. Он подойдет?

Казанцы переглянулись, и полицмейстер ответил:

– Делекторский у нас всего четыре месяца. Герой войны, храбрый человек. Но немного странный.

– В чем это проявляется?

– У него невесту зарезали.

– Да, Никита Никитич рассказал об этом.

– А как он двух грабителей шашкой в капусту изрубил, не рассказывал? – перебил начальника Ловейко.

– Нет. Что значит изрубил шашкой? Полицейским запрещено отпускать ^[19] холодное оружие.

– Запрещено, – согласился пристав. – Вот никто и не проверил. А новый околоточный наточил втайне от всех. И когда в облаве в Малом Игумнове попала шайка дезертиров, такое произошло! Бандиты стали стрелять, наши попрятались. Не впервой: попалят да убегут, а мы их потом догоним... Если повезет.

– Что же Делекторский?

– А он не спрятался. Выхватил шашку и побежал прямо на них.

– В одиночку?

– Именно. В него лупят из четырех стволов, а он бежит. Пули словно обходят стороной – ни одна даже не оцарапала. Ну, ребята перепугались, кинулись врассыпную. Револьверы побросали, кто-то руки поднял, мол, сдаюсь. А этому хоть бы что. Добежал и двоих на месте погромсал на части.

– Прокурорский надзор что сказал?

– Одобрил, – заявил Ловейко, к изумлению питерца.

– Как одобрил?

– В связи с общей неспокойной ситуацией в государстве, в Казани в частности, действия околоточного надзирателя Делекторского признаны законными и отвечающими обстоятельствам. Во как!

– Ну и ну. А потом что?

– Потом я лично приказал ему затупить шашку, – продолжил рассказ Васильев. – И провел с ним беседу, что здесь не война, а грабители – не

японцы.

– Подействовало?

– Нет. Делекторский ответил, что у нас есть отребье похуже любых японцев. И он считает своим долгом бить их без жалости.

– А шашку затупил?

– Не знаю. И стесняюсь, честно говоря, спрашивать.

– Полицмейстер стесняется сделать замечание околоточному надзирателю? – нахмурился Лыков. – Вы дали приказ, его следует беспрекословно выполнить. У нас как в армии, что вас удерживает?

– Понимаете, такие, как он, нужны в наше злое время. Чтобы нас боялись.

Валентин Семенович на этих словах фыркнул. Похоже, он иначе смотрел на вещи.

– Боялись? Пока что Делекторского боятся лишь его собственные подчиненные, городовые. Не хотят с ним на облавы идти. Говорят, что он бешеный, сам сгинет и их под пулю подведет.

Полицмейстер счел за лучшее переменить разговор. Он спросил у питерца, как прошел допрос подозреваемого Шиллинга. Лыков ответил, что закинул удочку, а клева будет ждать завтра. И удалился.

В оговоренное время коллежский советник и околоточный встретились на подъезде полицейского управления. Делекторский оделся подходяще: аккуратно, но неброско. Начальник одобрил, и они двинулись к цели.

Казанско-Богородицкий женский монастырь занимал целый квартал между улицами Поперечно-Казанской, Нагорной и Большой Казанской. До кремля рукой подать. Кроме того, монастырь с двух сторон обступили узилища: на Малой Казанской – губернская тюрьма, а на Односторонке Пересыльной тюрьмы – этапный двор. Как же воры не испугались такого соседства? Действительно, дерзость Чайкина была безгранична.

Обитель производила сильное впечатление. Высокая стена по периметру, радиальные корпуса с кельями насельниц, настоятельский дом и четыре храма. Самый большой – Богородицкий Казанский собор – был возведен на том месте, где в 1579 году была обретена чудотворная икона. Справа от него высокая колокольня, в подвале которой заперли сторожа Захарова. Был еще теплый собор во имя Николая Тульского и две церкви: Крестовоздвиженская и надвратная Софийская. Общее число обитателей монастыря доходило до четырехсот человек!

Лыков обошел всю территорию, внимательно осмотрел главный храм. Теперь в иконостасе вместо похищенного образа находилась другая икона. Сыщик знал ее историю. Кража в Казани потрясла весь православный мир.

И константинопольский патриарх Иоаким Третий повелел в утешение казанцам сделать список с древней и почитаемой иконы Божьей Матери Паммакриссты (Всеблаженнейшей), находящейся в патриаршем храме святого Великомученика Георгия. И передал его в дар Богородицкому монастырю. Теперь византийский образ замещал пропавшую икону.

Коллежский советник посмотрел, что хотел. Помолился на Всеблаженнейшую (Делекторский равнодушно стоял рядом, не крестясь) и отправился в Академическую слободу.

Дом купца Шевлягина находился на углу Муратовской улицы и Кирпично-Заводской Односторонки. Квартира, которую два года назад снимал Чайкин, была на первом этаже, окнами во двор. Лыков погулял вокруг, заглянул в калитку. В квартире жили другие люди, и сыщик не решился их беспокоить. Да и что интересного он мог увидеть внутри? Полиция тут землю рыла. Все тайники клюквенника давно обнаружены. Поэтому питерец покрутился рядом для порядка и вернулся в номера. У дверей «Казанского подворья» он простился с Делекторским, велел тому явиться завтра к девяти утра.

Однако уже через час в дверь к Лыкову постучали, и в номер ворвался надзиратель.

– Беда, Алексей Николаевич! Шиллинг сбежал!

– Как? Когда?

– Пару часов назад прямо из арестного дома.

– Я же велел этому с двойной фамилией глаз с него не спускать!

– Наряд арестантов отправился чистить выгребные ямы. Шиллинг поменялся с одним из сидельцев и вышел за ворота. А там дал стрелка.

– И охрана не заметила подмены?

– Охране никто не сказал, что Шиллинга нельзя посылать на работы. Смотритель говорит, что забыл.

– Ах он... Быть дураку теперь вечно не имеющим чина. Побежали туда!

Доленга-Грабовский не решился показаться на глаза столичному полковнику. Он якобы искал беглеца по городу. По крайней мере, так доложил Лыкову помощник смотрителя. Сыщик плюнул и занялся делом. Он приказал собрать всех арестантов в коридоре. По одному их заводили в надзирательскую, где Алексей Николаевич вел беседу. Он задавал одни и те же вопросы. Кто приходил к Шиллингу? Есть ли у него любовница или приятели на воле? С кем вор особо дружил? К удивлению Лыкова, ему честно пытались помочь. Из сорока трех арестантов ни один не юлил и не отнекивался. Немец Васька – так звали здесь Шиллинга – ни у кого не

вызывал симпатии. То ли оттого, что лютеранин, то ли из-за немецкой крови, а скорее из-за скверного характера. И беглеца охотно сдавали с потрохами.

В первую очередь все в один голос называли Василия сообщником Чайкина. То, что он лазил два года назад в Богородицкий монастырь, как оказалось, было секретом лишь для полиции. Сыщик не удивился: тюрьма всегда все знает, да не рассказывает.

– Черт нерусский, на какую святыню позарился! – кричали самые горластые.

– Что же ты раньше молчал? – сердито спрашивал у них отставной зауряд-прапорщик.

– А чаво? Нас не касается. А если тебя не касается – помалкивай; арестантский закон.

Алексей Николаевич крикунов не слушал и сразу выгонял в другую дверь. Допрос был устроен так, что те, кого уже вызывали, не могли общаться с остальными. И наконец на пятнадцатом или шестнадцатом собеседнике Лыкову повезло. Крючник с волжских пристаней, попавший сюда за пьяную драку, сказал:

– Был разговор про бабу. Васька назвал ее. Хвастал, что ждет она его. Отначусь ^[20], мол, и сразу туда, картоху со шкварками жрать. До жратвы он охоч.

– Назвал по имени или фамилии?

– Не. Чудно как-то. Дайте вспомнить.

Крючник почесал грязный лоб и радостно воскликнул:

– Во! Ай да голова у меня, чисто правящий сенат!

– Ну, не томи, – приказал сыщик.

– Афтаклава, во как.

– Может, Клава? Клавдия то есть?

– Не. Афтаклава, точно.

Больше никто ничего стоящего не припомнил, и Лыков вернул арестантов в камеры. Вдвоем с Никитой Никитичем они взяли извозчика и поехали в полицейское управление. Лыков сказал задумчиво:

– Что за Автоклава такая? Кого могут так называть? – И вдруг хлопнул себя по лбу: – Ой! У меня голова тоже как сенат.

– Что случилось, Алексей Николаевич? – всполошился казанец.

– Мысль пришла. Моего помощника в Москве ранило во время восстания. Несильно, так, царапина. Но мы боялись заражения крови и пришли в больницу. Нас подняли на смех и выгнали. И то сказать: кругом тяжелые лежат, и драгуны, и семеновцы вперемешку с дружинниками, а тут

мы с царапиной. И вот там, в Лефортовском госпитале, я увидел табличку на двери: «Автоклавная». Как недоучившийся врач, скажите мне: что имеется в виду?

Никита Никитич смутился:

– Автоклавная? Да я уж все позабыл на этой войне...

– Едем в библиотеку университета, глянем в энциклопедическом словаре.

Библиотека оказалась пуста. Студенты только начали учиться и еще не сильно баловали ее своим вниманием. Старое здание, возведенное при Лобачевском, выглядело необычно: железные двери и ставни, чугунные полы, какие-то отсеки.

Лыков попросил седовласого смотрителя дать ему том Брокгауза и Ефрона на букву «А». Смотритель сварливо ответил:

– Какое слово вам нужно, господин предержажий? На букву «А» три первых тома и еще часть четвертого.

– Как вы догадались, что я из предержажих? – добродушно улыбнулся коллежский советник.

– Старый народоволец видит таких за версту, – гордо ответил библиотекарь.

– Со мной вы малость обмишурились. Я уголовный сыщик и не собираюсь этого стыдиться. Или вы из тех, кто считает: чем хуже, тем лучше? И пусть убийцы гуляют?

– Нет, так я не считаю. Однако...

– Нас интересует слово «автоклав», – не дал ему долго рассуждать Лыков.

– Вот. Первый том.

Алексей Николаевич прямо при нем раскрыл книгу и прочитал вслух, адресуясь к околоточному:

– Автоклав – толстостенный, герметически запирающийся (непроницаемый для паров и газов) сосуд, предназначенный для нагревания различных веществ под давлением и при температуре выше точки кипения находящейся совместно с веществом жидкости. Что-то не то... Ну-ка, а дальше? Используется в поваренном искусстве, в технике при выварке клея из костей, при получении стеариновой кислоты, в особенности для приготовления древесной массы или целлюлозы при фабрикации бумаги. Ну и при чем тут больница?

– Для выварки клея из костей? – переспросил надзиратель. – И стеариновой кислоты? Возможно, баба служит на заводе Крестовниковых. И там стоит ее автоклав.

Стеариново-мыловаренный завод братьев Крестовниковых был самым большим в Казани. Его высокие, вечно дымящие трубы на левом берегу Кабана видны были из любой точки города. Две тысячи рабочих выдавали в год продукции на шесть миллионов рублей!

– Баба на заводе? Маловероятно, – возразил Алексей Николаевич. – Тут написано, что в автоклаве могут происходить опасные для жизни взрывы. Кто доверит такой аппарат женщине?

Старый народоволец с интересом слушал их разговор. Сыщик заметил это и втянул его в беседу:

– Скажите, может, вы знаете, как используют автоклав в больнице?

– Конечно, знаю, – ответил тот с усмешкой. – Стерилизуют в нем хирургические инструменты.

– Вот! Подходящая работа для женщины! – радостно воскликнул питерец. – И если такой женщине имя Клавдия, то шутя ее вполне могут звать Автоклавой.

Лыков поблагодарил библиотекаря за подсказку. Хотел уже уйти, но не удержался и спросил:

– Поясните, пожалуйста, почему у вас такое необычное здание? Никогда подобного не видел. Чугунные полы, как в храме, и железные ставни, как в банке.

Служитель воспрянул:

– Так было задумано Николаем Ивановичем Лобачевским. У нас ведь и тогда уже была огромная и очень ценная библиотека. Вот чтобы уберечь ее от пожара, а они в Казани, к сожалению, часты, и выстроили наш корпус. По всем правилам науки тридцатых годов прошлого века. Чугунные полы, правда, появились лишь десять лет назад. Но само здание изначально было выстроено из нескораемых материалов. А в случае угрозы оно герметично закрывается изнутри.

– И что, помогло? Хоть один пожар библиотека выдержала?

– А как же! В тысяча восемьсот сорок втором году выжгло полгорода. В университете сгорели астрономическая и магнитная обсерватории, некоторые другие корпуса. А библиотека уцелела. Служители закрыли двери, заперли изнутри железные ставни. И отстояли великую ценность. Даже помогли другим: библиотека, как скала, возвышалась в огне и заслонила собой главный корпус. – Дедушка перевел дух и добавил, обведя рукой вокруг себя: – Мы все уйдем, а бесценные сокровища науки, накопленные нашими предшественниками, останутся. В том числе благодаря чугунным полам, хе-хе.

Лыков дружески простился со старым народником. Тот оказался

вполне симпатичным человеком, хотя и недолюбливал полицию.

Сыщик потащил подчиненного на улицу. Он был возбужден – есть след!

– Заметили, Никита Никитич, как хорошо, что вы в партикулярном? Мы, сыщики...

– Уже слышал, – оборвал питерца казанец. – Только когда начальство зовет вас мылить шею. Но почему вы решили, что из меня выйдет сыщик?

– Кое-какие задатки для этой службы у вас есть. Например, храбрость. Но одной ее мало. Например, вы давеча зарубили шашкой двух бандитов. Мы, сыщики, предпочитаем арестовывать, а не убивать. Если всех казнить, как искать сообщников? Мертвые не говорят. Это как на войне: взять «языка» и зарезать его. Неправильно же.

– Там были негодяи, они людей убивали, – возразил Делекторский, гоняя желваки по лицу.

– Такие всегда были и будут среди нас, прямоходящих. Намерены всех их истребить? Утопия.

– Да ну вас! – чуть не крикнул околоточный. Он явно не считал Лыкова начальством.

– Не нукайте, а несите службу, – строго оборвал коллежский советник. – Пока вас ко мне приставили, извольте подчиняться. А потом разойдемся, я лишней минуты не намерен вам навязываться.

Казанец зло сжал зубы, постоял, глядя в сторону, потом спросил отрывисто:

– Куда теперь?... – И добавил через силу: – Ваше высокоблагородие.

Лыков прыснул, Делекторский через секунду присоединился к нему. Мужчины отсмеялись и протянули друг другу руки:

– Мир.

– Мир. А ехать надо в городскую управу, смотреть списки медицинского персонала. Сколько в городе больниц?

– Если все считать, и земские, и фабричные, и военный госпиталь, и университетскую клинику, то немало. С чем Казани повезло, так это с медициной. Врачей как собак нерезаных!

Заведующий врачебным отделом городской управы Рябчиков сначала не хотел помогать незнакомцу. Открытое письмо за подписью Столыпина не произвело на него впечатления. Пришлось телефонировать полицмейстеру. Васильев двумя фразами поставил чиновника на место. После этого начались бесконечные звонки. Запросили даже окружную лечебницу для душевнобольных. И нигде не нашлось женщины по имени Клавдия, работающей с автоклавом.

Уже к вечеру уставшему Рябчикову вдруг пришла в голову замечательная мысль.

– Погодите-ка, – сказал он сыщику. – Есть одно место, куда мы не телефонировали.

– Что за место?

– Убежище акушерки Батыр-Нехотяевой для секретно-беременных. Сейчас проверим...

Заведующий набрал номер.

– Алло, госпожа Нехотяева? Добрый вечер. Это Рябчиков из управы. Скажите, у вас для дезинфекции используют автоклав? Ав-то-клав. Да. Очень хорошо! А кто им заправляет? Кастелянша? Как ее зовут? Клавдия Чембулатова? Очень-очень хорошо. Слушайте внимательно. К вам сейчас придет человек по фамилии Лыков. Лыков. Да. Ответьте на его вопросы. Иначе секир-башка всей городской управе. Полицмейстер обещал, да. Он у нас мушкетер сурьезный, надо помочь... Всего доброго!

Лыков протянул чиновнику руку и искренне восхитился:

– Ну вы и умница, Иван Саввич. Куда ехать?

– Да тут рядом, пешком дойдете. Малая Проломная, дом Гуревича. Это под Ивановским монастырем.

Полицейские спустились на Проломную. Уже темнело, солнце садилось за Услонские горы. Акушерка Батыр-Нехотяева была не рада визитерам, но четко ответила на все вопросы. Дезинфекцией в убежище заведует Клавдия Чембулатова. Называют ли ее Автоклавой? Да, так уж повелось с самого начала. Кто-то пошутил, и прижилось. Что она за человек? Старательная, никаких претензий. Автоклав – штука дорогая, не во всех больницах есть. И управляться с ним опасно. А Клавдия не боится. Мужчина у нее имеется, но кто, акушерке неизвестно. Вроде заходил однажды. Белобрысый, корпусный. Где сейчас кастелянша? У себя дома, служба ее закончилась час назад. Проживает во Второй Поперечно-Козьей улице, в собственном доме.

Поблагодарив акушерку, полицейские направились на биржу извозчиков. По пути околоточный пояснил, что Поперечно-Козья улица находится в Козьей слободе, на правом берегу речки Казанки, не доезжая Кизического монастыря. Искать там среди ночи дом Чембулатовой – дело нелегкое. Лучше дождаться, когда рассветет.

Лыков выслушал и скомандовал:

– Поедем сейчас.

Извозчик, узнав, куда надо седокам, заломил два рубля. По казанским меркам, это была наглость: за трешницу можно было нанять экипаж на

целый день. Но коллежский советник сел не торгуясь и велел поспешать. Делекторский проверил, в кармане ли револьвер, и тоже забрался в пролетку. Двое храбрых людей нырнули в сгущающиеся сумерки.

Дорога в слободу лежала через дамбу. Пролетка миновала деревянный мост через Казанку. Нигде ни огонька, лишь вдалеке на горе что-то светило. Лыков едва мог разглядеть луга, кое-где поросшие кустарником. Пахло болотом, кричала ночная птица, низко над головой прошли утки. Отъехали от города на двести саженей, а будто на краю вселенной.

Вдруг слева открылась кучка домов, в некоторых окна были освещены.

– Это Гривка, – пояснил Делекторский. – Наша чуть дальше. Скоро приедем.

Действительно, еще через полверсты они въехали в слободку. Их встретил ярко освещенный кабак. Возле входа стоял мужик и задумчиво чесал зад.

– Эй, земляк, двугривенный хочешь? – спросил Лыков.

– Ну?

– Чего ну? Али не хочешь? Так я сейчас другого найду.

– А че сделать-то надо?

– Показать дом Клавдии Чембулатовой. Мы от ее хозяйки, акушерки.

Срочно велела вернуться на службу, там у них роды тяжелые.

– Че ж вас двое?

– А чтоб не вырвалась Клавка, – засмеялся коллежский советник.

Мужик удовлетворился таким ответом и сел в пролетку.

– Туда давай, – скомандовал он извозчику. – Так, так... А таперича влево. Ага... И в самый конец езжай. Тпру! Вот ейный дом, а с вас двугривенный.

Принял монету и радостно побежал обратно к кабаку. А полицейские стали осматриваться. Дом был одноэтажный и, судя по всему, ветхий. В крайнем окошке теплился свет.

Алексей Николаевич бесцеремонно стукнул кулаком в дверь:

– Клавдия! Выдь-ка!

Послышались шаги и встревоженный женский голос:

– Кто там?

– От старосты тебе бумага, насчет постоя.

– Какого еще постоя?! – возмутилась баба. – Совсем ум потеряли? Я ж освобождена как вдова!

– Мое какое дело? Распишись, да и ладно. А там сами разбирайтесь, кто вдова, а кто девка на выданье.

Лязгнул крючок, и дверь распахнулась. Полицейские прошли в сени, Лыков тут же взял бабу за шею и спросил властным голосом:
– Васька где?

– Ка... какой Васька?

– Будешь врать – удавлю.

Сыщик чуть сжал пальцы. Кастелянша всхлипнула и просипела:

– В горнице они.

Тут изнутри раздался топот сапог. Сыщик отпустил бабу и кинулся в дом, Делекторский – следом. Они ворвались в горницу и увидели двух мужчин, убегающих во внутренние комнаты.

– Стой!

В ответ грохнул выстрел. Пуля впилась в стену между полицейскими. Лыков машинально отшатнулся. А околоточный как на крыльях полетел вперед. Снова бабахнуло, и снова мимо. Лыков поднажал, и вовремя. В тесной спальне Делекторский нагнал стрелявшего и ударил его кулаком в шею. Тот развернулся и дал сдачи. Видимо, двинул он сильно, поскольку Никита Никитич едва не упал. Но тут подбежал сыщик и врезал бандиту в челюсть так, что тот улетел за кровать. Не останавливаясь, Алексей Николаевич ринулся в следующую комнату и схватил там второго.

– А ну за мной! – приказал сыщик.

На свету выяснилось, что он поймал Василия Шиллинга. Кто же тогда стрелял в полицейских? Сдав арестанта помощнику, Лыков вытащил из-за кровати другого. Тот мычал и шарил по сторонам руками. Коллежский советник бросил пленника на пол и повернулся к Делекторскому:

– Зачем вы кинулись на пули? Здесь что, война?

– Я никого не принуждаю бежать следом, – сердито ответил Никита Никитич. – А поступаю, как считаю нужным.

Лыков собирался возразить, что не привык прятаться за чужие спины. Но это прозвучало бы чересчур пафосно, и он выразился иначе:

– Вы хоть и временно, но подчинены мне. Значит, я за вас отвечаю.

Надзиратель удивленно посмотрел на коллежского советника и хотел что-то сказать. Но тут незнакомец пришел в себя. Делекторский взял его за ворот и поставил на ноги. Дитина осмотрелся и вдруг заявил:

– Алексей Николаич, если бы я знал, что это вы, нешто стал бы стрелять?

– Кто таков? – удивился сыщик. Взял со стола керосиновую лампу, поднес к лицу говорившего – и рассмеялся: – Иона, как же так? Ты почему здесь, а не на Сахалине?

– Дык японец меня оттуда выгнал.

– Знакомьтесь, Никита Никитич. Человек, чуть не отстреливший вам голову, – это Оберюхтин Иона Федотович. Грабитель первый сорт. Бежал с сахалинской каторги, куда я его отправил пять лет назад.

Делекторский кивнул бандиту, как старому знакомому, и начал вязать ему руки за спиной. Но Лыков остановил:

– Не надо.

– Почему? Ночь на дворе.

– Ха! – оскалился Оберюхтин. – От Алексей Николаича разве убежишь? Он меня два раза ловил, и завсегда успешно.

Обыск в избе коллежский советник решил отложить до завтра, а пока собирался доставить арестованных в съезжую. Но когда все вышли на улицу, оказалось, что экипажа там нет. Извозчик услышал выстрелы и с перепугу уехал. Лыков, недолго думая, повел колонну к кабаку. Отыскал среди завсегдатаев знакомого мужика и велел ему чесать бегом до города. Там найти первого попавшегося городского и вручить ему записку, чтобы тот снарядил в Козью слободку целый караван, с которым посыльный вернется и продолжит угощаться... Мужик сначала заартачился, но увидел трешницу и сразу согласился. Сыщик сочинил записку и вручил ему, а для скорости дал тумака.

Дальше оставалось только ждать. Алексей Николаевич взял в кабаке бутылку казенной с белой головкой^[21], и все вернулись в дом. Там Автоклаву с ее кредитным рассадили по разным комнатам, а Лыков с Оберюхтиным уселись в горнице выпивать. Питерец пригласил и околоточного, но тот отказался. Вообще, поведение Делекторского после слов Лыкова изменилось. Он вдруг сделался почтителен и вежлив. Видимо, впервые встретил человека в высоких чинах, который ради подчиненных готов лезть под пули.

– Ну, Иона, скажи теперь, как ты тут оказался?

Глава 7

Банда Варехи

– Сначала вы, ваше высокоблагородие, – ответил Оберюхтин. – Кого на сей раз ищете?

– Я пришел за Васькой Шиллингом. Он недавно сбежал из арестного дома.

Каторжный хитро посмотрел на сыщика и продолжил расспросы:

– Сокол червяков не ловит. Пошто вам этот глист?

– Он замешан в краже иконы, – ответил Лыков и впился взглядом в лицо бандита.

Тот и ухом не повел:

– Какой иконы?

– Да ладно. Вся Казань знает, а ты впервые слышишь?

– Ну, бояли люди... Чудотворная икона-то? Которую в войну схитили?

– Да.

– Вот нехристь... – лениво произнес Оберюхтин и налил себе еще.

– Иона, ты меня знаешь... – начал Лыков.

– Ну?

– Мне приказали найти образ. И если он еще цел, я его найду. Кто мне поможет, тому будет послабление. Кто помешает – пусть не обижается. Ты себя где видишь?

– Нигде, Алексей Николаич, – ответил бандит. – Я тут не при делах. Бежал с каторги, правда ваша. Осел в Казани, потихоньку промышляю кистенем. Пить-есть нужно, вот и приходится хищничать. За это буду ответ держать. А про икону ничего не ведаю.

– Как с Шиллингом оказался в одной хате? Знал его раньше?

– Васька при нашей хевре подводчиком служит.

– Его же посадили три месяца назад. И что, с тех пор вы без разведки грабите?

– Из арестного дома, ваше высокоблагородие, все, кто хочет, на ночь домой отлучаются. Надо только смотрителю рублевину дать. Вот и Васька уходил, когда требовалось. Подведет нас к магазину или богатому дому, все разнюхает. Потом в Плетени, на нары, как ни в чем не бывало. А мы делопроизводством занимаемся. Полезный человек, хоть и дрянь.

– Ну допустим, – задумчиво продолжил сыщик. Он не поверил

опытному уголовному, много раз уже бывшему под следствием. – А что у тебя за хевра?

– Обижаете, ваше высокоблагородие, – нахмурился бандит. – Иона Оберюхтин язычником^[22] никогда не был. И сейчас не будет.

– Есть банда в городе, которую мы никак не можем поймать, – вмешался околоточный надзиратель. – Их десять или двенадцать человек. С весны громят все подряд. Половина из них – беглые каторжники, но есть и обычные блатные. Где-то на окраине у них притон, отыскать пытались – не получается. Хитрые!

– Откуда они свалились на ваши головы? – спросил Лыков.

– Черт их знает. Но пришлые. Были у нас два «ивана», держали деловых в кулаке. Так их порезанными нашли. Эти и порезали, кому же еще? Теперь правят в Казани, всех запугали. Приятель ваш, как пить дать, из банды обратников^[23]. То-то полицмейстер будет доволен.

– А когда явились обратники?

– В марте был первый грабеж. Я тогда еще в полиции не служил, подробностей не знаю. Потом началось: вооруженное нападение на лавку Журавлева, кража из кладовых дома Крупенникова, разбой в доме Юшкова, вооруженная кража из кладовых наследников Архиереева... И все на большие суммы, на тысячи.

– Что о шайке удалось узнать?

Делекторский вздохнул:

– Только то, что у атамана фамилия Вареха.

– Вареха – известный негодяй, – пояснил Алексей Николаевич. – Бежал из Кутомарской тюрьмы. Очень опасный. Но если банда объявилась в Казани только этой весной, мне она неинтересна. К краже иконы обратники отношения не имеют.

Сказал и бросил быстрый взгляд на бандита. Ого! Выражение его лица не изменилось, но глаза стали другими. Как будто Иона услышал хорошую новость. Что бы это значило?

Сыщик налил старому знакомому еще водки, но пользы от этого не получил. Бандит пил, балагурил, однако насчет самого важного помалкивал. Тогда Алексей Николаевич тщательно обыскал пленника. И, к своему удивлению, обнаружил у того вид. Документ был выписан на имя Героева Павла Федорова, крестьянина села Николо-Пичкас Спасского уезда. На виде была полицейская явка^[24] затона Соляная Воложка.

– Никита Никитич, что еще за Соляная Воложка?

– Там корабли зимуют. Близ Матюшкиной деревни, вниз по Волге.

– А далеко это от Казани?

– В двадцати верстах.

Оберюхтин-Героев заерзал. Алексей Николаевич спросил его:

– Не там ли ваш притон, Иона?

– Нет, я в этой Воложке одну только ночь провел.

– А теперь где живешь?

– А где придется.

– Без прописки, значит?

– Ага. Семь бед – один ответ. Пейте мою кровь, чего уж там, коли попался.

– Где у вас притон? Где Вареха ночует?

Но бандит лишь покачал головой.

Наконец из города прибыло подкрепление. Лыков усадил пленных в экипажи, Делекторского оставил руководить обыском, а сам поехал в полицейское управление.

Васильев оказался на месте, хотя на часах была половина второго. Новость о том, что командированный ловил похитителя икон, а поймал беглого каторжника из банды Варехи, потрясла его.

– Вы же два дня назад приехали! И уже... Ну дела!

Алексей Николаевич рассказал полицмейстеру, как все вышло. И сообщил свою догадку насчет волжского затона. Банда может прятаться там. Совершив очередной налет, грабители убираются вниз по реке и отсиживаются в тихом месте, где их никто не ищет. Надворный советник согласился, что это весьма вероятно.

Лыков продолжил мысль:

– Если Оберюхтин сегодня к вечеру не вернется в затон, остальные поймут, что он попался. И сменят дислокацию.

– Так и есть. Надо лететь туда. Взять побольше вооруженной силы и лететь. Хотите с нами?

– Был бы не прочь, Алексей Иванович, но сейчас, с вашего позволения, отдохну. Вы пока распорядитесь, чтобы всех троих рассадили по разным камерам. Бабу тоже, она что-то знает. Допрашивать их лучше не сейчас, а когда вернемся из Соляной Воложки. Вдруг всех там накроем? Сразу разговор по-другому пойдет.

Лыков предупредил, что явится на казенную пристань с «маузером» к десяти утра, и ушел спать.

Когда он приехал, оказалось, что арестная команда уже в сборе и ждали только его. Десять городских при двух околоточных (один из них – Делекторский) погрузились на полицейский катер. Васильев и Лыков шли

за начальство. Полицмейстер слегка нервничал. Никита Никитич же равнодушно крутил ус и докладывал питерцу о результатах обыска. Они оказались невелики: нашелся воротник из камчатского бобра, который вынесли из кладовой наследников Архьереева. Улика говорила, что Автоклава связана с бандой обратников. Это позволяло прижать бабу и заставить говорить. Никакой другой добычи обыск не дал.

Закончив рапорт, Делекторский отошел в сторону. Его место занял Алексей Иванович и стал рассказывать о проплывавших мимо пейзажах. Волга напротив Казани как раз делала поворот на юг. Новое направление она сохраняла отсюда и до Каспийского моря. Высокий правый берег был красив, а левый уныл и однообразен.

– Вон, видите протоку за Верхним Услоном? Это Козья Воложка, тоже место зимовки судов. За ней – Нижне-Услонский затон. А там начинается Матюшкинский плес.

– А наш затон на левом берегу?

– Да. Он появится через час-полтора. Увидим село Ташевку, а затон аккурат напротив.

– Почему он называется Соляная Воложка?

– Там раньше зимовали суда, груженные солью из Баскунчака, – пояснил надворный советник. – Теперь же ставят нефтяной караван. Соляная Воложка очень удобна для зимовки. Она отделена от Волги песчаной косой, в которой землечерпательницы в нужное время копают проход. Длина затона – пятьсот сажень, ширина достигает восьмидесяти. Главное, нет опасности для зимующих судов во время ледохода.

– А сейчас, в конце августа, там что?

– Сейчас идет подготовка к холодам. Небольшое селение, где живет человек сто.

– Как же банда прячется в таком малолюдном месте? – удивился сыщик. – Они ведь все на виду.

– Сунули в лапу уряднику и в ус не дуют, – предположил полицмейстер. – Ну Кобеко ему задаст!

Однако полицейские хлопнули по пустому месту. Каторжник был прописан на постоялом дворе Бочарова. Хозяин рассказал, что жили у него одиннадцать человек, в том числе парень по фамилии Героев. Но они съехали две недели назад. Перебрались в Казань, а куда именно, ему неизвестно. Жили тихо, по-семейному: шестеро мужчин и пять молодых баб. Чем занимались мужчины? Да вроде по торговой части. Отлучались иногда в Казань. Утром уплывали, на другой день возвращались. С товаром всяким: меха, мануфактура... Платили без задержек, хорошие постояльцы,

побольше бы таких. Пили в меру и не скандалили, потому как главный из них больно был строг. Как фамилия главного? Все звали его Варехой.

Алексей Николаевич выслушал хозяина постоянного двора, а потом приказал ему небрежно:

- Давай их адрес в Казани.
- Я же говорил, что не знаю!
- Да? А куда ты им почту пересылал?
- Какую почту?

Сыщик взял Бочарова за ухо и процедил сквозь зубы:

– Слышь, ты, дядя. Или даешь адрес, и тогда мы тебя оставляем, а увидимся только в суде, где ты будешь свидетелем. Или я сам его найду, но тогда плывешь с нами. Посадим в острог.

– За что?!

– ...и будем там держать, пока идет следствие. Это дело долгое, к весне только управятся. Как укрывателю разбойников, дадут тебе немного. Года четыре, не больше. Ну?

Хозяин тут же извлек из Псалтыря листок бумаги и протянул сыщику. Подошли с двух сторон Васильев и Делекторский. Зауряд-прапорщик прочитал:

– Номера «Маньчжурия» на Проломной улице, для передачи Шипову. Однако! Не может же банда, которую ищет вся полиция, жить в центре города.

– Это промежуточный почтовый ящик, – пояснил коллежский советник. – Оттуда носят корреспонденцию по настоящему адресу. Ну, попались ребята!

И снова обратился к Бочарову:

- Теперь давай письмо.
- Э-э...
- Где оно у тебя, за божницей?

Хозяин вздохнул, словно собирался лезть на Голгофу. Потом подошел к божнице, вынул оттуда конверт и отдал сыщику. Лыков покрутил его в руках и продолжил расспросы:

- Кто передает письма?
- Почтовик.
- Один и тот же или разные?
- Когда как.
- Что за это положено почтовику?
- Пятиалтынный.

Сыщик опять взял хозяина за ухо. Васильев и Делекторский глядели во

все глаза, учились.

– Ты краденое у них покупал?

Мужик всхлипнул и кивнул.

– За это полагаются арестантские роты.

– А... искупить бы как-нито...

– Это если их высокоблагородие господин полицмейстер захотят. Будешь тут его ушами и глазами, тогда, может, и пощадит... – сказал Лыков.

Надворный советник важно заявил:

– Завтра в полдень чтобы был у меня. Стану судьбу твою решать.

– Слушаюсь!

Дальше машина сыска закрутилась с большой скоростью. Полицейский катер на всех парах вернулся в город. Алексей Николаевич вошел в кабинет полицмейстера с конвертом в руках. Туда набились полицмейстер, супруги Ловейко и околоточный надзиратель Делекторский.

– Вскрывать почту умеете? – спросил у них сыщик. – Чтобы оставалось незаметно.

– Нет, – ответил за всех Васильев.

– Могу научить.

– Научите меня, Алексей Николаевич, – попросила дама. – Может пригодиться.

– Тогда несите клей, кисточку, тонкую спицу и бензинку. А вы, господа, приготовьте фотографический аппарат.

Анна Порфирьевна вышла и скоро вернулась с необходимыми вещами. Лыков на бензинке довел воду до кипения и стал греть конверт над паром. Затем аккуратно поддел спицей верхний угол, где всегда мало клея. Осторожно провел по краю, приподнял весь клапан. Вытащил лист бумаги и отдал приставу Ловейко. Тот сфотографировал текст и вернул письмо сыщику. Делекторский тем временем на всякий случай переписал его. Алексей Николаевич вложил послание обратно и кисточкой чуть-чуть подмазал края клапана, очень осторожно. А потом заклеил.

– Ну вот, вроде незаметно.

Конверт пошел по рукам. Все согласились, что вышло хорошо.

– Что в письме, Никита Никитич?

– Всего три фразы, Алексей Николаевич.

– Прочтите вслух.

– «Ни к первому, ни к второму пока не ходи, ляг на дно. Скажи только князю, что желудей мало, пусть добавит. Письмо сожги». Что бы это значило?

Лыков нахмурился:

– Желудей нам только не хватало!

– Алексей Николаевич, о чем вы? – встревожился полицмейстер.

– Желудями бандиты называют патроны.

Однако пора было действовать. Делекторский, переодевшись почтальоном, понес письмо в «Маньчжурию». Рыжий прилизанный конторщик поднялся из-за бюро.

– Что у вас?

– Вот.

– Принял. – Рыжий убрал конверт в ящик бюро.

Почтальон не уходил.

– Чего еще?

– Пятиалтынный, – лаконично ответил Делекторский.

– До чего алчный народ пошел, – сказал сам себе конторщик, швырнул на стойку монету и опять сел.

Через полчаса рыжий с зонтом под мышкой вышел на улицу. У трамвайного павильона долго стоял, крутил головой, в вагон не садился. Потом все-таки сел и даже купил передаточный билет^[25]. Но неожиданно выскочил чуть не на ходу, остановил ехавшего мимо извозчика и быстро умчался прочь.

За конторщиком вел наблюдение околоточный надзиратель Уразгильдеев, один из лучших в казанской полиции. Ему помогал городской, переодетый извозчиком. Уразгильдеев сумел довести объект до вновь открывшейся пивной на Подлужной улице. Там рыжий вручил бумаги субъекту весьма суровой наружности и уехал. А мрачный парень допил пиво и, оглядываясь по сторонам, двинулся прочь. Он как к себе домой вошел в номера «Волга» на Малой Лядской улице и там остался.

Вообще-то улица называлась Лецкой, в честь заслуженного генерала. Но народ переделал ее название в более привычное. А в «Волге», самой большой гостинице в Казани, удобнее всего было прятаться. Уразгильдеев осторожно вызвал знакомого татарина, который служил там, и тот коридорный сообщил, что во дворе во флигеле поселилась большая компания мужчин и женщин. Живут артельно, чем занимаются – никто не знает. Водку пьют умеренно, не буянят, платят исправно. Документы у них в порядке, все прописаны. Фамилия одного из них – Шипов.

Началась подготовка к аресту банды. Лыков понял, что оттирает полицмейстера, подавляя его своим опытом, и отошел на вторые роли. Операцию планировали Васильев и Ловеико, а питерец выступал консультантом. Иногда возникали споры. Например, казанцы хотели

напасть на флигель ночью. Коллежский советник предложил сделать это как можно раньше, еще засветло. Свою позицию он пояснил так:

– Вчера один из них не вернулся. Сколько банда будет ждать Героева? К ночи уже сбегут, нервы не выдержат. Надо брать сейчас.

Казанцы с ним согласились.

На острие Васильев поставил неустрашимого зауряд-прапорщика. И тут снова влез Лыков. Он заявил Никите Никитичу:

– Брать только живыми! Шашку оставьте в участке. Револьвер возьмите, этого вам никто не может запретить. Но думайте, думайте.

– О чем, Алексей Николаевич?

– О том, как после ареста вести дознание. Мертвого уже не спросишь.

К радости питерца, Делекторский ответил:

– Постараюсь.

Студент-недоучка рос на глазах под мудрым руководством коллежского советника. Например, он предложил подослать к бандитам курьера с запиской, будто бы от Героева, с просьбой помочь перевезти с Козьей слободы вывихнувшего ногу Шиллинга. Один или двое откликнутся, выйдут за ворота, тут их и повяжут. А во флигеле останется меньше бойцов. Начальство идею приняло, и она сработала.

За два часа до ареста пришла неожиданная новость. У платъемойни военного госпиталя на берегу Казанки нашли труп Доленги-Грабовского. Смотрителю перерезали горло. Но сейчас всем было не до поляка. Казанцы готовились захватить большую банду, наполовину состоящую из беглых каторжников. Как все пройдет? Люди там злые и при оружии. Только Делекторский усмехался и крутил ус, остальные мандражировали. Алексей Николаевич сначала хотел отсидеться в тылах: возраст уже не тот, чтобы бегать со шпалером по притонам... Но тут был особый случай. Банда Варехи многочисленна и опасна. При нападении на дом Юшкова они нанесли приказчику Федотову тяжкие увечья, от которых тот позднее скончался. Грань ребята перешли, теперь им терять было нечего. И Лыков решил поддержать своего помощника, пойти на приступ бок о бок с ним.

Малая Лядская улица тянулась от Николаевской площади в сторону Арского поля. Номера «Волга» помещались в самом ее начале, в большом четырехэтажном доме. Полицейские через соседние владения проникли в сад и оцепили флигель. Сначала послали курьера с запиской будто бы от Героева. Изнутри послышалась ругань, и вскоре вышли двое. Им дали дойти до угла и тут же повязали.

– Пора, – сказал Лыков зауряд-прапорщику. Сердце его колотилось, как в молодые годы. Никита Никитич на вид был совершенно безмятежен.

– Одиннадцать, из них пять женщин, – стал считать коллежский советник, больше для того, чтобы успокоить себя. – Минус Героев. Минус эти два. Осталось всего трое!

– Да на один зуб, Алексей Николаевич, – усмехнулся Делекторский. – Пошли, что ли?

– Пошли.

Лыков перекрестился, оттеснил казанца – тот попытался было пролезть вперед, но не смог – и шагнул к двери. Сил жалеть не стал: так шарахнул плечом, что полотно влетело внутрь.

– Убью, сволочь! На пол!!!

Сыщик бабахнул в потолок раз и другой, после чего навел ствол на опешивших постояльцев. Те и не помышляли о сопротивлении. Бабы с визгом попрятались под стол. Кто-то из мужчин сунулся с перепугу туда же. В один миг комната наполнилась городовыми. Бандитов обезоружили, связали и вывели во двор. Полицмейстер радостно расхаживал вдоль забора. Было уже ясно, что арест удался, жертв нет и опаснейшая банда поймана с поличным. Это поличное тут же и предъявили начальству. Внутри нашли три револьвера и четыре ножа. Ценное меховое платье, столовое серебро, связки облигаций выносили из флигеля и складывали во дворе. Ловейко комментировал:

– Во, ложки-вилки пошли! Это Падзолевского вещи, из кладовой дома Крупенникова. А вот и смушки из лавки Журавлева. Ну, богато вы жили, мужики. Алексей Иванович, пора за следователем посылать. Улик на два воза!

Прикатил следователь по особо важным делам и ахнул:

– Вот это да... Ломбард какой-то. Опись до утра придется составлять.

Когда опасность миновала, Лыков почувствовал, что устал и перенервничал. Ему скоро пятьдесят, а он все двери плечом вышибает. Пора бы молодым уступить. Сыщик отпросился у полицмейстера и пошел пешком к себе в номера. Делекторский вызвался проводить его. Они спуускались по Старо-Горшечной на Рыбнорядскую площадь, а по обеим сторонам от них жарили оркестры: духовой из Панаевского сада и струнный из «Эрмитажа». Живут же люди! Гуляют, пьют-закусывают, слушают музыку. А другие в это время идут грудью на револьверы.

– Зайдем к Колесникову? – предложил сыщик, испытывая непреодолимое желание выпить водки.

– У меня денег с собой мало, – смутился надзиратель.

– Деньги не навоз: нынче нет, а завтра воз! – бодро провозгласил питерец. – Давайте, Никита Никитич. Вам, видать, все нипочем, а мне

нужно сбросить напряжение.

– Вы разве опасались? Я следил за вами: полное самообладание.

– Эх, Никита Никитич... Я встречал двух-трех человек, которые действительно не боялись смерти. Не дай бог схватиться с такими в бою. Признаюсь, я довольно часто трушу. Старость, наверное, подбирается. На завалинку пора.

– Будет вам, – возмутился Делекторский. – А то я не видел вас в деле. Когда каторжник в Козьей слободе стал в меня стрелять, никак уж я не думал, что вы побежите на пули следом за мной. У начальства это не принято. Перестаньте наговаривать на себя, лучше зюзюкните пендюрочку. Ресторан у Колесникова приличный.

– А правда, что вараксинская водка столь хороша? – оживился питерец. – Много слышал, но никогда не пил.

– Замечательная, Алексей Николаевич. Лучшая из казанских. И голова утром не болит.

– Давайте закажем к ужину бутылочку. Вы как насчет выпивки?

– Насчет выпивки я орел!

Полицейские от души приняли, и Лыков опять явился в гостиницу за полночь. Дежурный коридорный неодобрительно покачал головой, но смолчал.

Глава 8

Новые загадки

Наутро голова у коллежского советника и правда не болела. Хорошие напитки гонят в Казани! Он пришел на Воскресенскую и увидел, что там все трудятся, как пчелы. Банда оказалась такой большой, а количество ее трофеев столь значительным, что за ночь полицейские едва управились. Для арестованных не хватило места в обширном корпусе съезжей. Пришлось некоторых отправить в пересылку, других – в губернскую тюрьму. Остальных кое-как рассовали по камерам временного содержания полицейских частей. И сейчас Васильев, помятый и невыспавшийся, сводил воедино результаты первых допросов.

– Ну, что получается? – бодро спросил его коллежский советник, вваливаясь в кабинет.

– А, это вы... – пробубнил тот, отхлебнув крепкого чаю из стакана. – Будете?

– С удовольствием.

– Рустам, чаю господину Лыкову!

В ожидании своего стакана сыщик заглянул в бумаги полицмейстера.

– Сейчас ахнете, – обещал тот, подбивая последние цифры. – Готово. Слыхали последнюю новость про Делекторского?

– Нет. Вчера мы с ним расстались на выходе из ресторана. Я пошел к себе, был первый час ночи.

– Вот! А сегодня в пять утра он пришел сюда, выбрал из арестованных самого молодого, отвел в подвал и там избил до полусмерти.

– Даже так? – поразился сыщик. – Действительно сильно поколотил?

– Зверски, если одним словом.

– И... что в результате?

– В результате парень раскололся и заложил всех. Дал признательные показания. Самое главное, он указал двух татар – скупщиков краденого, о которых мы не подозревали. Их только что привезли, сидят в допросной. Один – это Давлетшин-Малюков, купец и владелец пяти магазинов. Второй – Усманов, его приказчик. Теперь понятно, почему мы так долго не могли взять банду: татары помогали им сбывать добычу.

Васильев глянул на питерца осоловелыми от усталости глазами и добавил вполголоса:

– Даже не знаю, как к этому относиться, Алексей Николаевич. С одной стороны, бить арестованных нельзя. Закон не разрешает, да и бесчеловечно это. С другой – Делекторский добился важного признания. И как мне быть?

– Наградить околоточного.

– Вы серьезно?

– Вполне, Алексей Иванович. Чего эту сволочь жалеть? Одно дело – отмутузить карманного воришку, который стащил у обывателя кошелек. Без этого можно обойтись, тут избыточное насилие. А другое – выявить сообщников опасных бандитов, на руках которых кровь. Ведь полгода они у вас резвились, и вы, извините, ничего поделать не могли. А сейчас выдернете зло с корнем. В городе станет спокойнее. Разве оно не стоит пары синяков на морде негодяя, который перешел черту?

– Пожалуй, вы правы... – задумчиво произнес полицмейстер. – Ведь главные злодеи, обратники, никогда бы не назвали скупщиков. И корень зла остался бы неистребленным. Считаете, мне надо наградить Делекторского?

– Полагаю, да. Но обязательно провести беседу. О том, что мы сейчас сказали, о полезном и избыточном насилии. Чтобы Никита Никитич не зарывался, не думал, будто это средство годится всегда и везде.

– Поговорю. А хорошо бы и вы с ним тоже обсудили. Он очень вас зауважал, хотя по характеру своему авторитетов не любит.

– Хорошо, навалимся на околоточного с двух сторон. Он человек особенный. И может быть очень полезен, если правильно с ним обращаться. А теперь давайте про банду.

Выяснилось, что вместе с барыгами-татарами в банду Варехи входило тринадцать человек. Лыков переписал себе на листок весь состав. Получилось следующее:

Вареха Иван Иванов, он же Яковенко, он же Кондратенко, крестьянин Зеньковского уезда Полтавской губернии, беглый каторжник-рецидивист.

Нестерова Матрена Петровна, мариупольская мещанка, его сожительница.

Бухаров Василий Иванов, крестьянин из ссыльных Балаганского округа Иркутской губернии, будто бы из беглых каторжников, настоящее имя неизвестно.

Оберюхтин Иона Федотов, он же Героев Павел Федоров, казанский мещанин, беглый каторжник-рецидивист.

Просфирина Варвара Филипповна, крестьянская девица, сожительница Героева.

Умов, он же Головкин Александр Николаев, перекопский мещанин Таврической губернии, бежал из арестантских рот.

Алексеев Константин Николаев, каинский мещанин Томской губернии (именно он и дал показания).

Шипов Терентий Иванов, мариупольский мещанин, беглый каторжник-рецидивист.

Шипова Александра Христофоровна, жена Шипова.

Паунина Пелагея Даниловна, оренбургская мещанка, сожительница Шипова.

Колбасова Анна Григорьевна, крестьянка Тетюшского уезда Никифоровской волости деревни Зуево, прислуга Шипова.

Давлетшин-Малюков Ахмет Гирей, казанский купец.

Усманов Вале́й Искаков, его приказчик.

– Пестрая компания, – констатировал сыщик. – Вы заметили, с какой свитой проживал Шипов? Жена, любовница и прислуга. Еще вопрос, чья была банда: Варехи или его?

– Да, я тоже об этом подумал, – согласился полицмейстер. – Султана из себя корчил? Рядовому грабителю вроде бы не по чину. Полагаете, он настоящий главарь?

– Допускаю. Вообще банда серьезная: четверо беглых. Не знаю, кто такой Бухаров на самом деле, надо послать запрос с его фотокарточкой в канцелярию управления Нерчинской каторги. Но Вареха, Оберюхтин и Шипов – люди известные. У каждого за плечами не одно убийство. А у вас в Казани они только приказчика смертельно ранили за полгода разбоев. Не похоже на этих ребят.

– Опасались злить полицию, – предположил надворный советник. – Ведь каждого убийцу мы особенно рьяно ищем. А если только вещи пограбили...

– Может быть. Но Делекторский сказал, что весной у вас зарезали двух «иванов», которые правили в Казани. Явно люди Варехи и прикончили их. Расчищали место для себя.

– Скорее всего, – опять согласился хозяин кабинета. – Я забыл про эти убийства. Значит, на них три трупa. Теперь похоже?

– Теперь похоже. И, возможно, еще Доленга-Грабовский.

– Черт, про этого я тоже забыл, – смутился Васильев. – Полагаете, опять их рук дело?

– Да. Заметали следы после бегства Шиллинга. Ведь именно смотритель за деньги отпускал сидельцев из арестного дома. Ему сунули в лапу, чтобы помог бежать Василию. А потом ликвидировали, чтобы не выдал тех, кто его купил.

– Тогда убийца смотрителя – Оберюхтин? Ведь он был вместе с вашим

Шиллингом.

– Нет, зрителя убили, когда я уже арестовал Иону. Это кто-то другой. Дайте-ка мне заняться этим делом, Алексей Иванович.

– Берите! Нам и с остальными хлопот хватит до морковкина заговенья. Потом присоединим. Судя по тому, что я успел увидеть, сыщик вы от бога, нам у вас учиться и учиться. Но зачем вам оно, это дело?

– Потому что Шиллинг участвовал в похищении иконы.

– Ну и что? – воскликнул полицмейстер. – Ее украли два года назад. Вареха и его ребят тогда еще не было в Казани, они сидели на каторге!

– Один из них был, и я даже знаю кто.

– Неужели?

– Прочитайте внимательно список, Алексей Иванович. Ничего не замечаете?

Васильев впился взглядом в свои записи и быстро сообразил:

– Да, тут народ со всех волостей, и только один казанец. Оберюхтин?

– Он самый. Я допускаю, что Иона находился в городе во время кражи образов. Допускаю даже, что он был четвертым в банде Чайкина. Поэтому ведем дознание параллельно. Вам Вареха, а мне – Шиллинг и все, что с ним связано. Да, с ним в банде получается четырнадцать человек, а не тринадцать. Он же подводчик.

– Верно, – кивнул полицмейстер и внес вора в список. – Ну, поделили, теперь за дело.

Алексей Николаевич вызвал Василия на допрос. Начал он с того, что сообщил новость: зритель арестного дома убит. Вор страшно перепугался! И стал выпрашивать подробности. Но сыщик и сам их не знал. Он тогда готовился к операции в затоне, было не до взяточника-поляка. Это упущение, понял коллежский советник. Нужно осмотреть труп и поговорить с теми, кто нашел его. Пока же Лыков рассказал то, что знал. Доленга-Грабовский найден с перерезанным горлом на берегу Казанки. Убийца еще не разыскан.

Шиллинг, потев и запинаясь, попросил уточнить время смерти. Нет, твой приятель Оберюхтин не мог зарезать поляка, сообщил сыщик. Видимо, это сделал другой приятель, Вареха. Или Шипов. Василий понял, что банда в руках у полиции, и совсем раскис. Без всякого нажима он рассказал о своих проделках: как наводил каторжников на богатые дома, сколько с этого имел, куда бандиты сбывали добычу. Обширные связи вора из Мариуполя помогали продавать краденое по всему югу.

На вопрос Лыкова, как Шиллинг познакомился с беглыми, тот ответил: через бабу. Сожительница Вареха Нестерова была прежде любовницей

Шиллинга. Они встретились в Казани, случайно, на улице. Нестерова знала Василия как неудачливого вора и сразу сказала: есть люди половчее тебя, ты их наведи, а сам не лезь. Десятая часть твоя. Предложение было выгодное, поскольку рисковать бедолага не любил. Матрена привела еще одного мариупольца, Терентия Шипова. И они сговорились. Самого Вареху подводчик видел только раз или два, дела вел с Терентием. В общей сложности он дал банде семь наводок, в том числе и ту, где нападение закончилось смертью приказчика. Этот факт, который отягощал вину немца, он сообщил равнодушно, словно не понимал последствий. Что такое? Коллежский советник задал вору вопрос в лоб, тот сказал сокрушенно: семь бед – один ответ. Он явно хотел сесть в тюрьму надолго. С какой целью? После кражи иконы Шиллинг спрятался в каземат по другому, мелкому делу. Снова решил проделать тот же трюк? Но почему? Соучастие в ограблении, закончившемся смертью потерпевшего, сулит Василию каторжные работы. И он охотно признается. Хочет скрыть более серьезное преступление? Кражу иконы, в отыскании которой заинтересованы царствующие особы? Ведь там костей не соберешь. Похоже на то... Значит, если сейчас пытаться заставить немца признаться в краже двухлетней давности, он откажется. Ешьте меня за это, а в том я не виноват. Но попробовать все равно стоило.

– Итак, Васька, ты признался в том, что был наводчиком в банде Варехи. Но это меня не сильно интересует. Расскажи теперь про Оберюхтина.

– Человека, которого вы называете Оберюхтин, я знаю под фамилией Героев, – заученным тоном начал говорить вор.

– Когда ты с ним познакомился?

– А вот как с Шиповым, так и с ним.

– Весной этого года?

– Значится, да.

– Зачем он пришел к Автоклаве?

– Долю мою принес. Должок за хеврой накопился. А я решил с тюрьмы отстать, в другой город уехать. Саренка^[26] и понадобилась.

– И как ты связался с хеврой?

– Пришел и попросил.

– В номера «Волга» пришел?

– Ага.

Шиллинг отвечал охотно, не задумываясь. Похоже, что в этой части рассказа он не врал.

– Как ты узнал, что банда из Соляной Воложки перебралась в город?

– Так от Шипова. Я у Клавы часто ночевал, он зашел и поведал.
– А почему, кстати, они из безопасного места в Казань переехали?
– Не знаю, ваше высокоблагородие. Готовили, видать, что-то. Так вы у них спросите.

– Спрошу. Давай снова к тебе вернемся. Значит, ты сдернул из арестного дома...

– Так точно.
– Как обычно уходил? За рублевину?
– Ага. Не говорить же смотрителю, что завтра он меня уж не увидит!
– И сразу направился в Козью слободку, к бабе?
– Нет, она поздно от акушерки приходит. Я, значит, в номера сначала. Вызвал Терентия на двор, объяснил. Хочу, значит, плейтовать, саренка нужна, а за вами уж две пеструшки^[27]. Дайте Христа ради, позарез нужны. Он сказал, что сейчас денег нет, но вечером мне принесут.

– И Оберюхтин принес?
– Не Оберюхтин, Героев.
– Скажи, а почему такой серьезный человек, как Героев, тебе на другой конец города деньги ночью понес? Он же «иван», так?

– Пожалуй что «иван», – подумав, согласился Шиллинг.
– Ну и кто ты такой, чтобы «иван» тебе прислуживал?
Василий растерялся, но быстро нашелся:
– А... думаю я, ваше высокоблагородие, что к Клавке он шел. А деньги были только повод.

– Поясни.
– А чего яснее? Я плейтую, баба одна остается. Вот он и замыслил.
– И ты ему спустил такое?
– Ха! Ему попробуй не спусти... Опять же, я в бега, бабе без мужика скучно, почему ей не развлечься?

Лыков встал, зашел вору за спину и сильной затрепиной сбил его со стула на пол.

– Ой! За что?
– А за вранье.

Сыщик посадил арестованного обратно на стул, сел напротив и жестко сказал:

– Прекрати мне лгать. Рассказывай, как вы с Чайкиным и Комовым два года назад лазили в Богородицкий монастырь. Героев тогда с вами был?

– Ей-богу, ваше высокоблагородие! Не крал я тех икон, чем хотите поклянусь! Оговорил меня Комов. Вызовите его для очной ставки, я хоть в глаза его лживые плюну...

– Знаешь, я сам об тебя руки марать не стану. Полковник все-таки – много чести. А отдам тебя на расправу зауряд-прапорщику Делекторскому. Помнишь его? Вместе со мной в Козью слободку приходил.

– Помню, – угрюмо кивнул вор.

– Он сегодня утром отличился: привел каинского мещанина Алексеева к сознанию. Все кулаки об него сбил – и привел. Ты будешь следующий.

Шиллинг побелел, а Алексей Николаевич еще усугубил:

– Учти, Делекторский с войны вернулся, два креста заработал. И контузию. Собой, говорят, не владеет. Когда в раж входит, может и до смерти заколотить. У него бандиты невесту зарезали, вот он и мстит.

– Ваше высокоблагородие! Не губите невинную душу! Солгал околелый черт, напраслину на меня возвел.

– Ну, прощай тогда, – веско заявил Лыков. – Раз не хочешь сам себя спасти, то и пропадай. Делекторский, ко мне!

К удивлению сыщика, дверь тут же распахнулась, и вошел околоточный надзиратель.

– Звали, Алексей Николаевич?

– Звал.

Лыков подмигнул ему и продолжил:

– Забирайте эту сволочь и сделайте с ним то, что и с Алексеевым. Пока не заговорит, не останавливайтесь.

Никита Никитич мгновенно все понял. Он принял наружность держиморды, посмотрел на свои кулаки и спросил:

– А можно я его ремнем, вашескородь? Руки болят через этого Алексеева.

– Можно.

– Эх-ма. – Околоточный за ворот поднял Шиллинга со стула, оглядел, как вещь, и продолжил: – Огнем еще хорошо бы пожечь. Я третьего дня подвел под чистосердечное этого... как его?

– Мишку Тетюшского? – подыграл питерец.

– Так точно. Приложил ему раскаленную кочергу к детородным членам, так сразу он во всем и признался.

– Разрешаю. Мне этот назем не жалко.

– Вперед! – заорал околоточный, толкая Шиллинга к двери. Глаза у него при этом сделались такие свирепые, что даже сыщик поежился.

И Васька не выдержал. Он рухнул на колени и истерически закричал:

– Был, был, был! Был я в монастыре, все скажу, только не жгите меня огнем!

– Ну? Говори. Вместе с Героевым лезли?

– Да, я третьим был, а он четвертым. Все правильно вы с самого начала угадали.

– А кому икона предназначалась?

– И-и-и!!! – Шиллинг замахал перед собой руками, как драчливый заяц лапами. – Не знаю и всегда боялся знать. Вы у него спросите, ваше высокоблагородие. У Героева.

– Говори, что знаешь, – потребовал сыщик. – А не то... Как образа делили и где?

Василий встал прямо и заговорил, не спуская с Делекторского испуганных глаз:

– Делили прямо в саду.

– У Попрядухина? – догадался Алексей Николаевич. – Там, где в траве жемчужины нашли?

– Да. Чайкину с Комовым оставили одного Спасителя. Чтобы они его в печи сожгли, а все подумали, что сгорели обе доски. Ризы ободрали и тоже отдали. А Божью Матерь мы унесли с собой. Героев ее спрятал в «шиповой дыре», потому как утро уже было, могли попасться.

– Что за «шипова дыра»? – не понял питерец.

– Бывший туннель под насыпью, что отделяет Банный сад от Черноозерского, – пояснил околоточный. – Его сейчас уже завалили. А в четвертом году туннель еще существовал, только входы в него были заколочены щитами.

– А почему так называется?

– По фамилии губернатора, который велел этот ход прорыть. Давно дело было.

– Так, что дальше?

Шиллинг продолжил рассказ:

– Вечером следующего дня Героев отодвинул щит, вынул икону и отнес, кому следовало. Но я честно не знаю кому.

– А где бриллианты с риз?

Шиллинг облизнул губы и ответил:

– Меня в тои поры в Казани уже не было. Я в Лаишеве лавку подломал, чтобы там отсидеться. Но слышал от Героева, что дело было так. Чайкин с женой пришли к Максиму в магазин, а там полиция. Обыск делают, а самого ювелира в кутузку норовят. Федор насторожился и счел за лучшее спрятать камни у Ионы. А Иона, стало быть, передал их на хранение человеку, который все задумал. Главному.

– Чайкин знает его имя?

– А как же! На полтораста косуль сверкальцев^[28] отдать неведомо

кому... Так разве бывает?

– То есть Героев-Оберюхтин их познакомил? Заказчика с главным исполнителем.

– Так точно.

– А Комов его знал?

– Полагаю, что нет, ваше высокоблагородие. Чайкин – он кто? Выдающийся в своем деле человек. Первый клюквенник, слава на всю Россию. А Комов? Так, подать, поддержать...

– Как и когда ты познакомился с Героевым?

– В январе тысяча девятьсот четвертого года. Чайкин с семейством только переехали в Казань. Я уж тут жил, из Мариуполя убежавши. Собственно, по моей наводке Чайкин сюда и залез. Церквей много, есть где поработать. И вот подсел ко мне в «Восточной Баварии» человек. Гляжу – наш, блатной. И серьезный, сразу видать. Говорит, дело есть, а о тебе сказали, что сам хваткий и родственник у тебя будь здоров. Что за дело, спрашиваю. Он и объяснил. – Шиллинг перевел дух и продолжил: – Я, конечно, сначала в испуг. На такой образ руку поднять! Поймают – народ в ключья разорвет, до полиции не доведут. Но рассказал Федору. А тот не я, он сразу загорелся. Тыщами пахнет! Ну и... обклеили мы это дело.

– Героев, стало быть, из Казани никуда не уехал, так и живет здесь с тех пор?

– Надо полагать.

– Это он Вареху сюда привел?

– Да. Они с Варехой, Шиповым и Бухаровым по каторге знакомы. Только Иона сидел сперва на Сахалине, а те в Нерчинске. Как началась война с японцами, самых опасных на материк перевели. И Героев оказался в Алгачской тюрьме. Бежал оттудова один, раньше всех, и достиг, значит, Казани. В начале девятьсот четвертого. Тут осел, а нынешней весной вызвал остальных. Ну и заняли они Казань, навели тут свои порядки. Кто был против, тех зарезали.

Алексей Николаевич решил, что допрос пора заканчивать. Для первого раза достаточно.

– Василий Константинович, ты встал на правильный путь, молодец, – сказал он доброжелательным тоном. – Теперь с него не сходи. Запиши свои показания, вот тебе бумага и чернила. Грамотный, надеюсь?

– Грамотный, в отличие от Чайкина, – похвалился вор.

– Содержать тебя станут в тюремном замке, в одиночной камере. Для твоей же безопасности. Понятно?

– А можно не в замке? Там боязно. Лучше в каком отдаленном месте.

– Я его в Пороховую слободу запрячу, – предложил Никита Никитич. – Там мой приятель Савинский служит надзирателем. В околотке съезжая, крепкая. Стоит внутри завода, за военным караулом, просто так не войдешь.

Лыков одобрил эту идею. Он написал распоряжение от своего имени, сославшись на полномочия, данные по открытому листу. И Делекторский повез арестанта в завод.

Но перед этим сыщик переговорил с околоточным один на один. Он сказал:

– Спасибо, Никита Никитич, что вы так ловко мне подыграли.

– Да я и не подыгрывал.

– Что, действительно готовы были Шиллинга огнем жечь?

– Понадобилось бы для дела – конечно.

– Вы это серьезно?

– Алексей Николаевич, бандиты с ворами должны читать это в моих глазах. Иначе толку не будет.

– Вам полицмейстер ничего не говорил?

– Говорил. Про избыточную жестокость и все такое.

– И вы с ним не согласны? – настойчиво расспрашивал Лыков.

– Нет, не согласен. Есть люди, а есть преступное быдло. Их жалеть нечего, они сами никого не жалеют.

– Никита Никитич, тут мы с вами расходимся. Пока вы подчинены мне, приказываю: больше никакого насилия! Только с моего ведома.

– Слушаюсь, – принял официальный тон надзиратель. Но не удержался и добавил: – Но мое насилие дало результат!

– С каинским мещанином – да. И с трусоватым недалеким Шиллингом тоже, не спорю. А Оберюхтина вы так же будете лупить?

– Чем же он лучше других?

– Опыта у вас еще не хватает, – констатировал сыщик. – Есть люди, с которыми подобные штуки не проходят. Вы можете забить Иону до смерти – он вам слова не скажет. Зато подаст жалобу в прокурорский надзор, и у вас будут большие неприятности.

– У меня? Из-за бандита?

– А вы как думали?

– Алексей Николаевич, я же георгиевский кавалер, двумя крестами награжден. И жалоба какого-то гнуса перевесит мои подвиги?

– Запросто. Вы недавно служите в полиции и еще не обжигались. Вот ювелир Максимов, которого осудили по делу о краже иконы. Тутышкин его избил, и что? Уволился на время со службы. Ему все сошло с рук, но

потому лишь, что ювелир не подал на него форменной жалобы. А прожженный уголовник Оберюхтин такого шанса не упустит.

Надзиратель обескураженно молчал. Сыщик продолжил:

– Мы еще вернемся к этой теме не раз, а сейчас езжайте в Пороховую слободу. Вернетесь – ищите меня в прозекторской военного госпиталя. Будем дознавать убийство смотрителя.

– А Вареха с товарищами?

– Это юрисдикция Казанского полицейского управления. Мы с вами занимаемся похищением чудотворной иконы. Не забыли? Хорошо, конечно, что удалось помочь Васильеву обезвредить такую опасную банду. Но теперь обратники в тюрьме, и нам пора вернуться к своим делам.

– Слушаюсь.

Оформив признание Шиллинга, сыщик отправился в окружной госпиталь. Тело поляка уже окоченело. Алексей Николаевич осмотрел его и поразился характеру ранений. Что за черт? Горло Доленги-Грабовского было распорото каким-то необычным оружием. Ни нож, ни бритва не могли оставить таких странных разрезов. Как будто поляка убили кривым, очень острым клинком зигзагообразной формы. Запутавшись, Лыков отправился на поиски полицейского доктора. Васильев обещал, что тот дожидается сыщика в прозекторской или где-то поблизости.

В смотровом кабинете Лыков обнаружил мужчину лет пятидесяти, седого, степенного, с умными глазами за стеклами очков.

– Вы ко мне? – спросил он, вставая. – Не господин Лыков случайно?

- Он самый. Позвольте представиться: Алексей Николаевич.
- Очень приятно. А я Онкель Мартин Иосифович. По-здешнему Мартын Осипович. Полицмейстер предупредил меня, что вы будете интересоваться телом зрителя земского арестного дома.
- Я как раз из морга.
- Ага! – оживился доктор. – Значит, вы видели труп?
- Да.
- И обратили внимание, что сделали с его гортанью?
- Поэтому и пришел, Мартын Осипович. За свою службу в полиции я видел всякое. В том числе горло, распоротое пилой, лопатой, садовыми ножницами, серпом, даже обломком гильотины, которой обрезают кончики сигар. Но такого не встречал ни разу. Что за орудие использовали? Я все перебрал, и ничего не подходит.
- Раны действительно необычные. Вы можете себе представить клинок с волнообразным лезвием, наподобие средневековой гизармы?
- Гизарму? Могу. Но это холодное оружие, большое, двуручное. И его уже сотни лет не фабрикуют.
- А этот клинок мал, как перочинный нож. При этом он еще изогнут в двух плоскостях! И в вертикальной, и в горизонтальной.
- Лыков представил и покачал головой:
- Такого оружия не бывает. Им нельзя пользоваться, удара не получится.
- Но удара и не было, – возразил Онкель. – Было одно движение, скользящее, вокруг горла. Раз – и готово.
- Может быть, это какой-то хитрый нож из арсенала мясников? Для вырезки потрохов, например. Татарские и еврейские резники разделяют туши по-особенному... Или тут хирургический клинок?
- Нет таких необычных лезвий ни у хирургов, ни у резников.
- Так что же это?
- Не знаю, – ответил доктор. – Но такие раны вижу не в первый раз и даже не во второй. А в третий.
- Очень интересно! – поразился коллежский советник. – Расскажите.
- В марте этого года близ Аметьевой деревни, за городской чертой нашли два трупа. Это оказались известные казанские «иваны» Перов и Шалаумов. Вместе они много лет заправляли преступниками в городе. У каждого своя банда, серьезные были деловики... И вдруг валяются бок о бок в канаве.
- Вареха как раз тогда появился здесь, – догадался сыщик. – Это он и его люди убогали ваших «иванов»?

– Больше никому, – ответил доктор. – Но интересно то, что казнили обоих тем же самым необычным способом. Перерезали горло, и характер ран был, что и у зрителя Грабовского.

– След ведет к захваченной нами банде, – обрадовался Алексей Николаевич. – Но продолжайте, пожалуйста. Это был второй случай, а первый?

– Первый относится к тысяча девятисотому году. Я тогда служил в Уссурийском крае младшим врачом Первой Восточно-Сибирской стрелковой бригады. Места там необычные, и вообще весь Дальний Восток удивительный...

– Знаю, доктор, я полгода отрубил на Сахалине начальником Корсаковского округа.

– Вот как! Тогда вам легче меня понять. Не бывали ли вы случайно на полуострове Сидеми?

– Это не он называется также полуостров Янковский?

– Имя прозвучало! – рассмеялся Онкель. – Сидеми и есть земля Янковских. Как раз про них я и хотел вам рассказать. А вы, оказывается, в курсе.

– Ну, в самых общих чертах. Старика Янковского, Михаила Ивановича, я знал мало, а вот его сыновей – чуть лучше. Когда пришло время покинуть Сахалин, мы с моим товарищем бароном Таубе задержались во Владивостоке. И ездили на охоту на полуостров. Даже барса застрелили.

– В доме гостили?

– Ночевал однажды.

– Ну вот там я и встретил впервые эти странные раны.

Лыков, до того улыбавшийся, как всегда при хорошем воспоминании, сразу посерьезнел.

Упомянутая семья была очень популярна на русском Дальнем Востоке. Патриархом ее являлся бывший каторжник и польский аристократ Михал Новина-Янковский. В 1863 году молодым человеком он угодил в Забайкалье за участие в восстании. Получил восемь лет каторги, но затем срок уменьшили вдвое, и через четыре года поляк вышел на поселение. Путь домой ему был заказан, и Янковский остался в диковинном краю. По характеру он был первопроходцем и исследователем. Сначала Михал промышлял золото на Олекме. Потом на лодке сплавился по Аргуни и Амуру к океану. Нанялся управляющим золотыми приисками на остров Аскольд в заливе Петра Великого. Этот остров принадлежал России, но его золотые запасы хищнически разворовывали китайцы. Их старатели мыли песок и самородки, а хунхузы обирали трудяг. Некий Кустер купил у казны

подряд на добычу, но добытчики нагло его игнорировали.

Янковский набрал отряд из лихих людей, высадился на Аскольде и атаковал хунхузов. Те трусили, сдались без боя и были отправлены во Владивосток. Новый управляющий навел на острове порядок. Он запретил охоту на редких пятнистых оленей; увеличил добычу золота; завел метеостанцию; собрал коллекции местных флоры и фауны. Еще бывший каторжник женился. Но супруга, родив ему сына Александра, умерла. Янковский горевал недолго: выбрал себе новую жену по фотокарточке в брачной конторе и продолжил свои труды.

Второй брак оказался удачным. Четыре сына и две дочери требовали родового гнезда, и Михаил Иванович, как прозвали его русские, решил такое гнездо создать. Тем более что в 1879 году ему вернули дворянство. Янковский взял у правительства в долгосрочную аренду восемь тысяч десятин земли на полуострове Сидеми. Плата составила пять копеек за десятину в год. Еще около тысячи десятин поляк купил. Выстроил на своей земле дом, больше похожий на крепость, завел олений питомник и первый в Приморье конезавод. Все у него ладилось, вот только мешали тигры и хунхузы. Янковский объявил войну тем и другим. Разбойников он особенно не жаловал. Если они проникали на Сидеми, вступал с ними в стычку и не просто выгонял вон. Поляк с друзьями гнал банды в глубь Китая, смело переходя границу, и бил их до полного уничтожения, никого не оставляя в живых. Скоро краснобородые^[29] зареклись нарушать владения неукротимого пана. Притихли и тигры с леопардами. Вся семья Янковских отличалась храбростью, даже барышни умели стрелять из «винчестера» на полном скаку. А еще семья славилась культурностью и гостеприимством. Сыновья выросли и помогали отцу. Знаменитые охотники, Янковские снабжали лучшие музеи мира шкурами редких животных. Кроме того, они развели на своих землях плантацию женьшеня. Имя гремело по всему краю, генерал-губернаторы считали за честь принять участие в их охоте, армия покупала отлично выезженных лошадей, китайские торговцы дрались за женьшень Янковского... И вот теперь это славное имя всплыло в рассказе полицейского врача.

– Линевич, который потом так неудачно воевал с японцами, командовал тогда в чине генерал-майора войсками Южно-Уссурийского отдела, – начал Онкель. – Сказать по правде, шесть лет назад он уже был порядочный дурак... Так вот. Позвал нас Янковский поохотиться на пятнистых оленей. Этих зверюшек он очень берег и кому попало их стрелять не позволял. Так что, когда нас пригласили, сразу мы согласились: генерал, четверо офицеров и я. Прибыли на место, поселились в

знаменитом замке из саманного кирпича, выпили... Помню, хозяин только что добыл огромного кабана и угостил нас его печенкой. А утром, когда уже собирались на охоту, приехал Юрий, старший сын патриарха, и привез труп объездчика. Тут-то я увидел в первый раз те самые необычные раны. Зрелище было жуткое: помимо горла, оказался взрезан еще и живот. Так, что кишки вывалились наружу. Янковский-старший спросил: «А женьшень?» Юрий сказал, что лучшие корни выкопаны, а многое просто растоптано и погибло зазря. Видимо, убитый объездчик караулил плантацию. Отец поглядел на сына, потом на нас и тихо так осведомился: «Это Сайтани сделал?» Юрий кивнул. Патриарх даже лицом почернел. Бросил еще тише: «Я так и знал». И на этом разговор закончился.

– Сайтани? – переспросил Лыков.

– Да, я точно запомнил. А потом еще и записал странное имя.

– Для чего записали?

– Для памяти, – ответил доктор. – Я часто так делаю. Вдруг пригодится? И вот, похоже, пригодилось.

– Сайтани... Имя или кличка. Какая-то местная, китайская или корейская?

– Понятия не имею.

– Мартын Осипович, а что дальше стало? Поехали вы на охоту?

– Поехали, но без патриарха. Он как-то болезненно принял случившееся.

– Что сделал Михаил Иванович? Ведь произошло убийство. Он заявил в полицию?

– Случайно я знаю ответ на этот вопрос... – начал Онкель.

– А почему случайно?

– Потому что Уссурийский край. Полиции нет, в тайге хозяин – тигр... Люди гибнут то и дело: или от когтей зверя, или от хунхузской пули. Да и сами манзы, китайские крестьяне, не лучше разбойников. Если русские слабы, их вырежут для того лишь, чтобы присвоить чайник и топор. Дикие места, и правосудие там своеобразное. Никто полицию не зовет, это долго и бессмысленно. Решают сами. А такие люди, как Янковский, который смолodu привык надеяться только на свое ружье, тем более.

– Понятно. Что именно вы узнали? И каким образом?

– Узнал через месяц от другого сына, от Ивана. Он помладше, вот и проболтался. Сайтани, как вора и убийцу, Михаил Иванович решил покарать. Снарядил погоню, неделю искал, но так и не нашел.

– Убежал?

Доктор пожал плечами:

– Я тогда подумал: может, его леопард загрыз или беглые прикончили. Теперь понятно, что это не так.

– Что-нибудь еще сын рассказал про этого... как уж его?

– Сайтани.

– На сатану похоже, – поморщился сыщик, записывая имя в блокнот. – Или на шайтана. Ну, рассказал?

– Да немного. Что этот человек прибыл из Китая с письмом от старшего сына Александра...

– Погодите-ка. Старший, вы говорили, Юрий!

– Да, старший от второго брака. А есть сын от первой жены, который родился на острове Аскольд. У него случился какой-то конфликт с отцом. Он ушел из семьи еще в юности, мотается по белу свету, авантюрист, одним словом.

– Так. Сайтани пришел с письмом от блудного сына. И что получилось? Его приняли по этой рекомендации, а он нашкодил? Выждал момент, зарезал охранника и украл лучшие корни женьшеня?

– Да. Иван еще добавил: у этого подлеца нелады с властями, он скрывался от закона. А Янковские его приютили, сами документы липовые выправили. И теперь обращаться в полицию отец тем более не станет. Ему же попадет.

– Ясно, – вздохнул коллежский советник. – Так бывает: пригрел человек змею на груди, а она же и укусила. Нечего прятать всякий сброд!

– Что вы намерены делать? – спросил доктор сыщика после паузы.

– Допросить Михаила Ивановича Янковского.

– Поедете во Владивосток? Далеко...

– Сам не поеду, pošлю помощника. Он как раз сегодня прислал телеграмму из Иркутска. Просится сюда. Пусть навестит пана Михала и снимет с него показания.

– Если пан Михал, конечно, захочет их дать, – скептически заметил Онкель.

– Срок давности за шалости с липовым паспортом уже вышел, – резонно заявил сыщик. – Теперь можно и сознаться. Понятно, что Сайтани избежал тогда погони и спасся. Теперь он убивает людей в вашем городе. Пора это прекратить.

Затем собеседники расстались. Онкель ушел в полицейское управление, а Лыков остался ждать своего помощника. Уссурийский след, неожиданно появившийся в деле, обеспокоил коллежского советника. Где Казань и где Владивосток? Какая тут связь? Но почерк убийцы так же характерен, как и данные бертильонажа. Есть такой человек, который

владеет необычным оружием. Кривое волнообразное лезвие, малый размер клинка, техника нанесения удара – все совпадает. Мало ли что придумали китайцы? Скорее всего, это восточные штучки, которым сотни лет. Однажды на Сахалине на Лыкова охотились японские садовники-синоби. Такие садовники, что голову срежут вместо куста... У них в арсенале были столь загадочные предметы, что сразу и не догадаешься, для чего они. [30] Может, диковинная гизарма тоже оттуда? Пусть Азвестопуло разведает. Он телеграфировал, что допрос Комова ничего не дал. Вор темнил, и довольно наивно. Устал от каторжных работ и решил проехаться за казенный счет в Казань. На самом деле про икону Ананий ничего не знал. Обещал поискать на совесть, вдруг да повезет? Нашел о чем говорить, тварь, о совести.

Еще одна мысль занимала сыщика. Шиллинг раскололся и выдал Оберюхтина. Тот действительно лазил в Богородицкий собор. Что дальше? На очной ставке «иван» будет все отрицать. Он в семи водах варенный, повидал такое, что и не снилось обычному человеку. Два побега с каторги, ходки по тайге, бои с бродягами в тюрьме и с туземцами – на воле... Человек знает все притоны от Каторжной слободы во Владивостоке до Проточного переулкa в Москве. Чем ты его прижмешь? Рассмеется в глаза. А без признания обратника как найти пятого?

Этот пятый теперь сильно занимал сыщика. В самом деле, Иона Оберюхтин, какой бы он ни был «иван» и авторитетный головорез, для Чайкина ровня. Однако, по версии Лыкова, во главе предприятия стоял кто-то особенный, кого побаиваются остальные участники «кражи века». Да и не по уму Ионе столь сложный замысел. А найти покупателя? Это же надо суметь пробиться к людям, которые за просто выложат миллион за дониконианскую икону. Оберюхтина к ним и на порог не пустят. Он не игрок в такой партии, только посредник между главным организатором и исполнителями. Так, все вроде бы верно. И что теперь делать?

Тут явился Делекторский и доложил, что вор Шиллинг надежно упрятан. Алексей Николаевич провел помощника в морг и показал труп смотрителя. Околоточный бесцеремонно залез пальцами в рану, обследовал ее и опешил. Долго разглядывал и так и сяк, вздыхал и морщился. Потом заявил:

– Как недоучившийся медик, могу авторитетно сказать, что таких ран не бывает. Его убили одним движением кисти. Но разрез зигзагообразный в двух плоскостях. Это невозможно!

– Однако мы с вами оба наблюдаем, что возможно.

Делекторский покачал головой:

- Нет такого ножа!
- А рана есть.
- Что говорит доктор Онкель?
- Он рассказал очень любопытную историю.

И коллежский советник сообщил помощнику то, что узнал от доктора. Никита Никитич задумался.

– Уссурийский край... Там древняя китайская культура. Люди порох выдумали. Могли и какой-то необычный клинок изобрести.

- Могли. Я тоже на них подумал.
- Что решили, Алексей Николаевич? Надо ехать, колоть Янковского.

– Пошлю телеграмму в канцелярию Александровского централа, – ответил питерец. – Там сейчас мой помощник коллежский секретарь Азвестопуло. Он снял показания с Анания Комова и просится сюда, мне в помощь. А поедет во Владивосток.

– Верно, – одобрил надзиратель. – Ему оттуда всего две тысячи верст до океана. А нам отсюда – семь. Но что будем делать мы с вами? Ждать, пока ваш помощник выяснит что-то важное? А до той поры сидеть сложа руки?

– Будем вести дознание со своего конца.

– С какого? – насмешливо поинтересовался Делекторский. – Сами говорите, что Оберюхтин – кремень и ничего не скажет. Может, я все-таки попробую расколоть молодца? Если проявить настойчивость, и кремень сломается.

– Дайте подумать, Никита Никитич, – вздохнул сыщик. – Дело трудное, надо покрутить в голове.

– Ну, крутите, – начальственно разрешил надзиратель. – Да, чуть не забыл! Там Васильев вас разыскивает.

Они покинули госпиталь и поехали в полицейское управление. Алексей Иванович увидел командированного и обрадовался:

- Нашлись! А то вице-губернатор сейчас придет.
- Зачем?
- Он вам сам скажет...

Тут дверь распахнулась, и боком вошел Кобеко. Он долго молча жал руку сыщику и смущенно улыбался. Потом заговорил:

– Алексей Николаевич! Разрешите от лица казанской администрации поблагодарить вас за совершенный подвиг.

– За что? – поразился Лыков.

– За подвиг. И не побоюсь этого слова, ей-ей! Такую банду изловить. Недавно приехали, и вот! Побольше бы таких командированных из

столицы. Я уже доложил рапортом на имя министра. Отметил вашу деятельность. Теперь вопрос: а как мы, казанцы, можем отблагодарить вас? В рамках нашего скромного бюджета, конечно.

Питерец смутился. Ох уж эти провинциальные бюджеты. Стрижевский уехал на два месяца лечиться, Кобеко остался за него и тащит воз. А сам живет где-то на Второй Горе, где снимает квартиру. Казенное жилье в Казани полагается только губернатору. Служебного выезда Кобеко тоже не положено. И статский советник каждое утро ездит в кремль за свой счет на извозчике.

– Даже не знаю, что сказать. Хотя... Не могли бы вы, господа, угостить меня национальной татарской кухней? Говорят, она интересная и отличается от кавказской.

На лице вице-губернатора отразилось облегчение. Гость не запросил лишнего. Кобеко повернулся к полицмейстеру:

– Алексей Иванович, накормим?

– А то, Дмитрий Дмитриевич.

– Где у нас всего вкуснее?

– У Абдулбадигова на Сенной площади.

– У Абдулбадигова? – удивился статский советник. – Садыка Шахиахметовича?

– Точно так.

– Он же торговец коврами.

– А еще держит тайный караван-сарай, – пояснил Васильев. – В котором такая же секретная чайхана для постояльцев.

– И почему мы это ему дозволяем? Пусть купит промысловое свидетельство.

– У меня с ним сделка. Абдулбадигов – человек авторитетный в татарских кругах. Но при этом умеренный магометанин... Если можно так выразиться. Он не одобряет идей панисламизма, которые, как вы знаете, пролезают в татарский мир с Востока. Садык Шахиахметович сообщает мне о таких веяниях. А я ему за это послабления делаю.

Вице-губернатор одобрил действия полицмейстера. Все трое заговорили о панисламизме. Эта угроза всегда витала в воздухе, то слабея, то усиливаясь в среде крайних элементов. После манифеста 1905 года в Нижнем Новгороде, прямо во время ярмарки, прошел первый мусульманский съезд. Политическая полиция очень им интересовалась. Были подозрения, что на съезд съехались радикальные силы. Оказалось, что казанские чиновники в курсе этих событий. И ведут четкую и грамотную политику противодействия экстремизму, но не исламу.

Разговор продолжался долго. И Кобеко, и Васильев показали высокий уровень государственного мышления. В городе со значительным мусульманским населением, с сильным духовенством они искали золотую середину. Без оголтелости, но и без излишней либеральности. Казанцы рассуждали о пантюркизме, об угрозе большой войны, разбирались в высокой политике на Востоке. Лыков был приятно удивлен.

День прошел в хлопотах, а вечером трое чиновников явились на Сенную площадь. Торговля уже закончилась, меж лавками без дела слонялись сидельцы, косясь на нечастых здесь русских гостей. Хозяин подпольного караван-сарая поначалу смущался. Он впервые принимал у себя исправляющего должность начальника губернии. Строго говоря, уехавший Стрижевский тоже был «и.д.». А Кобеко получался «и.д.» в квадрате... Но на столе быстро появились закуски, и беседа приняла оживленный характер. Абдулбадигов незаметно подкинул бутылку водки, что еще больше развязало языки. Хозяин посидел из вежливости пять минут и удалился, сославшись на дела. А гости ослабили пояса и вкусили от души. На столе оказались шулпа из говядины, казылык^[31], тутырма^[32], отварные говяжьи хвосты, кыстыбыи с картофелем (похожи на чебуреки, только нежареные), выпечка с мясом и чак-чак. Все было вкусное и сытное. Лыков, хорошо изучивший Кавказ, пробовал и ахал: сравнение было в пользу татарской кухни. И лишнего перца не кладут, и вообще...

Отдохнув как следует, гости поблагодарили хозяина и отправились по домам. День закончился без приключений.

Глава 9

Пауза

Утром Алексей Николаевич устроил очную ставку Шиллинга с Оберюхтиным. Как он и ожидал, «иван» только посмеялся над словами немца. Слово против слова – это не доказательство. Делекторский попытался страшать обратника, что еще больше его рассмешило. Дознание зашло в тупик.

– Ну что, Никита Никитич. Смешно было надеяться на другой исход. Парень прожженный, улики против него нет, – резюмировал неудачу Лыков.

– И как мы поступим?

– Будем ждать вестей из Владивостока. Там кончик нити. Азвестопуло хоть и молод, но уже опытен. Надеюсь, он за него ухватится и вытянет нам что-нибудь.

– А мне пока чем заняться?

– Помогите своим товарищам в дознании по банде Варехи. Там дел хватит всем.

– А вы?

– Я? Поеду в Свияжск.

– Как так? – удивился околоточный.

– Ну, пауза. А тут такой волшебный город. Не желаете со мной?

На хищном лице Делекторского мелькнула брезгливая гримаса:

– Боженьку там надеетесь услышать? Без меня.

Лыков уплыл на пароходе в Свияжск. Он гулял по удивительному месту два дня и не мог налюбоваться. Начальство далеко, а Бог, казалось, тут действительно ближе, чем где бы то ни было. Сказочный город, украшенный старинными храмами, протока с веселым названием Щука, гудки пароходов и сдержанный гомон паломников... Удивительно спокойное место. Когда-то жизнь была здесь ключом. Свияжск был заложен в 1551 году как базис для русских войск, идущих на Казань. Отсюда до нее двадцать пять верст по воде и тридцать восемь по суше. Тут копили силы для последнего, решающего штурма. А теперь все в прошлом. В городке нет ни заводов, ни даже мастерских. Две с половиной тысячи обитателей уездной столицы заняты рыбной ловлей, еще они вяжут сети. Других дел, кроме мелкой торговли, не заведено. В Свияжске два монастыря – мужской и женский, пять храмов, двухклассное училище для мальчиков. Земство

содержит библиотеку и больницу на сорок кроватей с аптечным складом. Присутственные места и тюрьма несколько оживляют однообразие тихих улиц. Зато собор Успения Пресвятой Богородицы – один из старейших в губернии, и фрески в нем замечательные... Гость заглянул и в самый новый храм, только что освященный – Божьей Матери иконы Всех скорбящих радости, что в женском Иоанно-Предтеченском монастыре. Под сводами собора пахло олифой, в углах лежала неубранная стружка. Молодая послушница, потупив взор, приняла от Алексея Николаевича пожертвование, и сыщик поразился: как она похожа на его дочь Шурочку! И стоит здесь с подносом, замотанная во все черное, а не нянчит детей. Как по-разному пишут люди повесть своей жизни...

Отдохнувший и посвежевший сыщик вернулся в Казань и пошел первым делом на телеграф. Дешевизна из Владивостока не было. Зато была раздраженная телеграмма от Трусевича. Директор спрашивал, когда же появится результат. И намекал в конце, что не просто так интересуется, а его торопят с самого верха. Коллежский советник за свою службу получил множество подобных посланий и давно перестал обращать на них внимание. Начальство всегда недовольно – пошло оно к черту!

Алексей Николаевич заказал кофе в ресторане гостиницы «Франция» и стал размышлять. Сергей что-нибудь раскопает. Он не из тех, кто уходит с пустыми руками. Можно просто сидеть и ждать, но это скучно. А если не ждать, то чем заняться? Проверить здешних купцов-староверов? Чем черт не шутит?... Коллежский советник сдул пыль со своего открытого листа и отправился на Большую Красную улицу. Там в доме Бутягина помещалось Казанское губернское жандармское управление.

Начальник его, полковник Калинин, принял сыщика радушно. Константин Иванович раньше служил в Петербурге и был знаком с Лыковым.

– Здравствуйте, Алексей Николаевич. Наконец-то удостоили. А я уж было обиделся: не идет и не идет. Или, думаю, зол на меня за что?

– Да служба все, будь она неладна. Вот, совесть заела, решил явиться с повинной. А повинную голову, Константин Иванович, не секут.

– Все с Васильевым знаете, а нас забыли, – не унимался полковник. – А Васильев ваш не на месте. Его бы в уезд и даже не исправником, а становым приставом. А он, глянь, полицмейстер! Срамота.

Служитель принес чаю и исчез. Калинин отхлебнул, обжегся и начал старательно дуть. Потом вдруг отодвинул стакан и посмотрел умно и со значением:

– Зачем пришли, Алексей Николаевич?

Лыков протянул ему свой открытый лист. Жандарм бросил на него взгляд и усмехнулся:

– Видел я уже такой. И с теми же самыми выражениями.

– У кого? – опешил сыщик.

– А вы не в курсе? – В голосе полковника звучала издевка.

– Нет. Поясните.

– Мне прислали временного помощника из Петербурга. Ротмистра Прогнаевского. Не знакомы с ним?

– Не имею чести. И что?

– Дело в том, Алексей Николаевич, что он получил такое же задание, что и вы.

– Такое же? Вы о чем, Константин Иванович?

– Об иконе. Вам ведь поручили ее найти?

– Да.

– Государыня поручила? Лично?

– Да.

– Вот! – Полковник поднял указательный палец. – И Прогнаевскому тоже. Лично, и пять тысяч золотом, и бумажка у него точь-в-точь, как у вас.

Лыков почувствовал себя уязвленным. Царица отправила двоих в одно и то же место, с одним и тем же поручением. Кто первый пройдет в дамки, тот и молодец. А может, есть и третий? Если не четвертый и пятый. С Александры Федоровны станется. Новость была неприятной.

– Да... Но это можно понять. Дело важное, пусть ищут с двух концов, – пробормотал сыщик, скрывая раздражение.

– Конечно, – кивнул жандарм. – Их Величество в своем желании вернуть святыню правы. Но как быть вам? А мне? Вы ведь за помощью сюда пришли?

– Да. За справкой.

Калинин встал, Лыков тоже поднялся.

– Очень сожалею, Алексей Николаевич. Поверьте, совершенно искренне. Я бы лучше имел дело с вами, чем с этим интриганом Прогнаевским. Но обстоятельства сложились так...

– Значит, совсем не поможете, Константин Иванович? Ведь под бумагой подпись Столыпина. Нашего с вами общего начальника. Сообщите мне то же, что и ротмистру, исполните свои прямые обязанности.

Полковник задумался.

– Хотя... почему нет? Тем более что и сообщать-то, честно говоря, нечего.

– Ой ли? – пристально взгляделся в собеседника сыщик. – Бросьте вы

вашу корпоративность. Ну и что, если тот жандарм, а я нет?

– Присядем, Алексей Николаевич.

Они снова сели, и Калинин заговорил, понизив голос:

– Ей-богу, нечего сообщить. По нашей линии нет никаких сведений насчет пропавшего образа. Слухи один глупее другого. Неправдоподобные то есть.

– Агентура?

– Как воды в рот набрали. Ни-че-го. Даже странно: весь город третий год судачит, Россия, можно сказать, на дыбах. Я и сам давно бы разузнал, если бы было чего узнавать. Ведь на этой истории такую карьеру можно сделать! Но увы. Пусто в наших сетях, Алексей Николаевич. Завалящей плотвы – и той нет.

– А ваш ротмистр чем занят?

– Он не мой, он... – Калинин сделал неопределенный жест.

– Ну, пусть не ваш. Так чем?

– Леший его знает. Бегаёт по городу, как таракан, усами шевелит и через день отсылает в Петербург длинные шифрованные телеграммы.

– Вот, а я только что выговор получил от шефа, что не балую его отчетами.

– Этот балует!

– Ну и как мы договоримся, Константин Иванович? – Сыщик уже оправился от плохой новости и смотрел спокойно.

– Я прикажу ротмистру Трескину ознакомить вас со сводками. Правильнее было бы назвать их сплетнями, но другого ничего нет.

– Трескин – это тот, который в театре побоялся схватить террориста?

Полковник нахмурился:

– А вы больше слушайте дурака полицмейстера! Трескин же в театр револьвер не взял. А Зефилов взял. Опасный, самый опасный в городе. Что, Константину Капитоновичу прикажете голову под пулю совать?

– Ну-ну, я пошутил. Давайте ваши сводки-сплетни.

Но Калинин еще долго не мог успокоиться и бранил полицию за нерасторопность. Потом сказал:

– Я понимаю вашу иронию. Конечно, если бы вы встретили в театре боевика, то завязали бы его в узел и поднесли полиции на блюдечке. Как сделали только что с бандой Варехи. Полгода не могли поймать здешние путилины! А вы за неделю разобрались. Но Трескин, признаться, того... не вашего полета.

– Ладно, Константин Иванович, – смиловился сыщик. – Все мы жить хотим, чего уж там. И не знаю, как поступил бы я на месте ротмистра,

если бы был без оружия. Не преувеличивайте мою храбрость, чем старше я делаюсь, тем ее меньше. Ну, кличьте ротмистра.

Полковник вызвал Трескина и приказал ему ознакомить коллежского советника Лыкова со всеми сведениями, что есть в управлении по краже чудотворной иконы. Ротмистр слышал о сыщике и принял почтительный вид. А в своем кабинете неожиданно начал оправдываться за нерешительность в театре. Алексей Николаевич, как мог, успокоил жандарма:

– Правильно сделали, что не кинулись на него. Театр, кругом люди, а он при револьвере. Могли пострадать невинные. А на улице другое дело.

– Так ведь он ушел, негодяй!

– Еще поймаете, какие ваши годы.

Трескин не уловил иронии и стал сбивчиво объяснять, почему не схватил боевика прямо в фойе. Выходило убедительно. В конце концов он вручил сыщику пачку донесений секретной агентуры и дал их внимательно прочитать. Выписки, правда, делать не разрешил.

Ничего особо интересного там не оказалось. Те же сплетни, которые передавали сыщику в управлении полиции. Несколько осведом упорно обвиняли игуменью Маргариту. Доставалось и купцам. Особенно поразил Алексея Николаевича рапорт агента по кличке «Искра». Тот сообщал о разговоре с участием экстраординарного профессора Ремизова. Ученый богослов трудился на кафедре противомусульманских предметов Духовной академии. И совершенно серьезно заявил, что икону Казанской Божьей Матери выкрали и уничтожили по заказу богатых татарских торговцев. С целью нанести ущерб православию.

Плюнув с досады, коллежский советник отправился прочь. Но когда вечером он вернулся в номера, то увидел на входе подтянутого, щегольски одетого господина лет сорока. Взгляд у незнакомца был вполне профессиональный, и сыщик сразу понял, что перед ним ротмистр Прогнаевский.

– Здравствуйте, Алексей Николаевич, – запанибрата обратился к нему господин в штатском. – А я Михаил Васильевич. Если полностью, то временный помощник начальника Казанского губернского жандармского управления ротмистр Прогнаевский. Вот, решил познакомиться.

– Здравствуйте. Может, по кружке жигулевского в буфете?

– А давайте.

Полицейский с жандармом сели в уголке и стали приглядываться друг к другу. Ротмистр как будто не решался начинать разговор. Лыков заговорил первый:

– Говорят, у нас с вами одинаковые открытые листы?

– Гм. А разрешите посмотреть ваш?

– Пожалуйста.

Ротмистр прочитал и помрачнел:

– Слово в слово. Вот, значит, они как...

– Да вы не расстраивайтесь. Иначе и быть не могло в этих сферах.

– Что же, нам с вами соревнование устроить? – с вызовом спросил Прогнаевский. – Кто кого опередит?

– Скорее всего есть и третий человек с таким же письмом, – зевнул сыщик. – И четвертый... Поэтому больше чем по пять тысяч в одни руки не дают. А то никаких денег не хватит.

– Послушайте, Алексей Николаевич, – решился наконец жандарм. – Давайте не конкурировать, а сотрудничать. Хотите, я расскажу вам, что узнал за последние дни? Честно открою карты. А потом вы мне свои, а?

– Попробуем, – ответил сыщик, думая про себя, что карты у жандармов обычно крапленые. – Начинайте.

– Я выяснил важнейшую вещь. Послушайте! – Ротмистр слизнул пену с усов. – Икона никуда не делась! Она не была украдена!

– Да вы что?

– Совершенно точно вам говорю. Оказывается, игуменья Маргарита не так глупа. Ее беспокоило, что чудодейственный образ плохо охраняется. И Маргарита придумала одну хитрость. Каждый вечер, перед тем как запереть собор, она собственноручно подменяла икону копией. А оригинал относилась в свою келью. Вот.

Прогнаевский выдохнул и посмотрел на сыщика – как тот отнесется? Лыков молча ждал продолжения.

– Вы что, не поняли? Я сказал, что образ никто не крал, похитили копию!

– А как она это делала?

Жандарм начал горячиться:

– Просто меняла, и все. Что значит как? Я не понимаю вопроса.

– Ну вот икона. Представили? Поверх нее одна на другой две ризы. А сама она помещена в киот. И как подменить?

– Я же вам объясняю: раз – и готово. Настоящую икону вынула из киота, потом сняла с нее ризы и облекла в них копию. И поставила эту подделку обратно. Чего тут непонятно?

– Пусть так. И где сейчас хранится чудотворный образ?

Прогнаевский широко улыбнулся:

– Это самый удивительный ход мудрой женщины! Святой образ

находится на Арском кладбище, в церкви Ярославских чудотворцев. Святых благоверных князей Федора и чад его Давыда и Константина. Стоит себе спокойно справа от иконостаса. Я внимательно разглядел – это он! Нет никаких сомнений. Ну, как вам моя новость? Теперь давайте вы, ваша очередь выкладывать.

– Погодите, – отмахнулся сыщик. – Значит, вы это хотите продать императрице?

– Не продать, а сообщить.

Лыков начал вещать загробным голосом:

– Игуменья вечером приходит в собор... Она тащит с собой целый мешок. В нем поддельный образ, клещи, молоток, пузырек с клеем...

– Зачем клещи? Какой молоток? – опешил жандарм.

– Сейчас поймете. Игуменья оглядывается – не видит ли кто ее? Потом начинает манипуляции с киотом. Он тяжелый, весь отделан серебром. Вынув икону, матушка начинает сдирать с нее сначала серебряную ризу с бриллиантами, потом золотую с жемчугами... Для этого она клещами выдергивает гвоздики крепления. Жемчужины так и сыплются на пол. Как это было, например, в саду Попрядухина. Матушка не обращает на это никакого внимания и продолжает орудовать. Распарывает бархатное облачение... Потом отдирает рыбий клей со святых ликов^[33]. Подменила наконец! После этого хитрющая монахиня заново обшивает бархатом копию, откусывая нитки зубами. Вставляет ее в ризы в одну за другой и молотком забивает гвозди на место. Затем открывает пузырек и мажет слюду клеем... И так триста шестьдесят пять раз в году? Да она одним только клеем погубит трехсотлетнюю живопись за неделю. А молотком разобьет образ в щепки. И это вы преподносите мне как открытие? Ротмистр, вы за дурака меня держите?!

Прогнаевский оттолкнул кружку и вскочил:

– Я... вы...

Схватил со стола шляпу и был таков. А сыщик посмеялся и заказал еще жигулевского.

Глава 10

Сайтани показывает клыки

Дознание Лыкова приостановилось. Азвестопуло то ли еще не доехал до старика Янковского, то ли не мог его отыскать. Без показаний поляка Алексей Николаевич застрял. Он попытался сделать хоть что-то. Опять допросил Шиллинга и Оберюхтина, и по одиночке, и на пару. Поручил Делекторскому как уроженцу Казани проверить купцов-староверов: вдруг их окружение что-то сболтнет? Велел полицмейстеру ориентировать агентуру в тюрьмах и выяснить, что слышно про кражу иконы? В тюрьме, как известно, всегда все знают. Сам питерец тряс главных скупщиков краденного – где образ? кто мог его купить? Барыги только разводили руками: тут нужен миллионщик, у нас такие не водятся.

Ситуация представлялась безнадежной. Все изменилось 10 сентября, когда в один день и даже в один час из-под следствия сбежали Вареха и Шипов.

Главарь содержался в помещении Второй части. В полдень он сломал решетку на окне и выбрался во двор. Там спокойно прошел мимо караульного и оказался на свободе. В тот момент, когда Вареха шагал по

Правой набережной Булака, его опознал городской Васин. Он участвовал в аресте банды и запомнил атамана. Увидев его гуляющим по улице, служивый сразу догадался, в чем дело, и попытался задержать беглеца. Вареха выхватил револьвер и выстрелом в упор тяжело ранил городского в шею. После чего перебежал на другую сторону протоки и скрылся в окрестностях Сенной площади.

В это же время дерзкий побег из губернской тюрьмы совершил Терентий Шипов. Он тоже перепилил решетку и вылез на крышу. Разобрал кровельные листы, спустился на чердак и по нему прошел к дальнему концу корпуса. Оттуда через слуховое окно перебрался на стену, спрыгнул с нее и оказался на Поперечно-Казанской улице. А затем благополучно исчез.

Все эти новости Лыков узнал от полицмейстера. Тот вызвал командированного в управление и там огорошил. Сыщик сразу спросил:

– А другие два? Бухаров с Оберюхтиным, что они?

– Бухаров сидит в пересыльной. А Оберюхтин – это Героев? Тот за стенкой, в помещении Первой части.

На этих словах в кабинет ворвался растрепанный Ловейко и объявил жалким голосом:

– Господа, еще несчастье! Бухарова нашли мертвым в камере. Отравлен.

Пристав не успел еще закончить фразу, как Лыков сорвался с места. Хорошо, что он распорядился содержать обратника на Воскресенской – бежать пришлось недалеко, в соседний флигель. Алексей Николаевич ворвался в камеру и увидел, что Оберюхтин подносит ложку ко рту. А перед ним стоит оловянная миска с кашей. Одним ударом питерец выбил ложку из рук арестанта. Тот опешил:

– Вы чего, ваше высокоблагородие?!

– Ты сколько этой каши съел?

– Да едва притронулся.

– Еда может быть отравлена.

– Будет вам, Алексей Николаич, – усмехнулся «иван». – Чай, я не мужик какой, а тертый деловик. Такими шутками меня не проймете.

– Дурак ты, Иона, хоть и тертый. Вареха с Шиповым сбежали час назад. Одновременно из разных мест. Кто-то передал им пилки, пузырьки с глицерином^[34] и оружие. А Бухарова отравили.

Бандит задумался и вдруг икнул:

– Ой!

Секунду-другую сыщик и уголовный смотрели друг на друга. А потом

Оберюхтина стало рвать. Его выворачивало наизнанку, приступы тошноты все усиливались. Сыщик вызвал фельдшера, и тот начал делать арестанту промывание желудка. В какой-то момент Лыкову показалось, что Иона вот-вот кончится, так он был плох. Но бандит оправился. Когда, бледный и ослабевший, он смог говорить, то первым делом потребовал:

– Покажите мне Бухарова.

Алексей Николаевич сначала не сообразил:

– Зачем он тебе? В мертвецкой лежит, жмурик жмуриком.

Но Оберюхтин настаивал:

– Покажите.

Тут до сыщика дошло, и он рассмеялся:

– Иона, ты думаешь, это уловка с моей стороны? Чуть-чуть отравить, потом откачать, чтобы ты заговорил с обиды?

«Иван» мрачно кивнул:

– Вы, легавые, на все способны.

– Ну ладно. Идти можешь?

– Лучше завтра. А пока я помолчу.

– Хорошо. Я помещу городского в камеру, а еду тебе станет носить из буфета околоточный надзиратель Делекторский. Которому ты чуть дыру в груди не проделал. К другой пище не прикасайся!

На следующий день они втроем приехали в военный госпиталь. Иона спустился в морг, посмотрел на труп товарища. Потом прочитал заключение доктора Онкеля: отравление большой дозой цианида.

Лыков не удовлетворился этим и повел бандита к доктору. Тот как раз перебинтовывал Васину шею.

– Вот человек, которого твой атаман ранил при побеге. Васин, расскажи, как дело было.

Городовой с трудом изложил. «Иван» сделался мрачнее тучи – понял, что сыщик не врет.

– Вон как, Алексей Николаич, – пробормотал он со злостью. – Приговорили, значит, меня.

– Кто, Вареха? – уточнил Делекторский.

– Да какой Вареха? Он дюжинный «иван», такой же, как я. Нет. Меня другой человек приговорил. Хотя какой он человек? Одно слово: черт.

– Поехали, расскажешь под протокол, – предложил сыщик.

Бандит вдруг попросил сиплым голосом:

– Алексей Николаич! Спасите меня, пожалуйста.

– Если всю правду скажешь, мне легче будет его поймать.

– Все скажу. Мне теперь о своей шкуре думать надо. Вареху с

Шиповым он, вишь, освободил. Они ему еще понадобятся. А нас с Бухаровым решил кончить. Ну-ну...

Они заперлись в допросной Первой части. Никита Никитич сел записывать, а Лыков поставил на стол чайник с крепким чаем и сахарницу. Сказал:

– Ешь больше сладкого, тебе надо силы восстановить.

Оберюхтин намешал в стакан песка и начал:

– Я знаю этого человека под фамилией Вязальщиков. Чтоб ему в третьем колене анафемой быть! – Откашлялся и продолжил: – Зимой тысяча девятьсот третьего года, когда японец начал угрожать, нас перевели с Сахалина на материк. Я оказался в Алгачской тюрьме. Не бывали там, ваше высокоблагородие?

– Бог миловал.

– Вот, а я сподобился. И сразу угодил на «Птичьи Острова». Это, так сказать, каторга в каторге. Особый корпус для штрафованных: пять темных карцеров и пять светлых. В каждом помещаются три человека. В темном жизнь на ощупь. Ни печи, ни окна, ни отдушины. Параша, бак с водой и – на шапке, что лежит на полу, – пайка хлеба. По закону, в карцере нельзя держать десять дней без перерыва: через три дня на четвертый арестанта суют на сутки в общую камеру с горячей пищей и чаем. Но начальство плевать хотело на закон. Выводили нас на воздух, давали миску баланды и кружку остывшего чая. Постоишь пятнадцать минут, посмотришь на белый свет и опять в могилу.

– За что тебя так? – спросил Лыков.

– За то, что «иван». Зад смотрителю не лижу, права свои знаю... Вот есаул Шматченко и воспитывал.

– Долго это длилось?

– Три по десять дней, а между ними по пять дней я отдыхал в светлом карцере. Там хотя бы все видать, уже хорошо. Так вот. Отбыл я карцеры и перешел в общий корпус. А срок у меня большой, двенадцать с половиной лет. Таких в каторге уважают. Опять же, я характер показал, не сломался. Ну и слава моя при мне: что Иона Оберюхтин – законный «иван» и обратник, про то вся Сибирь знает. И попал я в восьмую камеру.

– Там были только такие, как ты?

– Конечно. В остальных по двадцать пять человек теснятся, а нас лишь одиннадцать. И все именитые: Коровин, Проживной, Мишка Хрипатый, братья Рогачевы, Манулько, Канарейка. И трое, кого вы тут зацапали: Вареха, Шипов и Бухаров. Жратву мы с кухни брали, сколько хотели.

– Кобылку объедали? – уточнил Лыков. И пояснил Никите Никитичу: –

Кобылка – это рядовые арестанты.

– Обьедали, – подтвердил Иона. – Положение обязывает!

– Ты откуда таких слов набрался? – спросил Лыков.

– От Вязальщикова, он человек образованный. Сейчас уж, к нему подходим.

«Иван» выхлебал полстакана чаю и продолжил:

– Тут надо сначала пояснить, как на каторге жизнь устроена. Мы, белая кость, заправляем, а кобылка, мякинное брюхо, у нас заместо крепостных. Противиться ни-ни. Чуть что – лясь в ухо! У нас солдат один отказался подчиняться, так мы его в уборной на решетке повесили, в назидание.

Делекторский со злостью бросил карандаш. Бандит ухмыльнулся и продолжил как ни в чем не бывало:

– Но есть люди еще более важные, чем мы, «иваны». Такой и был Вязальщиков. Он служил в канцелярии тюрьмы. И всем там заправлял, несмотря на маленькую должность. Позже я узнал, что именно Вязальщиков велел смотрителю пропустить меня через «Птичьи Острова». Хотел испытать, чего я стою. Вдруг у новенького гайка ослабит? Вот и ремизил меня перед начальством. А когда испытал, то выделил из других и устроил мне побег.

– Потому что ты казанский? – предположил Лыков.

Бандит удивился:

– Точно так. Вы уж поняли, что к чему?

– Твой приятель уже тогда нацелился украсть чудотворную икону. Так?

– Верно. Голова же вы, Алексей Николаич... Сразу догадались. Я вот долго не располагал. Какой человек был Вязальщиков! Афанасий Стратонович звался он по бумагам. А как настоящее имя – никто не знает. И вот стал он ко мне присматриваться...

– Расскажи про этого гуся. Что за личность?

– Удивительный. Леший его чесал и чесалку сломал... Нерчинская каторга управляется из Горного Зерентуя. Там самый большой централ, каменный – остальные тюрьмы деревянные. И там же канцелярия всей каторги. Так Вязальщиков из Алгача командовал Зерентуем и всеми прочими рудниками.

– Как он это делал?

– А взял на себя снабжать каторгу ханжой. То есть рисовым спиртом, который гонят китайцы. До границы шестьдесят верст, вот он и спроворил. Арифметика выходит такая. Спиртонос покупает ханжу на той стороне по семьдесят пять копеек за четверть^[35]. Тащит на горбу по сопкам к тюрьме и

продает вольному шинкарю за два с полтиной. Тот предлагает распивочно и навynos, уже по четыре рубля пятьдесят копеек. У шинкаря покупают конвойные и уступают в тюрьму майданщику аж по двенадцать рублей. А тот разливает кобылке по два червонца. Спирт крепкий, каторга от него без ума и днем и ночью готова лопать. Обороты большие. Видите, какая цепочка наживалась? Платят-то за все обычные арестанты.

– А где они деньги на спирт берут? – поинтересовался Делекторский.

Бандит ответил:

– Деньги в тюрьме всегда имеются. Но вопрос правильный. Есть тюрьмы, где моют золото. Там каторжники прячут значительную часть добычи. И продают конвойным по четыре рубля шестьдесят копеек за золотник. Тогда как казна платит полтора рубля.

– А куда солдаты золото девают? – не унимался околоточный. – На что оно им?

– Китайцам уступают вдвое дороже.

– Что, китайцы вокруг тюрем с мешком наличности крутятся? Куда же начальство глядит?

– Ха! Начальство глядит в свой карман, как бы его набить. Но и конвойным перепадает. На Шаманке или в Новотроицких Ундинских золотых приисках даже допускается мыть золото на себя. Законно. Выполнил урок^[36] и шпарь дальше хоть до ночи. А так и делают: в темноте на ощупь моют. Утром прибегают чуть свет и смотрят, что попало. На Казаковских приисках еще хлеще. Там тащат намытую породу прямо в казарму. И отбирают из нее золото в больших чанах, которые стоят у каждого возле нары. Картина дикая: ночь не в сон, кобылка бежит, суется, каждый скребется в своей посуде, на столах золотой песок лежит грудками... Казарма на ночь запирается изнутри, надзиратели войти не могут, да и не пытаются. В Казаковке этой столько рыжьи^[37] намывали, что некуда девать. Оно там поэтому самое дешевое и было.

Делекторский осуждающе покачал головой, а «иван» продолжил:

– И вот Афанасий Стратонович все это переделал. Он взял в долю только смотрителей и их помощников. И купил самого начальника каторги полковника Развозова. Конвою, вольным шинкарям, майданщикам – шиш. Всех посредников из цепочки выкинул. И стал менять ханжу на золото, получая сразу с двух концов. Рыжье у него выходило по цене спирта в Китае! Представляете, какая маржа получалась? А еще взял на себя выписку, а там тоже барыши о-го-го.

– Какую еще выписку? – повернул голову к бандиту зауряд-

прапорщик.

– Выписка – это провизия, которую заказывают себе арестанты на собственные деньги, – пояснил ему Лыков. – Официально, через тюремную лавку. Водку и карты нельзя, а табак или колбасу можно.

– Такой оборотистый был Вязальщиков, – с уважением констатировал «иван».

– Но его должны были за это убить, – возразил коллежский советник. – Он же столько людей дохода лишил. Как они стерпели? На каторге народ злой, ничего не боится.

– Пытались, – кивнул Иона. – Но, во-первых, у Вязальщикова была охрана. Я, кстати сказать, ее и возглавлял. А во-вторых, он и сам не промах. Чирк своими браслетами – и готово. Довелось мне однажды увидеть, как он силача-вольнокомандца прикончил. Здоровый был, будто медведь! А Стратоныч его одним движением. Тот лишь ногами задрогал... А когда на нас в Новотроицком напали, сразу двоих порешил.

– Что за браслеты? – оживился Лыков. – Это ими он казанских атаманов казнил?

– Да. Диковинная штука. Они у него на обеих руках. Острые, как бритва! Лезвия необычные, по кругу идут, да еще извиваются... В обычном виде, значит, они сложены друг к дружке и не опасны. А когда надо, он их разворачивал, и получалось оружие. Из Африки ему достались.

– Из Африки? – хором спросили полицейские.

– Ей-ей, Афанасий Стратонович сам так сказал. А что? Я верю. Он чудной, шут знает где куролесил, весь мир поглядел. В Уссурийском крае с тиграми бился, женшень копал.

Лыков с Делекторским переглянулись.

– А в Африке твой начальник как оказался? – спросил Алексей Николаевич. – По своей воле или бежал туда?

– Сначала убег туда, а потом оттуда, – рассмеялся каторжник.

– То есть?

– Я и сам толком не знаю. Но Вязальщиков говорил так: обстоятельства вынудили драпануть как можно дальше из России. А потом и в Африке опять, значит, обстоятельства. Верю. Он такой: всюду найдет, как заработать. На остальных ему наплевать, и везде Афанасий Стратонович по этой причине врагов наживал. И приходилось, стало быть, снова тикать.

– Скандальный?

Оберюхтин задумался, потом ответил:

– Не скандальный, не то слово. Он... черт. Я уж говорил!

– Что значит черт? В каком смысле? – не понял Лыков.

– Черт и есть, – убежденно заявил бандит. – Никого не боится, никого в грош не ставит. Сатане в зенки рассмеется! И убить его нельзя: ловкий и храбрый. Только совершенно безжалостный. Спасите меня от него, Алексей Николаич! Вам одному по силам.

– Продолжай.

– Чего? А... Когда, значит, захватил Вязальщиков всю линию снабжения, то вошел в большую силу. Окончательно из себя выпрягся. Жил как падишах. Дважды в год, на Рождество и на Пасху, всю тюрьму бесплатно водкой и вином угощал. Ездил в Мальцевскую тюрьму баб себе выбирать.

– Это единственная женская тюрьма в Нерчинском каторжном районе, – пояснил сыщик зауряд-прапорщику.

– Не понравился ему смотритель этапного пункта в Шелапугине, так он служивого прикончил. И дознавать никто не стал. Конвойные его опасались больше, чем начальника батальона! Короче говоря, стал Афанасий Стратонович, как паук, всю каторгу сосать, в год по сто тысяч загребать. Но ему показалось мало. Вызвал он меня как-то ночью в канцелярию, принялся про Казань расспрашивать, что да как. Про Божью Матерь: много ли на ней золота и бриллиантов, как ее караулят. Я сообщил, что знал, а и невдомек мне, для чего тот разговор. А потом он снова позвал и говорит: пора тебе, Иона, домой лыжи вострить. И дал наказ: бежать с каторги, осесть в Казани и найти там хорошего клюквенника. Такого, который не побоится чудотворную икону спереть.

– Ну а покупателя он где взял? – удивился Лыков. – Богачи-староверы в тюрьмах сидят неохотно, а все больше в столицах.

– На каторге, ваше высокоблагородие, каждой твари по паре. На любой вкус есть человек. Вот и в селе Алгачинском такой нашелся. Село это близ тюрьмы, тюрьмой живет и беглых покрывает. Прятался там один оборотистый делец, который для рогожцев старые образа покупал. Ездил по державе и где какую икону находил, то ее торговал. А ежели не отдавали, то им же хуже: бесплатно брал. Ничем от него не отвязаться было. Однажды тот делец переборщил, украл у сильного купца, в Муроме дело было. И загремел по этапу. Вязальщикову его знакомства на Москве понадобились, и он устроил дельцу побег. Велел ему ехать в Рогожу, искать на Казанскую Пресвятую Богородицу покупателя. Только чтобы меньше миллиона не предлагали. Вот.

– И тебе тот же Вязальщиков побег устроил?

– Точно так. У него это запросто. И сам вскоре за мной следом утек.

Поселился в той же Казани, чтобы сделку, значит, облебастрить.

– Дальше было, как Шиллинг рассказывал?

– Ага. Я про Чайкина слышал, еще когда он под фамилией Сорокин работал. Ловкий и дерзкий, то, что надо. Поговорил с казанскими ворами, подсказали они мне насчет Васьки-немца. Столковались мы с ним, и вывел меня Васька на своего родственника. Чайкин – голова! Сразу вопрос так поставил: все, что на иконе помещается, ему. А заказчику одна доска. Вязальщиков, как узнал, тут же согласился.

– Ты ведь их знакомил? – спросил Лыков.

– А то как же. Ведь миллионное дело. Надо друг дружке в глаза посмотреть.

– Где и когда они уговорились?

– В Рождество засели мы трое в ресторане Гяркина, что в Русской Швейцарии. И Чайкин с Вязальщиковым промеж собой заключили сделку. Решили два образа спереть, там еще Спаситель подвернулся, тоже в богатой ризе. Тогда же придумали второй-то образ спалить, а сделать вид, будто оба погибли. Чтобы, значит, искали не икону, а только камни с золотом.

– Когда вы вчетвером из монастыря выбрались, там и поделили добычу. Правду Шиллинг сказал?

– Правду, ваше высокоблагородие. В саду у Попрядухина каждый взял свое. Я доску сунул под рубаху и пошел. Утро, туман стоит... Страшно мне вдруг сделалось. Такая штука у меня под пазухой! А что, если Бог есть и он меня сейчас покарает? И сдали у меня невры, сунул я образ в «шипову дыру», досками закрыл и бежать.

– И что дальше?

– Дальше, Алексей Николаич, едва меня за это Вязальщиков не убил. Уж так бранился, так бранился! И вечером, несмотря на то что весь город настороже был, полиция разъярилась, послал он меня доску ту достать и ему принести. Больше я с той поры ее не видел.

– А бриллианты Чайкин тебе на хранение оставил?

– Ну вы даете... Кто ж такие суммы посредникам доверяет? Опять Чайкин с моим начальством встречался, во второй раз. В пивной «Жигули» напротив цирка.

– Ты присутствовал?

– А как же.

– О чем на этот раз договорились?

– Федор сказал, что Максимова арестовали и не верит он ему. Тот слабый, выдаст. Попросил Афанасия Стратоновича камни пока у себя

поддержать. Потом, когда Федор сбежит, вернуть по-честному. Иначе, мол, сами понимаете...

– Не возьму в толк, почему Чайкин камушки в землю не зарыл, – начал рассуждать сыщик. – Доверить такую ценность Вязальщикову... Чем он думал?

– Чайкин думал головой, – заступился за клюквенника «иван». – Кругом полиция. Да что фараоны – вся Казань на ушах стояла. По оврагам за Академической слободой тыщи людей с лопатами ползали, каждый камень перевернули. Тут и нашли бы они Федорово сокровище, если бы он его, как вы сказали, зарыл. Нет, Чайкин это предвидел. И обратился к Вязальщикову.

– А тот?

– Афанасий Стратонович обещал. Что ему еще оставалось?

– Убить Чайкина, и дело с концом. И камни ему, и икона.

– Просто сказать, да трудно сделать, – возразил бандит. – Федор тоже не промах, без револьвера не ходил. Это Шиллинг трататон бездельный, простокишная голова. А Чайкин хват. Опять же, людное место, глаза и уши кругом. Проще было согласиться.

– А почему Вязальщиков не вернул Чайкину бриллианты, когда тот сбежал из Мариупольской тюрьмы?

– Потому что он Богоматерь не сумел продать.

Лыков не поверил своим ушам:

– Как?! Чудотворная икона не продана в третьи руки? И где же она?

– У Вязальщикова.

– В Казани?

– Надо полагать, что да. Может, в другом каком месте, об том лишь он сам знает. Но покупатели все отказались.

– А почему?

– Такое дело, какое Вязальщиков задумал, раз в сто лет выгорает, – начал Оберюхтин. – Ведь главную в государстве святыню покрали! Идти на подобное можно, лишь если покупатель известен заранее. Верно говорю?

– Верно, – согласился Алексей Николаевич. – И кто он был, этот покупатель?

– Миллионщик из рогожцев, а фамилию я не знаю.

– Значит, образ в Рогоже? – спохватился околоточный. – Чую я, чую, что без них не обошлось!

– Говорю же: сделка сорвалась, – недовольно повторил «иван». – Потому как помер миллионщик. Укатил в Румынию – он там хотел образ держать – да и помер в дороге. И сделка расстроилась. Других таких

богатых да отчаянных не нашлось. У одних денег не хватило. Просили уступить за триста тысяч, но Афанасий Стратонович лишь посмеялся. Другие говорили: погоди, пока шум утихнет, сейчас не время, полиция с ума сходит.

– Вот это новость! – воскликнул Лыков, повернулся к Делекторскому и добавил: – Икона у африканского резчика на руках. Надо его срочно брать!

Околоточный сосредоточенно кивнул, записывая показания бандита.

– Ну, Иона, теперь самое главное, – бодро сказал сыщик. – Где нам найти Вязальщикова?

Обертюхин вдруг съежился и тихо произнес:

– Я не знаю.

– Как это не знаешь? Вы же часто общались.

– Часто. Бывало, что и каждый день. Но тогда лишь, когда он сам того хотел. А я к нему через полового только. Закажу, значит, встречу, а он решает, придет аль нет.

– Что за половой?

– В тех же «Жигулях», Аггеем зовут. Только тот Аггей, я сомневаюсь, жив ли он еще.

Делекторский на этих словах вышел. Когда через минуту вернулся, пояснил Лыкову:

– За Аггеем послали.

– Продолжай, – накинута на обратника сыщик.

– А все. Больше я ничего не знаю.

– На кой черт ты мне тогда сдался! – рявкнул Алексей Николаевич. – Если не знаешь. Жить надоело?

– Жить-то хочется, ваше высокоблагородие, да не сумею вам угодить. Вязальщиков нарочно так все обставил, чтобы мы его выдать не могли. Эта... конспирация.

– Значит, и где живет, и под какой фамилией – ничего не знаешь?

– Ничегошеньки.

– Как хоть выглядит твой человек-черт?

– Высокий. Сила у него немалая, почти что как у вас. Смуглявый. Лицо обыкновенное, бесприметное. Да весь он бесприметный... Ни шрамов, ни родинок, ни регалок ^[38] на видных местах нету. Голос тоже самый обычный. Глаза серые. В бороде и волосах седина.

– Пусть так. Расскажи тогда, что знаешь, про Вареху и его банду.

– Их мне Вязальщиков по весне прислал. Сбежали ребята из Алгача еще в девятьсот пятом году и где-то куролесили. А тут понадобились, он их поближе к себе и поселил.

– Атаман все это время здесь жил? Надоело ему в канцелярии трудиться, золотишко загребать?

– Не. Во-первых, образ-то из Казани скрали, он должен был тут обитать, чтобы миллионное дело у него на глазах делалось. А во-вторых, так и так пришлось Афанасию Стратоновичу спастись из того Забайкалья бегством. Он глупость сделал, казака убил.

– За что?

– За дерзкое слово. У Афанасия Стратоновича ум помутился, от вседозволенности, значит. Насмелел, решил, что он царь, все ему можно. И зарезал гоношистого парня, который его раздражал. Но забайкальских казаков убивать нельзя. Это зрителей никто не жалеет, а станичники очень плохо относятся, если их людей тронуть. Пришлось Вязальщикову драпать со всех ног, чтобы живым остаться.

– Для чего он поселил банду именно в Казани? Ведь иконы к тому времени уже давно украли.

– А он, Вязальщиков, большое дело тут закрутил. Ворует с окружных складов оружие и огнеприпасы.

Лыков с Делекторским надели на «ивана» с двух сторон:

– Оружие воруют? Люди Варехи?

– Угу. Потому атаман и вытащил их из цинтовки^[39], что дело не закончено. Это с Божьей Матерью закончено, и можно Оберюхтина травить!

Бандит выкрикнул последнюю фразу так истерично, что полицейские даже опешили.

– Ты чего, Иона? – начал успокаивать его коллежский советник. – Живой же. Радуйся. Поймаю я тебе атамана. Башку его смуглявую откручу. Давай дальше рассказывай.

– Да все, что помнил, изложил. Меня от этих дел в стороне держали, потому знаю я мало.

– Куда хоть продавали краденое оружие? И как?

– Знаю только, что часть на Кавказ, а часть в Абиссинию.

– Куда-куда?

– В Абиссинию. Это ведь вроде в Африке? – неуверенно спросил «иван».

– В Африке, – подтвердил коллежский советник. – И браслеты свои Вязальщиков привез тоже оттуда. Чертовщина! Как он там оказался и что делал? И для чего вернулся в Россию через Китай?

В комнате повисла тишина. Потом Делекторский неодобрительно пробурчал:

– Вот только Африки нам тут не хватало... В огороде бузина, а в Киеве дядька.

– Погоди-ка...

Лыков вынул блокнот и прочитал записанное там для памяти письмо:

– «Ни к первому, ни к второму пока не ходи, ляг на дно. Скажи только князю, что желудей мало...» Из послания Вязальщикова Варехе. Кто эти люди, о которых он говорит?

– Ей-богу, не ведаю. Говорю: в стороне я был, не посвящали они меня.

– Ладно, Иона. Допустим, я тебе верю и ты рассказал все, что знал. Дальше как быть?

Каторжник вскочил:

– Ваше высокоблагородие, заберите меня из Казани! Найдёт он меня здесь, где бы вы ни спрятали. Найдёт и убьёт. Вам же супротив него живой свидетель понадобится, не мертвый.

Лыков думал недолго:

– Хорошо. Отправлю тебя в Петербург, сядешь там на Шпалерной, пока я тут дознание закончу.

– Вот спасибо! Но только в одиночную, ваше высокоблагородие Алексей Николаич!

– Будет тебе одиночка.

Глава 11

Поймать Вязальщикова

«Ивана» увели в камеру, где теперь неотлучно находился городской. А Лыков с Делекторским отправились в кабинет к Васильеву. Сведения насчет иконы сыщик на всякий случай держал при себе. А полицмейстер и не спрашивал лишнего. Зато новость о краже оружия и патронов с окружных складов касалась казанцев напрямую. И об этом Алексей Николаевич немедля рассказал Алексею Ивановичу. Тот не обрадовался услышанному:

– Час от часу не легче. Оба сбежавших тем и занимались? Значит, мы теперь не узнаем о покражах.

– А то Вареха с Шиповым что-то сообщили бы, – рассмеялся питерец. – По нынешнему законодательству, за такие шалости полагается виселица. Будем сами искать концы.

– Как? – Полицмейстер сел, горестно подпер голову кулаками. – Гады! Меня со службы турнут, как только узнают. Калинин, жандармская рожа, первый же и донесет. Алексей Николаевич, вы ему пока ничего не говорите, ладно?

– На кой он мне сдался? Я с вами сотрудничаю, а не с ним.

– Вот и хорошо. А мы пока... М-м... – Полицмейстер подумал немного и предложил: – Надо взять в оборот тех, кто остался. Бабы и этот каинский мещанин, которого довел до признания Никита Никитич. Развести по разным углам и колоть, колоть. Кто что слышал, имена какие или способы передачи... Любые сведения могут пригодиться.

– Правильно, – одобрил сыщик. – Вот вы этим и займитесь. Облавы что-нибудь дали?

После побега двух опасных преступников полиция обыскала весь город с окраинами.

– А... – Полицмейстер шлепнул ладонью по столу. – Прихватили в Забулачье сбежавшего из Самарской тюрьмы арестанта. С револьвером и кинжалом! А в Собачьем переулке открыли тайный притон разврата. Даже в пригороде все перевернули вверх дном и схватили в Больших Дербышках удалца, что грабил дачников. Но тех, кого искали, не нашли. Думаю, их теперь и в городе нет. Сели в Устье на пароход и уплыли.

– А кто передал беглецам пилки, выяснили?

– Не удалось. Есть люди на подозрении, из тюремных служителей. Но улики никаких. Мы их, конечно, выгоним, однако вывести на главаря они не смогут.

– Следует начать поиск упомянутого главаря. Вязальщиков – мозг, организатор и потому уехать не может, у него тут дела. Надо оружие украденное вывезти, концы спрятать, продавцов ободрить, чтобы не боялись. Что предлагаете?

Полицмейстер привычно начал жаловаться. В Казани сейчас проживает 174 000 человек. Имеется шестнадцать пригородных слобод: Бакалда, Устье, Адмиралтейская, Большая и Малая Игумновы, Ягодная, Гривка, Козья, Хижицы, Три стройки, Немецкая Швейцария, Русская Швейцария, Окружная лечебница, Поповка, Дальне-Архангельская и Ново-Татарская. Еще две слободы – Дальняя и Ближняя Пороховые – в черту города не входят, но тесно с ним связаны. В городе 300 кварталов и 9000 жилых домов. На все про все 295 пеших полицейских и 30 конных. Резерв отсутствует, штаты всегда не заполнены. Казарм для жилья нет даже для семейных городских. По закону от 31 января 1906 года полагается иметь по одному городскому на каждые 400 душ населения обоего пола. Но в Министерстве финансов до сих пор считают жителей Казани по переписи 1897 года! Тогда было 129 999 душ, вот их и берут в расчет. Софистика-казуистика! Хорошо хоть после событий пятого года, когда все вокруг полыхало, чуть повысили жалованье. Городовым младшего оклада с четырнадцати рублей подняли до двадцати, а старшего – с семнадцати до двадцати пяти рублей. Эти новые оклады пока удерживают людей. Но служба тяжелая, неблагодарная и опасная. Сколько еще будет продолжаться такая недалёковидная политика?

– Вопрос не ко мне, а к министру финансов Коковцову, – осадил жалобщика Лыков. – Чего плакаться? Так по всей империи. Вы дело предлагайте.

После этого разговор перешел в рабочее русло. Как искать в большом городе человека без особых примет? И паспорт у него наверняка на другое имя. Васильев ухватился за тот факт, что Вязальщиков побывал в Африке, и предложил:

– А вы сходите, Алексей Николаевич, в Общество археологии, истории и этнографии. Это при университете.

– Зачем мне туда идти? – усомнился питерец.

– Вдруг там что-то знают про вашего африканца? Мало ли... Заходил человек, приезжий, нездешний. Может, смотрел коллекции да и сболтнул, что жил в Африке...

– И вывез оттуда браслеты, которыми удобно убивать людей? – съязвил сыщик. Но, подумав, согласился, что в этом предложении есть смысл.

В конце разговора вернулся Уразгильдеев, которого послали за половым Аггеем из пивной «Жигули». Околоточный доложил, что труп официанта обнаружили в подвале дома Чарушина, в котором располагается пивная. Заманили и перерезали горло. Тем же самым способом, да. Ниточка оборвана. Разговоры с обслугой ничего не дали. Смуглого человека, который крутился бы возле парня, не вспомнили. Он никому не говорил о том, что является связным, имен не упоминал, жизнь вел незаметную.

Лыков и не надеялся на удачу с этим Аггеем. Но его поразила жестокость главаря. Как легко он отнимает человеческие жизни... Что сотворила с ним судьба? Где он научился ценить голову людей в полушку? Монстр, чудовище – или жертва страшных обстоятельств, которые искалечили его душу? Иона Оберюхтин, которому самому гореть в аду, говорил, что его хозяин – черт. Пока так оно и выходит. Вязальщиков не оставляет свидетелей и опережает сыщика на шаг-другой. Что, например, он делает сейчас? Может быть, режет горло профессору Катанову? Согласно казанскому адрес-календарю, именно Катанов является председателем Общества археологии, истории и этнографии. Поежившись от такой мысли, Алексей Николаевич устремился в университет. А Делекторскому велел помочь полиции допрашивать оставшихся в их руках членов банды Варехи.

У общества оказался собственный музей. Он расположился в корпусе историко-филологического факультета. Профессора Катанова не было, зато отыскался его товарищ, профессор Александров. Но сначала сыщик обошел шесть комнат музея. К его разочарованию, предметы из Африки почти отсутствовали. Было много других экспонатов: старинная керамика из раскопок, античные монеты, кавказская чеканка. Лишь в последней комнате сыщик увидел предметы из Магриба. На зеленом сукне лежало массивное кольцо из змеевика. Подпись под ним гласила: «Кольцо-доспех с правой руки туарега. Предохраняет его от ударов вражеской сабли, с одной стороны, а с другой – увеличивает силу собственного удара. Предоставлено в дар музею Б.А. Люпперсольским». Рядом лежали копье с четырьмя зазубринами, кинжал и щит из кожи антилопы – вооружение туарегов. Все они также были подарены Люпперсольским.

Фамилия дарителя была питерцу знакома. Он не раз читал в журнале «Вокруг света» интересные очерки о путешествиях по Востоку. Борис Андреевич – так звали автора. Возможно, это он? Очерки были написаны

увлекательно, с большим талантом. Вот бы кого расспросить о русских в Африке! Неужели он в Казани?

Лыков отыскал профессора Александра и завел с ним разговор о Сахаре. К его удовольствию, тот сразу адресовал его к Борису Андреевичу. Сказал, что тот преподает географию в Родионовском институте. И сейчас скорее всего в городе, поскольку начался учебный год. А летом легкого на подъем путешественника застать трудно: он странствует по белу свету.

Родионовский институт благородных девиц относился к ведомству императрицы Марии. Учебное заведение находилось на улице, названной в его честь Институтской. Лыков поехал знакомиться с директрисой, вдовой гофмейстера Марией Львовной Казем-Бек. Вдова оказалась живой не по годам, умной и доброжелательной. Никакого жеманства, свойственного иногда институткам, в ней не было. На вопрос сыщика, кто такой Люпперсольский и как с ним встретиться, она ответила: а я его сейчас вызову. Пока учитель шел, Казем-Бек успела сказать про него много хороших слов. Борис Андреевич – настоящий ученый. Даже слишком для благородных девиц, которым лишние знания по географии ни к чему – извозчик куда надо довезет. Еще он красив, храбр, экспансивен, оваян славой путешественника по диким местам. И на этой почве с ним случаются неприятности. Барышни в старших классах, когда в их головках одна любовь, начинают увлекаться загорелым красавцем. Пишут записки, назначают свидания; одна в прошлом году даже пыталась отравиться. Но это так, от глупого романтизма, вины Бориса Андреевича тут нет никакой. Было расследование, оно все точно установило. Однако девочки не унимаются, случай с отравлением лишь прибавил славы учителю. И он сам уже обратился к Казем-Бек: не уволиться ли из института от греха подальше?

– Что вы ему ответили? – полюбопытствовал Лыков.

– Сказала, что нам будет его не хватать, – рассмеялась директриса. – Я хоть и в возрасте, но тоже женщина. Хорош, хорош Борис Андреевич... Жалко, если он уйдет. Но жизнь моих девочек на главном плане. И я не исключаю, что по итогам этого учебного года нам с ним придется расстаться. Старший курс распущенный, там есть несколько заводил. Уже была история с юнкерами, которые лазали в окно дортуара. И в результате у одной из воспитанниц нашли триппер. На мои упреки мне смеялись в лицо... Особенно эта, Ланцова, дочь предводителя дворянства Цивильского уезда.

По ухоженному лицу директрисы пробежала гримаса.

– Так что, возможно, Борис Андреевич преподает у нас последний год.

Мы решим это в мае.

– А давно он у вас?

– Три года. До этого жил в Москве. Хотя жил – это громко сказано. Он там зимовал, а с весны по осень путешествовал. Тянь-Шань, Французская Сахара, Абиссиния...

– Даже так? – наострил уши сыщик. – Абиссиния? Он частным образом туда путешествовал?

– Ой, это государственная тайна. Ему запрещено рассказывать. Были попытки заполучить в союзники России императора Менелика. Наши дипломаты вместе с Военным министерством направили к нему людей, в том числе разведчиков. И Борис Андреевич был одним из них. Но тс-с! Секрет!

Тут вошел учитель географии. Лыков с интересом разглядывал его. Действительно, красавец. Роста выше среднего, щегольские усы, веселые живые глаза, выющиеся темно-русые волосы. Весь какой-то ухватистый,

гибкий, ловкий.

– Здравствуйте, Мария Львовна. Вызывали?

– Да, Борис Андреевич. Это коллежский советник Лыков из Департамента полиции, ему нужна справка.

– Из полиции? – удивился Люпперсольский. – Чем смогу – помогу, но что за справка? Вроде я в Казани не буянил, последний раз нарушал закон в знойном городе Гадамесе, когда обсчитал владельца каравана.

– За что вы его так? – усмехнулся сыщик.

– А он был большой мошенник, вот и поплатился.

– Гадамес – это столица туарегов, – пояснил директрисе Лыков и протянул учителю руку: – Я читал о нем в ваших замечательных очерках, которых большой поклонник. Позвольте представиться: Алексей Николаевич Лыков. Разговор, боюсь, затянется, мне о многом нужно вас спросить. Так что...

– Пойдемте ко мне на квартиру, – предложил Борис Андреевич.

Мужчины откланялись и через минуту уже сидели в уютной комнате на втором этаже. Это было жилище путешественника. На стенах шкуры зверей, туземное оружие, предметы быта с необычными узорами. Лыков хотел взять в руки стрелу, но хозяин резко остановил его:

– Не надо!

– Неужели ядовитая?

Люпперсольский облизнул губы и рассмеялся:

– Сейчас яд, конечно, ослаб, но лучше не проверять. Это оружие племени вакамба, одного из пятидесяти племен, населяющих Кению. Туземцы выпаривают из коры дерева мричу^[40] сок. Долго варят, полдня. Получается такая черная густая масса наподобие смолы. Затем ее смешивают со змеиным ядом и корнями особых растений. Выходит отрава большой силы. Испытывают ее следующим образом: делают надрез на руке и дают крови стечь на запястье. Затем прикладывают отравленный кончик стрелы и смотрят. Кровь мгновенно чернеет, и видно, как яд ползет вверх, к ране. Тут надо его вовремя стряхнуть...

Борис Андреевич снял что-то с полки и протянул сыщику:

– Возьмите лучше это. И безопасно, и интересно.

– А что за вещь? Кость какая-то. Кривая и очень легкая.

– Это знаменитая плавающая кость. Ее извлекают из ткани последнего плечевого мускула льва. Представляете, она никак не соединена с остальным скелетом. Назначение кости неизвестно до сих пор. Считается, что она помогает хищнику при больших прыжках, предохраняет плечо от вывиха. Но достоверно никто не знает. В Ост-Индии на такие кости

большой спрос, из них делают украшения, оправляя в золото. Эту я лично вырезал из плеча убитого мною льва.

– Однако, – уважительно сказал сыщик. – Я вот не самый трусливый, а на льва вряд ли соглашусь пойти.

– Хотелось себя испытать, – серьезно ответил хозяин диковинной комнаты. – Если ты путешественник, будь готов ко всему. А иначе сиди дома и изучай мир по глобусу. Со мной во время экспедиций чего только не случалось... Так скучно в Казани зимой! Но вот лето кончилось, и опять я здесь. Увы. Алексей Николаевич, давайте начинайте. Вы ведь пришли сюда по делу.

– Точно так, Борис Андреевич. Мы ищем человека, который побывал в Африке, затем вернулся через Дальний Восток и начал совершать здесь преступления.

– Этот человек – русский подданный?

– Да.

– Как его зовут?

Сыщик развел руками:

– Настоящее имя нам неизвестно. В Забайкалье он называл себя Вязальщиков. Афанасий Стратонович Вязальщиков. Но это выдуманное имя, а как он представлялся в Африке, бог его знает.

– А почему вы обратились ко мне?

– Кого же еще в этом городе спрашивать об Африке?

– Ну да, больше некого, – рассмеялся учитель. Он нравился сыщику: быстрый ум, уверенность и при этом искренняя благожелательность. – Вы хотите знать, не встречался ли он мне в путешествиях?

– Именно так.

– Опишите его внешность. Высокий или низкий, блондин или брюнет... Лет ему сколько?

– За сорок. Высокий, загорелый. Серые глаза. Особых примет не имеет.

Борис Андреевич опять облизнул губы и засмеялся:

– Да вы описали меня! Правда, я моложе...

Действительно, у него серые глаза, сообразил сыщик. Странно, что он сразу этого не заметил. Вызвал у него собеседник симпатию, ну так что же? Надо быть внимательнее.

– Ну, вы личность слишком известная, чтобы интересоваться полицию в таком деле. Член Русского географического общества, и не только. Так что вернемся к моему вопросу. Встречался вам в дебрях похожий персонаж?

Люпперсольский задумался, потом спросил:

– А у него нет польского акцента? Попадался мне в суверенном Конго один поляк, очень неприятный. Бежал из России.

Но тут же снова облизнулся и рассмеялся:

– Хотя о чем я спрашиваю? С таким акцентом он не смог бы выдавать себя за Афанасия... Как бишь дальше?

– Стратоновича. Вы правы, речь его чисто русская.

– Нет, – уверенно ответил путешественник. – Не припомню такого. В Африке вообще русских можно по пальцам пересчитать. И чаще всего это беглые матросы в портовых городах.

– Расскажите мне про того поляка.

– Но зачем?

– Человек, которого мы ищем, получил помощь от известного на Дальнем Востоке промышленника Янковского, – пояснил коллежский советник. – Пан мог поддержать соотечественника.

– Хорошо. Я охотился на слонов в великом лесу Итури. Тамошние слоны особенные: их бивни очень высокого качества, и они мягче других, их легче обрабатывать. А потом решил посмотреть на озеро Рудольфа. Это на границе Кении с Абиссинией, в пустыне. Пан Вацлав – так называл себя европеец – предложил свои услуги. Договариваться с местными племенами довольно сложно. Места глухие, белых нет, а туземцы с удовольствием насадят любого из нас на копье. И появление Вацлава было кстати. Так мне в тот момент показалось...

– А что вышло на итог?

Люпперсольский сказал с неожиданной злостью:

– Чертов поляк! Он продал меня туземцам. Это была ловушка. Завел в глубь пустыни и сдал с рук на руки племени туркана. А сам забрал все мои вещи. Там одних бивней было на сорок тысяч франков. Два ружья, походное снаряжение, три лошади. Весь мой капитал на тот момент.

– Но зачем вы понадобились туземцам?

– Просто им нужно было напугать европейцев. Чтобы меньше шлялись по их землям.

– Но вас не убили. Почему?

Путешественник вздохнул:

– Тогда мне казалось: лучше бы убили. Я никому не рассказывал о плене и вам не стану. Но те четыре месяца были самыми тяжелыми в моей жизни.

– И как же вы сбежали?

– Да я ловкий. Огляделся, сообразил, где что, куда курс держать. Скопил запас сушеного мяса. И в один прекрасный вечер простился с

турканами. Лев меня не съел, и бешеный слон не растоптал. Повезло.

– Вы искали того негодяя?

– Искал, – Борис Андреевич скрипнул зубами. – И почти нашел. Но он узнал, что я его разыскиваю, и перебежал из английских владений в бельгийские. Суверенное Конго, если вы в курсе, никакое не суверенное. Это личная собственность бельгийского короля Леопольда Второго. Там творятся жуткие вещи...

– Да, это уже попало в газеты, – кивнул Лыков. – Король вдесятеро повысил добычу каучука, для чего ему пришлось убить чуть не половину туземцев.

– Именно так. В Конго рабство, какое и не снилось американцам. Люди мрут как мухи. А король завел себе частную армию, так называемые «Общественные силы». И солдаты этой армии творят несусветные безобразия, настоящий террор. Леопольду безобразия надо скрыть, вот туда и не пускают никого. Меня тоже не пустили. Подлость пана Вацлава осталась безнаказанной.

– Поговорим об Абиссинии, – продолжил расспросы Лыков. – Сколько раз вы там бывали?

– Дважды. Первый раз в тысяча восемьсот девяносто пятом году, с миссией поручика Леонтьева. Слышали о таком?

– Что-то читал в журналах, но деталей не помню, – честно признался сыщик. – Там вроде бы шла война в это время. И Леонтьев стал советником Менелика. Верно?

– Да. Экспедицию выдавали за научную, но на самом деле ее готовил Военно-ученый комитет Военного министерства. Если вам что-то говорит это название. Ничего более сообщить, извините, не могу – дал подписку.

– Ну, тогда я узнаю сам, – беззаботно заявил Алексей Николаевич.

– Неужто? – Учитель географии ерничал.

– В девяносто пятом году комитетом руководил Виктор Рейнгольдович. Его я и спрошу.

Хозяин оживился:

– Так вы тоже из них? А как же Департамент полиции?

– Нет, я не из военной разведки. Но доводилось участвовать с бароном Таубе в секретных делах. Мы с ним близкие друзья.

– Очень хорошо. Лучше вам действительно задать свои вопросы барону. А то мне велели помалкивать.

Тон разговора сразу изменился, стал более доверительным.

– Изложите пока то, что не является государственной тайной, – предложил сыщик. – Например, когда вы вторично попали к негусу^[41]?

– В девяносто седьмом, с миссией Власова. Он стал первым русским посланником при дворе Менелика и приобрел там большое влияние. Но я тогда быстро ушел из Аддис-Абебы на юг, в Кению. Где и попал в плен к туземцам по вине пана Вацлава.

– Бог с ней, с Кенией. Оба раза, когда вы были в Абиссинии, никаких болтающихся без дела соотечественников вам не попадалось?

– Там были какие-то темные личности, – стал припоминать Люпперсольский. – Но мы только слышали о них. Перед нашим приходом они исчезали. Неудивительно. В восемьдесят девятом году была неудачная высадка на побережье Французского Сомали некоего Ашинова. Помните о нем, наверное.

– Помню. Проходимец. Государь отозвал его обратно, едва этот дурак не поссорил нас с Францией.

– Да, верно. Вместе с Ашиновым приплыли полторы сотни таких же проходимцев. Вплоть до уголовных. Французам пришлось стрелять, чтобы прогнать их из своих владений. Погибли люди. Приказ государя убраться домой выполнили не все. Некоторые остались и пролезли как-то в Абиссинию, где живут до сих пор. Вот они-то и драпали от нас в пустыню. Не из них ли ваш Афанасий Стратонович?

– Очень может быть, – согласился с предположением путешественника сыщик. – Спасибо за идею. Архивы экспедиции Ашинова, возможно, и дадут ответ.

– Для этого вам придется ехать в Петербург.

– Придется, – снова согласился Лыков. – Последний вопрос, и я пойду. Не знакомо ли вам слово «сайтани»? Не знаю даже, чье оно: корейское, китайское или африканское.

– Сайтани? – удивился хозяин. – Где вы его слышали?

– Да так...

– Это слово из языка племени масаи, и означает оно «белый человек». Масаи живут в той же Кении, разбойники похлеще турканов.

– Благодарю. Я предполагал нечто подобное. А теперь разрешите откланяться. Очень рад знакомству с таким интересным человеком. Когда привезу из дома журналы с вашими статьями – подпишете?

– С удовольствием. Нас, графоманов, хлебом не корми, дай подписать. Если какой-нибудь сочинитель скажет вам, Алексей Николаевич, что ему надоели читатели, что он устал давать им автографы, – не верьте. Кокетничает. И еще, передайте от меня привет барону Таубе. Я читал в свое время в газетах, что ему оторвало руку в войне с японцами. Как он после такого?

– Преподает в Николаевской академии, корпит над очередным учебником по военной статистике. Старается жить как ни в чем не бывало.

Собеседники дружески расстались. Догадка Люпперсольского была хороша. Ашиновская экспедиция 1889 года! Как же это не пришло в голову сыщику раньше? С той поры минуло уже семнадцать лет. Вязальщикову сейчас около сорока. Может быть, вполне может быть...

Алексей Николаевич пошел на телеграф и отстучал депешу генерал-майору Таубе: «Ты на месте? Могу приехать через два дня?» Еще он дал телеграмму в Горный Зерентуй, начальнику Нерчинской каторги. В ней коллежский советник просил выслать в Казань все сведения о сбежавшем канцеляристе Вязальщикове. Формуляр, образцы почерка, а лучше всего фотокарточку. Вдруг такая имеется? Шансов на успех было немного. Наверняка Сайтани перед побегом стер все следы, уничтожил бумаги. Лыков беспокоил нерчинцев скорее для очистки совести.

Выйдя на улицу, сыщик задумался. Как убить время до вечера? Идти помогать казанцам? Неохота. Пусть они покажут себя. Любовницы беглых каторжников знают много такого, что будет полезно сыщику. Но извлечь эти сведения – дело техники. Васильев и его люди должны справиться и без советчика. И питерец решил дать себе отдых.

Он доехал до Среднего Кабана и сел там на пароходик. Их на озере было два, суденышки каждый час возили желающих на дальний конец, в сад «Аркадия». Лыков много слышал о саде, пришло время изучить его. Ничего себе оказалось местечко. Злачное, веселое, располагающее к флирту и пьяному разгулу. Тут и там проститутки предлагали себя одиноким мужчинам. Лыков вспомнил слова полицмейстера, что две трети из них больны венерией, и шарахался от сильфид, как черт от ладана. Зато сходил в летний театр, посмотрел бесстыжую пьеску «Проводник спальных вагонов». Откушал во вполне приличном ресторане, послушал духовой оркестр Ветлужского резервного батальона. Дал солдатикам рубль, и те сыграли по его просьбе несколько старых кавказских военных песен. Коллежский советник совсем раскис: растрогался, чуть слезу не пустил, старый дурень... Но взял себя в руки. Бабу, что ли, найти? Он теперь вдовец, греха в том нет... Ольга не узнает. А если бы и узнала? Она ведь не жена.

Ольга Дмитриевна Оконишникова была подруга Лыкова. Тридцатипятилетняя разводка проживала в скромной квартире доходного дома на Большой Ружейной. Сыщик встретил ее весной, когда хотелось женского тепла и внимания. Познакомились два свободных человека в буфете Мариинского театра. И на удивление быстро сошлись. Алексея

Николаевича эта быстрота сначала удивила и даже покорила. Но потом Ольга рассказала свою историю, и стало понятнее.

Она была дочерью ростовского купца средней руки. Ростов-на-Дону вырос в настоящий город недавно, и общество в нем еще не устоялось. И отец выдал дочку замуж за проходимца. Когда это выяснилось, было уже поздно: супруг отказался дать развод. Окопишников представлял из себя деспота провинциального разлива – наглый, властный, неумный. Но законы в России на стороне мужчин. Ольге ради свободы пришлось принять на себя вину в прелюбодеянии, которого она на самом деле не совершала. И откупиться от негодяя приданым. Теперь ей, как уличенной в грехе, запрещалось вторично выходить замуж. И детей не было. Женщина уехала в столицу, где скромно жила на проценты с небольшого капитала, доставшегося от отца. Ей очень хотелось иметь семью. Или хотя бы порядочного человека возле себя. Когда подвернулся немолодой вдовец, Ольга Дмитриевна сделала все, чтобы удержать его. Лыков открывался ей медленно, он не спешил брать на себя какие-либо обязательства. Но замечал, что ему уже хочется видеть подругу почаще. Как пойдет дальше, Алексей Николаевич старался не думать. Но нет-нет да вспоминал старую поговорку про коготок. Который ежели увяз, так всей птичке пропасть...

Вечером сыщик явился в управление полиции, но застал там лишь одну Анну Порфирьевну. Ее муж был на облаве, полицмейстер – тоже. Казанцы все надеялись поймать сбежавших обратников. Письмоводительница интересничала, строила столичному полковнику глазки, но как бы шутя, не переходя границы приличия. Выпив с милой дамочкой чаю, питерец отправился к себе в номера.

Все произошло в долю секунды. Он поднялся в комнату, закрыл за собой дверь. Начал снимать сюртук и вдруг почувствовал, что рядом кто-то есть. Лыков успел сделать только одно движение, но самое важное: он закрыл горло левой рукой, выставив вперед локоть. Что-то блеснуло в темноте, и руку обожгла резкая боль. Не мешкая, Алексей Николаевич наугад двинул правой. Соперник кувыркнулся через голову, вскочил и опрометью, мимо сыщика, скользнул в дверь. Тот и не думал преследовать: рука адски болела, из нее хлестала кровь. Зажав рану, Лыков побежал на стойку.

Через час, перевязанный и пахнущий йодом, коллежский советник опять пил чай в обществе Анны Порфирьевны. Только на этот раз рядом сидели и пристав, и полицмейстер. Они уже осмотрели рану и одинаково поцокали языками. Длинный кривой рисунок, глубоко проникающий разрез – все указывало на знакомый почерк. Те самые африканские браслеты!

Успев прикрыться, питерец спас себе жизнь. И даже огрызнулся, так что убийца счел за лучшее сбежать.

– Ну вы и хват, Алексей Николаевич, – уважительно констатировал полицмейстер. – От такого зверюги отбились. В темноте, неожиданно... Я бы уже остывал в морге. Бр-р!

– Нападение указывает, что Вязальщиков в курсе всего, – веско объявила Анна Порфирьевна. – Он нанес удар по руководителю. Хотел обезглавить дознание.

Мужчины переглянулись и кивнули: верно. Губернский секретарь предложил:

– Надо приставить к Алексею Николаевичу охрану.

– Валентин Семенович прав, – тут же согласился Васильев. – Но я предлагаю вам еще кое-что. А именно – переехать сюда и поселиться у меня. Так будет безопаснее.

– У тебя, Леша, пятеро детей, – возразил пристав. – Мы заберем Алексея Николаевича к себе. Правда, Аннушка?

Жена смотрела на сыщика застывшим взглядом и откликнулась не сразу.

– Что? Ах да, конечно. Я сижу и думаю: что за служба у вас такая, у мужчин. Некоторое время назад мы с Алексеем Николаевичем пили чай в этой же комнате, за этим же столом. А потом его чуть не убили...

– Будет вам, Анна Порфирьевна, – сказал питерец. – Меня уже столько раз чуть не убили. Со счету сбился. А вот им!

Он едва не показал неприличный жест, но удержался.

– И этот резчик по горлам... Он мне еще попадетсЯ, и я с ним поквитаяюсь. А переехать к вам я готов. Завтра и сварганим.

Утром питерец действительно переехал на Воскресенскую, 16, и поселился у Ловеико. Ему отвели комнату окнами на пожарный двор, где рослые мужики в блестящих касках раскатывали длинные шланги. Зато безопасно. Коллежский советник отослал в Петербург Иону Оберюхтина, а вскоре получил ответ от барона Таубе. Тот сообщал, что на месте, никуда не собирается и готов встретиться. Посокрушавшись, что телеграмма запоздала – он мог бы выехать в столицу вместе с конвоем и лично сдать «ивана» на Шпалерную, – сыщик поспешил на вокзал. И вечером отправился в Петербург. Перед этим Алексей Николаевич телеграфировал во Владивосток Азвестопуло. Он приказал своему помощнику срочно катить в столицу. Янковского может расспросить и тамошний полицмейстер. А ниточку, что тянется из восьмьдесят девятого года, лучше разматывать вдвоем. Глядишь, откроется такое, что сразу поставит все на

места.

Он серьезно относился к своему противнику и ночью был настороже. В уборную ходил с «маузером», а дверь не только закрыл на задвижку, но еще и подпер чемоданом. Обошлось. Алексей Николаевич благополучно прибыл в Нижний Новгород и уже посмеялся над своими страхами. Но на Московском вокзале его перехватили здешние сыскные. Оказалось, что Оберюхтин до Нижнего не доехал. На перегоне Пильна – Арзамас и он, и трое конвойных были убиты. Их расстреляли в купе в упор из револьверов. Судя по описанию, это сделали Вареха с Шиповым. Лыков лишился важнейшего свидетеля, который знал Вязальщикова в лицо...

В Петербурге коллежский советник первым делом явился к Трусевичу и доложил о своих открытиях. Новость, что чудотворная икона целая и до сих пор не нашла покупателя, поразила Максимилиана Ивановича. Однако что с того? Где она? Удастся ли выполнить приказ государыни? Директор телефонировал Столыпину. Тот был занят и назначил встречу на половину первого ночи. После страшного взрыва на Аптекарском острове премьер поселился в запасном корпусе Зимнего дворца. Впереди у сыщика был целый день, и он поехал в академию к барону.

Глава 12

Абиссинские тайны

Таубе встретил друга напускным брюзжанием:

– Что у тебя на этот раз? Конской колбасы привез?

– Нет.

– Чего же заявился?

– Ты и не заказывал никакой колбасы.

– Сам бы мог догадаться. Мы, кавалеристы, любим лошадей. Во всех смыслах.

– Шутник-недоучка... Тебе привет от господина Люпперсольского.

– От Бориса Андреевича? Где ты с ним встретился? Он вечно скитается, неугомонный.

– Твой приятель сейчас в Казани, преподает географию в институте благородных девиц.

– Не может быть! Он же там всех девиц... Как бы помягче сказать...

– Есть такое дело. Директриса по секрету призналась мне, что год ему еще дослужить дадут, а потом попросят. Больно по этому красавцу барышни сохнут. Далеко ли до греха? Да и сама директриса, кажется, к нему не равнодушна.

Друзья посмеялись, затем генерал-майор предложил:

– Приезжай к нам вечером, Лидия будет рада. Постелем тебе в гостиной.

– Не могу, в половине первого ночи встречаюсь со Столыпным.

– Это все из-за чудотворной иконы?

Перед отъездом Алексей Николаевич заходил к барону в гости и рассказал о поручении государыни.

– Да. Там сейчас все перемешалось...

И он последовательно изложил весь ход дознания. Генерал почесал переносицу и повторил слова зауряд-прапорщика:

– В огороде бузина, в Киеве дядька. Где тут связь?

– Сам характер ранений указывает на то, что это дело рук одного человека. Просто он из Африки перебрался в Уссурийский край, потом в Забайкалье, а теперь сидит в Казани. И чудотворная икона при нем.

– Заковыристо как-то.

– В жизни всякое бывает. Оружие-то Вязальщиков продает не куда-

нибудь, а в Абиссинию. Он, точно он. Расскажи мне про миссию поручика Леонтьева. Что там случилось?

– Ты прав, – ответил Виктор Рейнгольдович, – случилось. Очень неприятная история вышла. Я имел из-за нее объяснение с молодым государем. Только учти, что это служебная тайна.

– Давай свою тайну. Мало ли я их уже знаю? Тайной больше...

– Надо начинать издалека, от Адама и Евы. Точнее, от несчастной экспедиции Ашинова. Потому что первым в петербургских гостиных об этой африканской стране заговорил он.

Таубе откинулся на спинку стула и даже прикрыл веки, как былинный сказитель. Его друг прищурился, надеясь, что возможно, сейчас он углядит конец ниточки. Ведь ашиновские дела сыщик уже вспоминал. Не тогда ли все началось?

– Ты знаешь, что он был за человек?

– Нет. Газеты писали разное. Сначала, что распространитель христианства и первопроходец. Потом – что авантюрист и мошенник. Скажи ты, кем он был.

Генерал вздохнул и начал:

– Николай Иванович Ашинов – сын царицынского мещанина. А сам себя называл вольным казаком. Лжец, балабол и нечистоплотная личность, вот кто он был. Но добрался до самых верхов. Ему помогали в разное время и вождь славянофилов Аксаков, и всеильный журналист Катков, и еще более могущественный Победоносцев. Я встречался с Ашиновым дважды и сразу понял его гнилую натуру. Но поделать ничего не мог. Такие союзники! Мещанин ходил в черкеске с кинжалом и нес всякую чушь. Однако его фантазии совпали с желаниями многих близких к государю лиц. И меня не послушали.

– Так это ты готовил экспедицию Ашинова? – поразился сыщик.

– Нет, слава богу, – ответил Таубе. – Военно-ученый комитет стоял в стороне от нее. Я лишь пытался открыть всем глаза на мошенника, но тщетно. Сначала он обаял Победоносцева. Дело в том, что Константин Петрович мечтал о миссионерских подвигах своего ведомства. Неофитов все меньше, но хочется войти в историю. А тут такой масштаб! Наши безграмотные попы решили отчего-то, что абиссинская церковь сродни православной. А это вовсе не так.

– Газеты талдычили, что у нас одна вера, – припомнил Алексей Николаевич.

– Повторяю: это от глупости и безграмотности. Эфиопская церковь является монофизитской.

– Я сыщик, а не протодьякон. Поясни.

– Монофизитство, оно же евтихианство – течение в христианстве, известное с пятого века. Его сторонники отрицают человеческую природу Христа и оставляют только божественную. Не будем лезть в детали, они тебе не нужны. Коротко говоря, учение архимандрита Евтихия было осуждено всеми ветвями христианства как ересь. Но кое-где его приверженцы остались, в том числе и в Эфиопии, или Абиссинии.

– А в чем, кстати, разница? – не унимался сыщик. – Почему у одной страны два названия?

Виктор Рейнгольдович отмахнулся:

– Тебе какое дело? В арабской традиции принято говорить Эфиопия, а в европейской – Абиссиния. Так вот, наш ловкач Ашинов задурил голову Победоносцеву. И тот решил отличиться как человек, увеличивший число православных сразу на целую страну. Казак поймал власть на религиозный крючок. Но этого ему было мало. Ну, послали бы в Африку духовную миссию – какой тут интерес Ашинову? И он изловил правительство на второй крючок, на военный. Для этого мошенник привлек в союзники адмирала Шестакова.

– Морского министра? Ему-то зачем понадобилась грязная Абиссиния?

– Не забывай, Алексей, что это было семнадцать лет назад. Великие державы тогда только собирались делить Африку. Это сейчас она вся разверстана на уделы, а в конце восьмидесятых континент мало кого интересовал. А Шестаков готовился воевать с англичанами...

– Как с англичанами? Зачем?

– Затем, лапотъ нижегородский, что тут большая политика. У адмирала была идея, и государь ее поддерживал. Это ведь тогда создали Добровольный флот! Начали строить большие суда, которые ходили по всему свету. На таком мы плыли с тобой на Сахалин, помнишь?

Таубе перевел дух и продолжил:

– Флот добровольный, а экипажи на нем военные. Никогда не думал почему? Это и была идея Шестакова. В случае войны гражданские корабли вооружаются и выходят на охоту. Они становятся крейсерами и оперируют на морских линиях англичан. Так вот, для снабжения таких крейсеров нужна станция с угольной базой. И лучше места для нее, чем на Африканском Роге, не сыскать. Миклухо-Маклай предлагал Полинезию, но Морскому министерству приглянулось Красное море. Сразу можно запереть Суэцкий канал и коммуникацию в Индию! А для поддержки станции на суше иметь в союзниках дружественное, почти что православное государство. Понял теперь?

– Не лишено смысла, – согласился коллежский советник.

– По логике да, – подтвердил Виктор Рейнгольдович. – Но сделали как всегда у нас... Связались в таком важном вопросе с проходимцем, дали ему деньги, оружие. И помогли добраться до места. К тому времени Шестаков уже умер, а новый морской министр Чихачев относился к мечтам об угольной станции иначе. Кроме того, Ашинова уличили во вранье. Он утверждал, что успел основать в тех краях казачью станицу и назвал ее Новая Москва. На самом деле атаман свалил у местных племен кучу барахла, оставил при нем несколько караульных, а сам вернулся в Россию. За деньгами и за народом. Брошенные им люди пропили все средства и пешком, терпя страшные лишения, пошли спасаться от голода. Часть добралась до Обока, административного центра вновь создаваемой колонии Французское Сомали. А другие – аж до Константинополя, где и поведали консулу правду насчет Новой Москвы.

Когда новость дошла до государя, он прозрел. И быстро открестился от авантюриста. Духовную миссию во главе с архимандритом Паисием, что подготовил Победоносцев, оставили. И вручили людям немного оружия. Но другой поддержки государства лишили и никаких полномочий на переговоры с негусом не дали. В результате Ашинов и полторы сотни проходимцев поплыли в Красное море на свой страх и риск. Дальше помнишь, что было...

– Деталей не помню, – возразил Лыков. – Правительство засекретило всю экспедицию, газетам велели молчать.

– Конечно! – взвился генерал. – Ведь Ашинов чуть не столкнул нас лоб в лоб с Францией! Только начали складываться союзнические отношения. И вдруг какой-то идиот поселился во французских владениях и не хочет оттуда уходить. Ведь «вольный казак» раздумал торить пути в Абиссинию. Жарко, опасно, разбойные племена кругом... Он захватил старую крепость Сагалло и обосновался в ней. Поднял русский флаг, разбил сады и огороды... Но Париж еще в тысяча восемьсот восемьдесят втором году купил крепость у туземных вождей. Как так? Что за явление Христа народу? Их дипломаты задали этот вопрос нашим. Те испугались: назревал международный скандал. Спросили государя, что делать. Тот из-за дурня ссориться с Францией не собирался. И велел ответить, что русское правительство никакого отношения к частной миссии авантюриста не имеет. И если Сагалло находится на территории французского протектората, то Ашинов обязан подчиниться властям.

– Сдал казаков с потрохами? – вставил сыщик.

– Сдал и правильно сделал. Казаки там были те еще, жулик на жулике.

Французы ничего не имели против экспедиции русских в Абиссинию. Но порт на Красном море – это уже другая история. Такие вещи принято согласовывать заранее. В результате приплыли военные корабли и разнесли лагерь к чертям. Отдадим должное галлам: они трижды по-хорошему просили атамана убраться. Но у Николая Ивановича мозги всегда были набекрень. А тут он возомнил себя крупным политиком, расширил-де границы империи... В итоге шесть человек были убиты: три женщины, двое детей и казак. Больше двадцати человек получили ранения.

– Там были женщины и дети?

– Были. Многие поехали целыми семьями, поверив в басни Ашинова про лучшую жизнь.

– И что дальше? Их возвратили в Россию, помнится. Что сделали с атаманом?

– Да, государь повелел всем вернуться. Случившееся не красило Париж, ведь отряд Ашинова вел себя мирно и не сопротивлялся. А по ним из пушек... Дело замяли с обеих сторон. Нашим газетам приказали заткнуться, а французские сами помалкивали, так как хвалиться было нечем. Власти провели следствие. Паисия сослали в Грузию, рядовых «казаков» вернули к месту жительства. Атаману приказали три года сидеть в Царицыне под гласным надзором полиции. Но в целом он отделался легко. Надзор сняли раньше времени: кто-то наверху помогал мошеннику.

– Где он сейчас? Жив ли?

– Я не следил за ним, – ответил генерал-майор. – Знаю лишь, что Ашинов пару лет назад занимался имением жены, стал помещиком.

– Понятно, – вздохнул Алексей Николаевич. – Черт бы с ним. Но его люди... Могли некоторые из них остаться в Африке? Не из их ли числа мой Вязальщиков?

– Надо смотреть следственное дело.

– Посмотрю, для этого и приехал. А ты валяй про Абиссинию. Насчет военной тайны можешь не повторяться, выложи только факты.

– Факты... Давно это было, я уж половину забыл.

– Виктор, ты не ломайся, а дело говори, – строго приказал коллежский советник. – В Казани людей убивают. Ты упомянул экспедицию какого-то Леонтьева, что имел из-за нее объяснение с нынешним государем.

Виктор Рейнгольдович скривился:

– Эх, забыть бы это все, а, Леша?

– Я жду.

– Тогда отложим поручика Леонтьева, а поговорим сначала о другом поручике, Машкове.

Лыков молча слушал. Таубе продолжил:

– Неприятная история с Ашиновым не могла отвлечь нас от самой Абиссинии. Интересы государства требовали нашего присутствия в этой стране. Россия хотела иметь в Африке конфидента, понимаешь? И Абиссиния подходила для этой роли. Она постоянно воевала с соседями – Египтом и Суданом. Это выглядело в глазах нашего общества как война православия с исламом. Затем они сцепились с Италией – это уже схватка с католическим миром. Обывателя все это занимало. И вот нашелся в нашей армии такой человек, как Виктор Федорович Машков. Поручик впервые пробрался в Аддис-Абебу в том же году, когда французы воевали с Ашиновым. Действовал на свой страх и риск, а поди ж ты...

– Как так? – удивился Лыков. – Если он офицер, для этого ему пришлось бы уволиться из армии.

– Машков взял отпуск и поехал как внештатный корреспондент газеты «Новое время», – пояснил Таубе. – Но вел себя не в пример «вольному казаку», умно и тактично. Его принял новый негус Менелик и вручил письмо и подарки для императора. То есть поручик частным образом наладил отношения двух государств! Александр Третий выслушал Машкова по его возвращении и велел вернуться в Абиссинию. Уже с официальными поручениями. Тут к делу подключились мы, военная разведка. Машкова формально уволили в запас, но с сохранением жалованья. Виктор Федорович опять проник в пустыню. На этот раз он вез триста пятьдесят винтовок – личный подарок негусу от государя. Позиции монархов еще более сблизились, Менелик стал нашим союзником. Машков был награжден за это Владимирским крестом четвертой степени и перешел на службу в МИД. Жалко мне было терять такого способного офицера, но, на мое счастье, появился другой, еще более талантливый. Это и был Леонтьев.

– Он тоже все письма передавал? – ехидно спросил сыщик. – Почтальон для Высочайших особ с сохранением жалованья?

– Николай Степанович отправился к Менелику, чтобы провести негласные переговоры. Шел девяносто пятый год. Негус воевал с Италией и нуждался в военной помощи. Он попросил у нас военных инструкторов, а еще артиллерийский ремонтный набор для починки пушек.

– Ого! – удивился Лыков. – А как к этому отнеслись итальянцы?

– Они были бы очень недовольны. Очень-очень. Поэтому все и делалось в большой тайне. Леонтьеву тоже пришлось выйти в отставку. Для маскировки в компанию ему дали трех настоящих ученых: Звягина, Елисеева и Люпперсольского. А Министерство иностранных дел

присоединило своего чиновника, коллежского асессора Львова-Левшина. Тот вез в подарок Менелику сто тысяч франков золотом. И вот это золото пропало.

– Пропало? Как?

– На пути между Обоком и Энтото караван накрыла песчаная буря. И Львов-Левшин отбился от своих. Асессора так и не нашли, как и франки.

– Но если он погиб, то в чем его вина? Пустыня и не такое выделяет.

– Если бы погиб, это еще полбеда, – угрюмо ответил барон. – Не пришлось бы мне краснеть перед государем. Но наш человек из окружения Баратьери сообщил, что к тому в штаб пришел русский. И рассказал о секретной доставке абиссинской армии ремонтного набора. Кто это мог быть, если не пропавший дипломат?

– Подожди. А Баратьери что за птица?

– Командующий итальянским экспедиционным корпусом в Абиссинии.

– Ты отсюда, из Петербурга, знал, кто ходит к нему на прием? – не поверил Лыков.

– Конечно, знал. Не все, но важное мы отслеживали.

– Так. Значит, Львов-Левшин – предатель и вор? Присвоивший сто тысяч франков казенных денег?

– Да. Мы едва избежали скандала, срочно отзывали всех, кроме Леонтьева. Поручик остался, чтобы подготовить для негуса регулярную армию. Выказал при этом такие способности, какие не всякий генерал имеет! Николай Степанович занял при Менелике совершенно исключительное положение. Первый советник, редактор его дипломатической переписки, военный реформатор. При участии Леонтьева через год Россия прислала абиссинцам уже тридцать тысяч винтовок, пять миллионов патронов и пять тысяч сабель. Это оружие очень помогло в битве при Адуа, когда туземцы наголову разбили армию Баратьери. Леонтьев с группой наших офицеров участвовал в сражении. Потом он ездил в Рим и Константинополь, выполняя личные поручения негуса. Вел вместе с ним переговоры с Англией, и мы знали все детали тех переговоров. В девяносто девятом году Леонтьев сформировал первый батальон регулярной армии, почти целиком состоявший из сенегальцев, но с нашими офицерами. Затем руководил походом на озеро Рудольфа, где после тяжелых боев с местными племенами поднял абиссинский флаг. Но на этом подвиги его закончились. Кому-то Леонтьев перешел дорогу, видимо, англичанам. В результате на него покушались, тяжело ранили, и поручик вынужден был уехать лечиться в Париж, надолго. А когда опять

вернулся в пустыню, началась наша война с Японией. Николай Степанович попросился на фронт, храбро воевал, снова был ранен. Сейчас он ходит на костылях по Парижу...

– Ты лучше вернись к истории с пропавшим золотом.

– А чего тут добавить? Сто тысяч как в воду канули.

– Вы искали предателя? – поинтересовался сыщик.

– Искали по мере сил. Люпперсольский рассказал тебе, что вновь отправился в Абиссинию спустя два года?

– В самых общих чертах.

– Это была уже официальная русская миссия, посланника Власова сопровождал казачий конвой под командой поручика Краснова. Это то, что попало в газеты. Среди свиты посланника мы спрятали Генерального штаба полковника Артамонова. Разведчика, который здорово шуганул потом англичан в районе Белого Нила. А Борис Андреевич ему помогал. Он человек смелый, инициативный, хорошо знает Африку. Именно Люпперсольский отыскал следы пропавшего коллежского асессора. И угадай где? В Алжирии.

– На побережье Средиземного моря?

– Да. Главный порт колонии – Оран. Львов-Левшин завел там на ворованные деньги лечебницу для чахоточных больных. И еще прикупил гостиницу на лучшей улице. А когда узнал о миссии Власова, бросил все и скрылся. Борис Андреевич выкупил у мэрии Орана дипломатический паспорт предателя – он по нему получал патент на лечебницу. А еще через год к Менелику прибыл наш новый разведчик поручик Булатович. И чуть не застал там какого-то русского, неизвестного звания человека. Этот делец втерся в доверие к близкому окружению негуса и поставлял ему винтовки. Леонтьев отлучился в Константинополь, и в его отсутствие неизвестный развил торговлю...

– Винтовки? Негусу? – восторгнулся Алексей Николаевич. – А это не Вязальщиков был?

– Кто знает... Булатович его не видел. Тот, узнав, что едет русский офицер, быстро скрылся.

– А почему, кстати спросить, ты тогда краснел перед Его Величеством за дипломата? – возмутился Алексей Николаевич. – Пусть бы это делал Гирс^[42]. Его человек предал, а не твой.

– Операцию готовил я. Мне и краснеть.

– Ты встречался с Львовым-Левшиным перед отъездом?

– Несколько раз.

– Опиши его внешность.

Генерал наморщил лоб:

– Роста твоего, ранняя залысина, глаза голубые. Картавит.

– Это не Вязальщиков, – расстроился коллежский советник. – Черт возьми! Вся твоя история не имеет к моей никакого отношения.

– Ну, что поделать... – виновато развел руками Таубе.

– Разве только ноги растут из авантюры Ашинова. И резчик по горлу застрял в Африке с той поры. Ты занимался «вольными казаками» по своей линии?

– Нет. Покойный государь послал меня в... Короче говоря, в другое место. Я пропал тогда на десять месяцев, помнишь?

– Точно, – вспомнил сыщик. – Может, теперь признаешься, где ты был?

– Торговал изумрудами в Сиаме. А также создал там агентурную сеть.

– Вот почему у Лидии Павловны перстень с таким камнем! – вскричал Лыков. – А я все думал: откуда у тебя, голодранца, подобная ценность?

Виктор Рейнгольдович улыбнулся:

– Да, в целях конспирации приходилось заниматься камнями. Опять же, бюджета мне, как водится в русской разведке, не дали. Только три тысячи фунтов оборотного капитала. Остальное я должен был заработать сам. Крутился, как мог. Знаешь, купец из меня оказался никудышный...

– Вот-вот. Дай тебе лесное имение, ты бы его живо разбазарил. То ли дело я!

Дальше разговор перешел на детей. Ольга, единственный ребенок четы Таубе, готовилась выйти замуж. Родители нервничали: жених им не нравился, но куда деваться? Виктор Рейнгольдович спрашивал у более опытного в таких делах друга совета. Тот, как мог, успокоил. Принцесса Шурочка, когда в первый раз привела в дом своего француза, потом даже расплакалась. Папа с мамой не одобрили! Но постепенно жених все более открывался, притом с хорошей стороны. Выяснилось, что он и образованный, и чуткий, и от Шурочки без ума. Только застенчивый, поэтому сразу всего не разглядеть. Алексей Николаевич советовал обоим родителям проявить терпение. Если они верят любимому чаду, так надо верить до конца. И признать, что если она умна и хорошо воспитана, то кого попало не изберет...

– Позовите жениха к себе в гости. Найдите повод познакомиться с его родителями. Кто они, кстати?

– Отец – сенатор Первого департамента. А мать – урожденная Соймонова.

– Для тебя честь, немец-перец, породниться с хорошей русской

фамилией. Сват научит наконец водку пить.

– Водку пить я и без него умею, – не унимался Таубе. – Вот Олюшку жалко. Они ее увезут, понимаешь? Встану я поутру, а Олюшки нет...

– Тогда тебе надо в первую очередь себя переделать, старый пень. Ты что, дочери добра не желаешь? Хочешь, чтобы она век здесь просидела? Чтобы тебе спокойнее было. Эгоисты! Жених им не нравится. Вот в чем дело, оказывается. А ее собственная жизнь? Собственные беды и радости? Семья, супруг, детки? Откуда им взяться, если Ольга должна тебе поутру кофей подавать?

– Это все я понимаю. Но мы же одни останемся. Будто свет в окошке погас...

– А как я сейчас один живу, ты думал? – грустно ответил другу Лыков. – Сыновья в Туркестане, дочь в Париже. У тебя хоть Лидия есть. А детей надо отпускать. Как корабль на воду – пусть сам плывет. Все рифы и мели его. Жалко, понимаю. И страшно за них. Но ты можешь лишь одно: любить и ждать, когда чадо найдет на тебя время. А сам не навязывайся.

После разговора с Таубе Алексей Николаевич поехал к Певческому мосту, в Министерство иностранных дел. Переписку по давнему делу Ашинова ему кое-как, но дали. Помог открытый лист за подписью премьера. Но, изучив бумаги, сыщик понял, что пришел не по адресу. После возвращения «казаков» в Одессу правительство назначило следствие. Вел его полковник Отдельного корпуса жандармов Цукаловский. Вот что надо смотреть! И Лыков отправился на Фонтанку, в родное министерство.

Уже ночью Лыков вместе с Трусевичем явились в Зимний дворец. Столыпин, хмурый и раздраженный, выслушал доклад коллежского советника. Задал несколько вопросов и отпустил. Было видно, что ему сейчас не до святых образов. На жалобу сыщика, что императрица послала в Казань еще одного дознавателя, сказал: ну и что? Лучше будете искать...

Лыков взял в архиве МВД следственное дело и изучал его с перерывами две недели. За это время вернулся из Сибири Сергей Азвестопуло. А перерывы случились из-за появления в Петербурге Николая Куницына по кличке Колька-кун. Этот крестьянин-утопист и бывший приятель сыщика стал атаманом шайки террористов. Лыкову нужно было его убить, чтобы сохранить в тайне некоторые свои поступки. Если власти узнали бы о них, коллежского советника ждала бы отставка, а то и что похуже. С трудом два сыщика отыскали и ликвидировали бандита^[43]. Почти все дни пребывания в столице Алексей Николаевич прожил на Большой Ружейной. И настолько сблизился с госпожой Оконишниковой,

что даже не хотелось уезжать...

Следственное дело открыло Лыкову неприглядные подробности авантюры Ашинова. С атамана и его ближайшего окружения сняли допросы. Алексей Николаевич изучил показания сподвижников царицынского мещанина, скакнувшего в казаки. Доктор Добровольский, ординарец атамана отставной юнкер Цейль, унтер-офицер Алексеев и капитан Нестеров сообщили о составе экспедиции. Туда записался всякий сброд. Было семь осетин, три петербуржца, два харьковчанина, парочка настоящих терских казаков. Несколько человек имели образование: ветеринар, народные учителя. Многие владели ремеслом: плотники, столяры, кузнецы. Но большая часть отряда набиралась в Одессе. Поэтому среди добровольцев оказалось полтора десятка босяков. И даже настоящие уголовники, бежавшие в Африку от преследования полиции. К черту на кулички поехали также девять жен и восемь детей.

В крепости Сагалло Ашинов наладил некое подобие порядка. Завел хозяйство, даже высадил пятнадцать тысяч лоз винограда – собирался развить в Африке виноделие. Еще он разбил мужчин на взводы. Всего получилось шесть взводов: первый – казачий, со второго по пятый – пехотные, и шестой – артиллерийский. В пехотных было по двадцати одному человеку, командовали ими отставные военные. Их сыщик изучать не стал, а сосредоточился на «элите». Сначала он просмотрел списки артиллеристов. Тех оказалось восемнадцать, под началом отставного подпоручика Михалапова. Вооружение состояло из картечниц Гатлинга. Мог Вязальщиков быть в их числе? Вдруг он и есть Михалапов? Но архивы доказали, что нет. Все артиллеристы вернулись в Россию и были этапированы к местам проживания.

Тогда сыщик занялся казачьим взводом. Это была своего рода гвардия, личная охрана Ашинова. Взвод состоял всего из одиннадцати человек. Командир – подхорунжий Никифоров, плюс семь осетин, плюс оба терца. Десять. А кто одиннадцатый? О нем упоминали очень неохотно, и никто не смог назвать настоящую фамилию. По бумагам Иванов, а по виду барин. Никифоров подтвердил, что неизвестный был из аристократов. Не то польских, не то литовских, бог их разберет. Образованный, владел несколькими языками. Все отметили, что по-русски он говорил без акцента. А полякам это несвойственно... Приметы самые общие: высокий рост, серые глаза. Решительный. Конечно, решительный! Когда французы начали обстреливать крепость, люди попрятались в ров, и Ашинов раньше всех. Он отдал приказ казачьему взводу рассыпаться по берегу и встретить десант огнем. Сам же забился в яму, как крыса, и сидел в ней до конца боя.

Увидев это, казаки тоже остались в укрытии. Лишь Иванов вышел на позицию с оружием в руках. Но понял, что помогать ему никто не собирается, и исчез. Когда французы высадились и стали сгонять пленных в шлюпки, польско-литовского барина среди тех не оказалось. Судя по характеру, этот человек вполне мог рискнуть и отправиться в Абиссинию в одиночку. А рост и цвет глаз были те же, что и у Вязальщикова. Похоже, сыщик нашел Сайтани. Но что толку?

Глава 13

По возвращении в Казань...

Лыков вернулся в город ранним утром. Прошли затяжные дожди, и Казань превратилась в остров... Как же она выглядит весной, в половодье? Железнодорожный вокзал построили в месте, называемом Мокрая слобода. Подсыпали землю, возвели новые дамбы, и все равно под ногами хлюпало.

Лыков был налегке и потому доехал до Воскресенской трамваем. Народ добирался на службу, все толкались и лезли без очереди. Сыщик опытным взглядом различил в толпе карманника. Тот уже пристроился позади дородной тетки с ридикюлем. Но Алексей Николаевич взял его за ухо и процедил:

– Иди прочь, пока я не рассердился.

– Что? По какому...

Питерец протолкнул его к двери и пинком выкинул из трамвая. Публика возмущенно загомонила.

– Я из полиции, – объявил Лыков. – А вы бы лучше проверили свои карманы!

– Заешь его холудора! – гаркнул рыжий парень. – Кошелек пропал!

И, соскочив на ходу, побежал за мазуриком.

На квартире пристава его приняли с радостью. Молодые, бездетные и веселые супруги Ловейко жили в свое удовольствие. Даже тяжелая полицейская служба не могла им в этом помешать.

Лыков привез своим симпатичным квартиросдатчикам подарки из столицы. Анна Порфирьевна получила парижские дамские журналы, самые свежие. А Валентин Семенович – шесть изящной работы азарпеш из турьего рога, оправленных в серебро. Довольные хозяева не знали, чем угодить гостю. Вдруг письмоводительница сказала:

– Никита Никитич Делекторский по вам скучает. Обаяли вы его, как барышню, и уехали. С тоской считал часы до вашего возвращения. Идите и срочно его обрадуйте.

– Он только скучал или еще и делом занимался? Я поручил ему допросить женщин из банды Варехи.

– И делом занимался, – защитила околоточного Ловейко. – А я ему помогала, записывала. И знаете, что я вам скажу? Интереснее всех Варвара Просфирина, сожительница Героева. Остальные просто бабы. А она живая

и любопытная. Такая, знаете, веселушка. Когда околоточный начал снимать с нее допрос, она ему сказала: а ты меня удиви сперва! Тогда, может, и поговорим. Но наш храбрый Никита Никитич не сумел ее ничем удивить. Попробуйте вы. Из всех наиболее сметливая именно Просфирина.

– У меня есть чем ее удивить, – сообщил коллежский советник. И вынул из кармана фотокарточки, сделанные нижегородской сыскной полицией по его просьбе. На карточках был снят убитый «иван».

– Вот. Вдруг там были чувства или хотя бы симпатия? Тогда это может ее пронять.

Ловейко посмотрели карточки и одобрили замысел питерца. Тот позавтракал стряпней Анны Порфирьевны и пошел разыскивать помощника.

Никита Никитич обнаружился в приемной – сидел и ждал, пока начальство насытится.

– С приездом, Алексей Николаевич. Ну, что архивы, дали подсказку?

– Явной подсказки нет, только намеки. Загадочный человек из польской или литовской знати, пропал в Африке семнадцать лет назад, настоящее имя неизвестно. Вероятно, это он, наш Вязальщиков. Для дознания ничего не дает. А как ваши успехи?

Делекторский сказал то же, что и госпожа Ловейко:

– Бабы как бабы, ничего не знают, ничего объяснить не могут. Кроме одной.

– Варвара Филипповна?

– Да. Она умнее других. Только не хочет говорить.

– Ну, так всегда бывает вначале. Будем работать.

Зауряд-прапорщик промолчал, выказав тем самым сомнения в способностях начальства.

Через час они сидели в допросной комнате женского этажа губернской тюрьмы. Вошла Просфирина – молодая, стройная, с лукавыми нахальными глазами.

– Ой, мамочки! Нынче вас двое мужчин на меня одну, слабую женщину. Как же мне устоять-то? Прямо не знаю.

– Да и не надо тебе противиться, Варвара, – в тон ей ответил коллежский советник. – Говори правду, как есть. Мы тебе за это послабление сделаем. Не надоело в тюрьме сидеть?

– Скушно начинаешь, барин. Как и все. А вот ты меня удивил али повесели, тогда, может, и расскажу чего.

– Просфирина! – гаркнул зауряд-прапорщик. – Ты должна обращаться к господину Лыкову «ваше высокоблагородие»!

– Будет вам, Никита Никитич, – одернул его сыщик. – Варвара – человек веселый, к чему формализм. Значит, я должен тебя удивить или развеселить. Так?

– Так, твое высокое благородие, – продолжила издеваться над ним разбитная баба.

– Удивить я тебя, пожалуй, смогу. А развеселить вряд ли.

– Пугать надумали? Ну-ну.

– Не пугать, хуже. Вот, посмотри.

И Лыков протянул ей фотокарточки. Она взяла их в руки, а когда разглядела – вскрикнула:

– Ой, боже-боже!!!

Подошел Делекторский и тоже стал их рассматривать:

– Да... Три пули в грудь. Не пожадничали, сволочи.

Сожительница Оберюхтина зарыдала навзрыд, так что стало ясно – чувства между ними были... Полицейские долго отпаивали ее водой. Наконец баба кое-как пришла в себя. Еще раз внимательно посмотрела фото, потом подняла на сыщика строгие и скорбные глаза:

– Кто его?

– А сама не догадываешься?

– Вязальщиков... Боялся, что Иона его выдаст?

– Да. А Иона, в свою очередь, боялся, что тот его убьет. И просил меня спасти ему жизнь, увезти из Казани. Я отослал его в Петербург, подальше отсюда. Думал, спасу. А Вареха с Шиповым расстреляли его в поезде, трех конвойных при этом еще убили.

Варвара закусил губу. Зауряд-прапорщик протянул ей стакан с водой.

– Не надо, больше не заплачу, – отстранила она руку полицейского. – Я... я отомстить хочу.

– Тоже хочу, – признался Лыков. – Иона, конечно, бандит и убийца. Но он попросил о помощи. Сказал: только вы можете спасти. Я самонадеянно обещал – и не сделал. Теперь за мной должок. Сыпь на стол, что знаешь. А я Вязальщикова все припомню, и твои слезы тоже.

Баба начала вспоминать, но увы: оказалось, что знала она немного. Хитрый атаман прятался от второстепенных членов банды, лично общался только с обратниками. И даже им, как в случае с Оберюхтиным, сам назначал встречи. Просфирина видела его лишь однажды.

– Иона описал мне его наружность, – начал сыщик. – Бесприметный мужчина лет сорока, русский, усы и борода с сединой. Таких пол-Казани.

Тут баба его удивила:

– Борода у Вязальщикова приклеенная.

– Как так? Иона его знал с каторги. И про бороду сообщил уверенно.

– Может, на каторге борода у этого аспида и была, – возразила Варвара. – Вот мой кредитный и не удивился, думал, та самая. Но я зашла когда сзади, точно увидела: приклеена. В цвет волос и аккуратно так, но не своя.

– А какие-нибудь обмолвки, имена-адреса слышала?

– Князя какого-то поминали, – вспомнила баба.

Лыков обратился к Делекторскому:

– И в той записке было про князя. Много ли их в вашей дыре?

– Найдем! – повеселел околоточный.

– У меня есть одна идея... Но давай сначала закончим с Варварой Филипповной.

Сожительница убитого «ивана» честно рассказала, что знала. Помимо бороды и князя, она вспомнила один адрес. Иона водил ее в какой-то дом на Поперечной улице Третьей Горы. Крытый железом, два окна по лицу, калитка выкрашена в синий цвет, на калитке – рыжий кот. Баба ждала на лавке, в сам дом не заходила. Оберюхтин пробыл там недолго, а вышел с ящиком, обшитым холстом. После этого они пошли на почту, и кредитный отослал ящик куда-то на Кавказ. Причем назвался чужим именем: Сысой Строчков.

Это уже было кое-что. Банда Варехи отсылала на Кавказ оружие и патроны. Неужели они действовали так нагло – использовали государственную почту? Впрочем, с них станется.

Полицейские вернулись в управление, и питерец приказал Никите Никитичу срочно позвать к нему Уразгильдеева. Тот пришел через полчаса, вытянулся у дверей.

– Садитесь, Шакир Габдулкаримович, – кивнул на стул коллежский советник. Татарин присел, сохраняя почтительный вид.

– На Поперечной улице Третьей Горы есть дом. Железная крыша, по лицу два окна, синяя калитка, на ней сидит рыжий кот. Знаете его?

– Кота или дом? – не без иронии уточнил околоточный.

– Дом.

– А как же. Там живет Сашка Бармусов.

– Кто он?

– Да никто. Обойщик ящиков на стеариновом заводе.

– По нашей линии в чем-то замечен?

– Было дело.

– Ну-ка? – оживился командированный. – С оружием не попадался?

– С оружием, ваше высокоблагородие, сейчас даже дети попадают, –

хмыкнул Уразгильдеев. – Вон их опять полна комната.

Действительно, в управление полиции каждый день приводили обывателей, задержанных с револьверами. Согласно Высочайше утвержденному 24 ноября 1905 года меморандуму Совета Министров, ужесточились правила пользования оружием. Теперь для владения и ношения требовалось разрешение полиции. Публика, разумеется, игнорировала эти новации. Каждый норовил раздобыть себе пугач и таскаться с ним. Кобеко на правах врид губернатора пачками подписывал карательные приказы. Он пытался взыскать с виноватых штрафы, справедливо полагая, что наказание рублем наиболее чувствительно для русского человека. Но задержанные сплошь и рядом оказывались несостоятельными к уплате пятирублевого штрафа. И тогда их отправляли в арестный дом на срок от двух недель до месяца.

– Так на чем попадался обойщик ящиков?

– Он человек на побегушках у Давлетшина.

– Кто такой Давлетшин? – продолжил расспросы Алексей Николаевич.

– Купец, – ответил Уразгильдеев. – Племянник того Давлетшина-Малюкова, который помогал Варехе продавать краденое. И сам тоже барыга. У него магазины по скупке бывших в употреблении ценных вещей. И старьевщики почти все работают на него. Только что Давлетшин отсидел три месяца в предварилке, вчера лишь вернулся.

– В чем подозревали?

– Да как обычно, в скупке заведомо краденого. Но не доказали и отпустили.

– А Бармусов, значит, у него на посылках?

– Да, ваше вы...

– Называйте меня Алексей Николаевич.

– Да, Алексей Николаевич. Мы его не раз ловили с подозрительными вещами. Знаете, как это делается. Вор сам в скупку не идет, а посылает другого человека, чистого. Ну или почти чистого. Тот дает заклад от своего имени, за мзду. В случае, ежели полиция при обыске опознает вещь как краденую, вор в безопасности. Посредник говорит, что купил, к примеру, часы у незнакомца на улице. Прельстился дешевизной. И назовет вымышленные приметы. А владелец ломбарда тоже в стороне: принесли вещь, просили недорого, и человек не из уголовных...

– Понятно. Шакир Габдулкаримович, идемте сейчас к полицмейстеру, он даст вам поручение. Бармусов замешан в нехороших вещах. Тут не крадеными часами пахнет, а кое-чем похуже. И еще просьба. Поразведайте в татарских кругах насчет человека по фамилии Вязальщиков. Никита

Никитич посвятит вас в подробности. Обещайте осведомителям вознаграждение – у меня есть для этого особый фонд в пять тысяч рублей...

– Ого! – На лице околоточного впервые появился интерес. – Только ведь не скажут...

– Мне татары действительно не скажут, такой народ. А вам могут. Награда ждет и вас в случае успеха.

После этого все трое отправились к Васильеву. Там сыщик сообщил о показаниях Варвары Просфириной и попросил взять Бармусова под наблюдение. Хорошо бы и осведа к нему подвести... Надворный советник тут же распорядился. Уразгильдеев, спокойный, толковый и опытный, не стал суетиться. Он попросил время до вечера: подумает и составит план действий. Во всяком случае, это была ниточка, хоть и тонкая. Васильев, со своей стороны, предложил отследить все посылки на Кавказ за последнее время. Особое внимание обратить на корреспонденцию Сыся Строчкова, но и другие фамилии тоже проверить. Тех, кто отсылает регулярно. Мысль была правильная. Алексей Иванович сразу позвонил начальнику почтово-телеграфной конторы и попросил сделать выборку.

Повеселевший сыщик подмигнул Никите Никитичу и повел его в справочный стол. Взял там адрес-календарь за текущий год и велел найти нужные имена. Делекторский удивился:

– Какие нужные?

– А те, о которых говорилось в перехваченном нами письме. Помните? «Ни к первому, ни к второму не ходи, ляг на дно. Скажи только князю, что

желудей мало».

– Как же я вам их найду?

Лыков помолчал, потом взял календарь и стал его листать.

– Вот, смотрите. Делаю вам, кстати, замечание за нежелание думать.

– А что я, Алексей Николаич? Вы бы хоть подсказку дали! А то сразу замечание...

– Никита Никитич, зря вы обиделись. Могли подумать – и не подумали. За это и замечание. Мы знаем, что банда Варехи воровала оружие с окружных складов. Так? Это можно делать долго и безнаказанно только в одном случае: если в сговоре участвуют военные. Причем не абы кто, а те, кто по службе имеет к этим складам непосредственное отношение. Согласны?

– Ну...

– Теперь ищите в адрес-календаре первого и второго. В военном разделе.

Зауряд-прапорщик стал листать книгу и скоро воскликнул:

– Есть! Помощник начальника отдела огнестрельных припасов артиллерийского склада Окружного артиллерийского управления титулярный советник Лямин-первый, Андрей Васильевич. Проживает в Адмиралтейской слободе, по Кузнечной улице в собственном доме. А вот и Лямин-второй, Петр Васильевич, коллежский секретарь. Этот – помощник начальника отдела артиллерийских припасов. Живет в том же доме. Они, псы!

– Верно. Теперь там же ищите князя.

– Ага... Начальник отдела огнестрельных припасов подполковник князь Вачнадзе Владимир Давыдович. Проживает в «Купеческих номерах». А я его знаю. Он постоянно в Общественном клубе винтит, на большие суммы. Вот и все трое!

– Попались, которые кусались, – констатировал Лыков. – Теперь главное – не спугнуть их. И тогда ребята выведут нас на Вязальщикова. Он же им деньги не по почте отправляет, а сам приносит.

– Коль речь зашла о почте... – заговорил Делекторский. – Позвольте, я схожу туда, подтолкну. Начальник конторы Яшвиц – человек порядочный и добросовестный, но медлительный. Если его не щипать, будет долго раскачиваться.

– Ступайте, толкните, – разрешил питерец. – А вечером к Васильеву на совещание. Похоже, у нас теперь нитей – полный клубок. И Бармусов, и князя с титулярными советниками. Надо думать, как этим богатством правильно распорядиться.

– Но военных нам никто не позволит трогать! – встревожился зауряд-прапорщик. – Армия чужих к себе не пускает.

– У меня есть бумага к генералу Карассу. За подписью военного министра.

– Это другое дело.

– Так что, Никита Никитич, поделимся: вы на почту, я к командующему округом.

– Нам по пути – почта в той же стороне.

– Ну пойдемте вместе.

– Слушаюсь. А ловко вы этих шельмецов по календарю вычислили! Есть чему поучиться.

Полицейские разошлись по своим делам. Алексей Николаевич не стал переодеваться в мундир. Иван Александрович Карасс, по его сведениям, не придавал значения формалистике. Он попал в Казань из Киева, где был помощником командующего тамошним военным округом генерала Сухомлинова. В октябре 1905 года скользкий Сухомлинов очень вовремя уехал в отпуск, хотя в городе было неспокойно. В Киеве тогда ждали еврейского погрома. А командующий решил срочно поправить здоровье... Погром действительно состоялся и продолжался два дня без вмешательства властей. Генерал-губернатор Клейгельс не то растерялся, не то поощрял безобразия. Только спустя сорок восемь часов Карасс своей властью вывел на улицы войска и прекратил кровопролитие. После чего высокое начальство стало валить вину друг на друга. Государю это надоело, и он перевел Карасса в Казань. И даже произвел в генералы от инфантерии, показав, что одобряет его действия.

С другой стороны, тыловой Казанский округ после боевого Киевского – это почетная ссылка. Войск кот наплакал. Резервные батальоны разбросаны по огромному пространству. Кавалерия почти отсутствует, артиллерия тоже. В самой Казани, например, нет ни одного орудия, если не считать учебную полубатарей юнкерского училища. Как вывели в 1888 году почти весь гарнизон на западную границу, так с тех пор и опустел город на выпушки и петлички...

Карасс проживал в доме военного ведомства на Грузинской улице, самой аристократической в Казани. Она вытекает из Театральной площади с ее театром и дворянским собранием. По правой стороне расположены дом почтово-телеграфного округа и Грузинская церковь, по левой – учительский институт, а также здание округа путей сообщения. Кроме того, фешенебельные особняки тут и там, мимо них катят элегантные экипажи, в которых восседают красивые дамы. Откуда они взялись, почему их не

видно на Проломных улицах?

Питерец вошел в резиденцию командующего, представился адъютанту и вручил ему для передачи генералу письмо Редигера. Как он и предполагал, ждать ему пришлось недолго. Карасс принял гостя в кабинете. Он был в сюртуке с орденом Александра Невского, хмурый и настороженный. Выслушал представление Лыкова, жестом пригласил его сесть и сказал:

– Военный министр просит меня оказать вам всемерное содействие в выполнении какого-то особо важного поручения. Что имеется в виду? Тут политика?

– Ваше высокопревосходительство, мое поручение касается случаев хищения оружия с армейских складов. Это сейчас повальная болезнь. Боюсь, она добралась и до вас.

– До нас? Прошу конкретнее, господин коллежский советник.

– Есть подозрение, что с окружного артиллерийского склада воруют оружие и патроны. И продают их на Кавказ, в Персию и даже в Абиссинию...

Генерал от инфантерии фыркнул:

– Почему не на остров Пасхи?

– Разрешите продолжать?

– Валяйте, чего уж стесняться...

– В организации хищений подозреваются подполковник князь Вачнадзе и два военных чиновника: Лямин-первый и Лямин-второй.

Командующий снова фыркнул, еще более иронично, и спросил:

– А доказательства этому есть?

– Мы их ищем. Я же сказал: подозреваются. Позвольте изложить подробно?

Карасс посмотрел на гостя со смесью высокомерия и брезгливости и ответил:

– Нет, не позволю. Князь Вачнадзе убыл в командировку с обоими названными вами чиновниками.

– Когда? – насторожился сыщик.

– Вчера, если я правильно помню.

– А куда они уехали и какова цель командировки?

Генерал начал рыться в бумагах на столе. Выражение брезгливости не сходило с его лица. Лыков чувствовал, что начинает заводиться, но понимал, что бессилён переубедить этого человека. И если он откажет в содействии, то придется уходить ни с чем.

– Ага, вот оно. Так... Выехали они в Саратов, цель поездки – ревизия

неприкосновенных запасов в Пятьдесят седьмой резервной бригаде. Срок возвращения интересует?

– Конечно.

– Даже конечно? Хм... Вернутся через месяц. Вот тогда и приходите, господин коллежский советник. Поговорим о ваших подозрениях. Только учтите: высказывать вы их будете в лицо подполковнику Вачнадзе. А он человек горячий.

Тут сыщик не сдержался:

– Я горячность вашего князя видал в гробу. Вякнет – быстро окорочу. Только он не вякнет. Более того, подполковник не вернется из Саратова, и эти два брата-акробата тоже. Они наворовали на каторгу, знают это и ударятся в бег. От себя советую вашему высокопревосходительству немедленно провести ревизию отдела огнестрельных припасов. А то, когда это сделают приезжие из Петербурга, кое-кому лампасы на портках придется спарывать.

У генерала от инфантерии глаза полезли на лоб. Алексей Николаевич повернулся и вышел вон.

Он пришел на Воскресенскую раздосадованным. Не следовало так разговаривать с командующим. Теперь отношения испорчены бесповоротно. Придется писать Трусевичу, а тот злится, когда подчиненные не справляются сами и просят помощи. Директор скажет Столыпину, премьер пожалуется военному министру, Редигер вышлет сюда комиссию. Та через несколько месяцев работы докажет справедливость слов Лыкова. И что? Кого это тогда будет интересовать?

В приемной полицмейстера сыщик увидел красную от гнева физиономию Делекторского и спросил:

– Что, и у вас неудача?

– То есть? А у вас?

– Генерал Карасс послал к чертям. Князь Вачнадзе вместе с обоими Ляминами убыл в командировку на месяц. Уверен, что они из нее не вернутся.

– Уехали все трое? Когда?

– Вчера.

– Алексей Николаевич, это же не может быть случайностью?

– Разумеется. Вязальщиков чувствует, что мы наступаем ему на пятки. Вот и велел подручным убираться. Я, конечно, могу послать сейчас экспресс Столыпину. Военный министр по его просьбе прикажет арестовать троицу и доставить сюда. Но что дальше? Улик у нас нет. Фотоснимок письма ничего не доказывает. Про Ляминых и князя лишь

наша догадка. Только ревизия вскроет масштаб хищений, мы и сами пока его не знаем. За это время Сайтани скроется. Все, ниточка оборвана.

– Да, дела... – вздохнул околоточный. – А у меня не лучше. Корешки посылок за последние полгода пропали!

– Как пропали? Это же отчетные документы.

– Яшвиц волосы на себе рвет. Говорит, утром были на месте. Теперь его начальник округа с кашей съест, могут и от должности отставить.

– А что, если он сам их спрятал? – усомнился в горе почтовика сыщик. Ему теперь всюду мерещились длинные руки Вязальщикова.

– Нет, Яшвиц не такой.

– Ну, тогда корешки спрятали его подчиненные. Начальник дал им команду сделать выборку. Среди чиновников есть сообщники Сайтани. Они сообразили, для чего понадобилась выборка, и украли бумаги.

– Опять нет. Я же говорил, что Яшвиц медлительный, помните? Он не дал никому никакой команды. Не успел. Черепеха! Но корешки, что утром лежали на месте, к обеду исчезли. Как они узнали, эти сообщники, что их затребовала полиция?

– Как-как, – рассердился сыщик. – Телефонистка подслушала разговор, вот и весь секрет. Идем к Алексею Ивановичу.

Васильев, когда услышал предположение Лыкова, сразу сказал:

– Так и есть. У меня в июле был похожий случай. Я в телефон приказал начальнику исправительно-арестантского отделения доставить ко мне завтра одного мазурика. А ночью он утек. Как будто прознал! Мы открыли, что парень под чужим именем сидит и грехов на нем видимо-невидимо. Я сдуру и рассказал это в трубку. Результат вон какой получился. Заподозрили мы телефонных барышень и провели негласное дознание. Соединение с тюрьмой делала женщина – почтово-телеграфный чиновник Софья Александровна Корноухова, как сейчас помню.

– И что? Какие были приняты меры?

– Да никаких, – огорошил сыщика полицмейстер. – Явился ее начальник и стал языком молотъ. Что Корноухова – отличный работник, а узнать, кто именно соединял, точно невозможно... Я и смутился. Не стал человеку жизнь портить, тем более женщине. Вдруг ошибся? И вот... Ну, если это снова она! Держись тогда, Софа!

Делекторский отправился на Поперечно-Воскресенскую улицу. Там в доме наследников Журавлева помещалась центральная телефонная станция. Околоточный быстро выяснил, что соединение с абонентами городского управления полиции производила все та же Корноухова.

Начальника станции вызвали к вице-губернатору Кобеко. Лыков

присутствовал при разговоре и увидел, как Дмитрий Дмитриевич решает такие вопросы. Он заявил чиновнику спокойным тоном:

– Кто-то из вас двоих должен покинуть службу: или вы, или Корноухова. Выбрать предоставляю вам.

– Ваше высокородие, пусть уйдет она.

– Договорились. Но если утечка секретных сведений от ваших подчиненных повторится, то вы – следующий. Свободны!

До вечернего совещания у полицмейстера еще оставалось время, и сыщик отправился в Родионовский институт. Люпперсольский вел урок, и гостю пришлось подождать. Алексей Николаевич с любопытством наблюдал за внутренней жизнью заведения. Такие невесты проходили мимо него по коридору! Завидев незнакомого господина, некоторые без стеснения строили ему глазки. Как в таком цветнике выживает смуглый красавец, любитель острых ощущений?

Вскоре красавец вышел из класса и увидел сыщика.

– Добрый день, Алексей Николаевич. Вы из Петербурга?

– Да.

– Повидались там с Виктором Рейнгольдовичем?

– Повидался и узнал подробности.

– Тогда идите ко мне, здесь говорить неудобно.

В знакомой комнате, увешанной отравленными стрелами, Лыков сказал хозяину:

– Значит, Львов-Левшин украл казенные деньги?

– Все указывает на это.

– Но как он сбежал? Борис Андреевич, вам самому не кажется это фантастичным? Коллежский асессор, паркетный дипломат спер мешок золота и в одиночку пробился с ним к морю? Через пустыню, полную разбойников?

Путешественник согласно кивнул:

– Я и сам сначала сомневался. Но быстро выяснилось, что вместе с Левшиным исчез еще один человек, караванщик. И с ним два верблюда. Опытный туземец, прожженный. Этот вполне мог довести изменника до Алжирии за мзду. И потом, я же отыскал в Ороне его паспорт! Барон сообщил об этом? Беглый дипломат купил гостиницу прямо на Национальном бульваре, главной улице города. И скрылся, узнав о моем приезде. Нет, тут все верно.

Лыков удовлетворился объяснением. Очевидно, что история с кражей золота у нашей секретной миссии не имеет отношения к Сайтани-Вязальщикову.

– Еще я, кажется, разыскал вашего обидчика, – сообщил сыщик. – Того, пана Вацлава.

– Ну-ка! И кто он? – оживился путешественник.

– В отряде Ашинова состоял только один подходящий человек. Польский аристократ, но паспорт у него был на фамилию Иванов. Когда по приказу государя все казаки вернулись на родину, этот Иванов остался.

– Но как же его настоящая фамилия?

– Неизвестно.

Люпперсольский разочарованно вздохнул:

– Эх. Никак мне с ним не поквитаться...

– Только есть одно но, Борис Андреевич. Вы сказали, что у Вацлава был сильный польский акцент. Верно я помню?

– Верно. Поляка не спрячешь, все они шепелявые.

– А у лже-Иванова никакого акцента не было. Что же выходит, это два разных человека? – развел руками Лыков.

– Возможно, пан Вацлав нарочно изображал передо мной польский говор, – предположил собеседник. – Заметал следы, так сказать.

– Возможно. Но как-то уж чересчур хитро.

Прощаясь, сыщик вынул два номера журнала «Вокруг света» с очерками Люпперсольского, привезенные из дома. И попросил подписать их. Тот охотно согласился и начертал: «Алексею Николаевичу Лыкову от автора на добрую память».

Вечером в кабинете полицмейстера состоялось совещание. Лыков сообщил о своей беседе с командующим. Ясно, что улики против воров в погонах нет, никто не позволит их арестовать и начать дознание. Требуется усилить аргументацию. Например, выяснить, жили ли все трое по средствам или, наоборот, шиковали на суммы, превосходящие размер жалованья. Васильев тут же приказал заняться этим околоточному надзирателю Делекторскому. Поиски в татарской среде остались за другим надзирателем, Уразгильдеевым. Разработку обивщика ящиков Бармусова поручили Ловейко. Поиск сбежавших обратников достался приставу Четвертого участка Тутышкину. Лыков впервые увидел его и согласился с оценкой полицмейстера. Весь какой-то несерьезный, суетливый, показушный – за таким нужен глаз да глаз.

– Я полагаю, что и Вареха, и Шипов давно бежали из города, – важно заявил Тутышкин. – Чего им тут делать? Дайте мне настоящее задание, боевое! Я риска не боюсь.

– Над беглыми каторжниками стоял другой человек, – пояснил Алексей Николаевич. – Настоящий главарь банды – он. Помимо грабежей,

ребята занимались еще и кражей оружия с военных складов. Главварь – фамилия его Вязальщиков – не может просто бросить все и исчезнуть. Он должен завершить поставку, иначе кавказские абреки не поймут. Я подозреваю, что оружие прячут где-то здесь, в Казани. Надо отыскать его. А Вареха с Шиповым тоже недалеко: атаману нужны подручные, без них он пустое место.

Глава 14

Пули в спину

Утром Лыков сидел в гостиной и уплетал пирог с курятиной. Супруги Ловейко весело бранились из-за планов Анны Порфирьевны приодеться по французской моде. Вдруг внизу на первом этаже раздались грохот и дикие крики.

– Бомбисты? – вскочил коллежский советник. – Нападение на участок? Валентин Семенович сердито отбросил салфетку и тоже поднялся:
– Нет, это опять Кузьмин буянит.
– Какой Кузьмин?
– Борец из цирка Никитиных. Нажрется и в скандал.
– Так дайте ему в рыло!
– Ага, дашь такому. Его сюда шесть городских приводят. И то еле-еле справляются.

Полицейские спустились вниз, и сыщик увидел нелепую сцену. Шестеро служивых, красные от натуги, с трудом удерживали за руки могучего детину в спортивном трико. А тот вырывался и кричал:

– Сокрушу! Всех сокрушу! Пусть жалованье выплатит за август, а не то лавочку на дыбы!

Сильным рывком борец стряхнул с себя троих и высвободил правую руку. Он занес уже огромный кулак, но тут подскочил коллежский советник и перехватил его.

– Ах так, да? – обрадовался буян. – Еще один приперся? Ну держись!

Он попробовал выдернуть руку, но у него не получилось. Лыков приказал городovým оставить их с атлетом один на один. Как только те отступили, борец напал на новенького. Дальнейшее заняло не больше минуты.

Сыщик ударил противника кулаком по макушке. Тот с грохотом упал на колени, на лице его отразилось удивление:

– Ой!

Алексей Николаевич решил преподать скандалисту урок. Он нагнулся, ухватил его обеими руками за широкий борцовский пояс, приподнял и шмякнул всей тушей, как мухобойкой, об стену. Та затряслась и, как показалось окружающим, едва не рухнула.

– Ой... – уже тихо вскрикнул задержанный.

Но питерец не унимался. Еще три раза он сильно приложил дурака о стену, держа на весу, словно копер^[44]. Казалось, здание управления сейчас сложится как карточный домик. Наконец сыщик разжал хватку. Кузьмин рухнул и замер на полу, боясь пошевелиться. Вытаращенные глаза тупо смотрели в потолок, губы шептали:

– Ой... Ой...

– Поднимите эту орясину, – скомандовал коллежский советник.

Городовые кое-как поставили борца на ноги. Тот шатался, но не падал.

– Еще раз такое увижу – в бараний рог согну, – строго сказал Лыков. – Все понял?

– Так точно, ваше высокоблагородие... Прощенья просим.

– Выполни все указания полиции и брысь! Чтоб духу твоего не было.

– Слушаюсь!

Полицейские чиновники поднялись наверх и продолжили чаепитие. Впечатленная Анна Порфирьевна стала упрашивать жильца согнуть ей пятак на память. Разговор повернул на тему атлетизма, но тут в комнату без стука вошел Васильев и бросил фуражку на стул; на полицмейстере не было лица.

– Сволочь! Кретин! Уволю!

– Леша, что случилось? – всполошились хозяева.

– Тутышкин, глупая дрянь...

И Васильев рассказал невеселую историю.

Тутышкин должен был арестовать у себя в Суконной слободе рабочего по фамилии Семенов. Тот подозревался в участии в беспорядках на алебастровом заводе, что в Адмиралтейской слободе. Пристав решил отличиться. Или доказать всем, что не боится риска... Он взял с собой одного лишь старшего городского Мухамедзянова и явился к бунтовщику. Того не оказалось дома. Полицейские вдвоем начали обыск. В это время Семенов вернулся и увидел, что в доме полиция. А может, его предупредили. Рабочий зашел через калитку во двор, взял спрятанную в дровах винтовку и через окно выстрелил. Целился в пристава, а попал в несчастного городского и убил его наповал.

– Но в чем вина Тутышкина? – не сообразил сначала питерец. – С кем угодно могло случиться такое.

– Вина в том, что он не взял с собой достаточное количество людей, – пояснил Алексей Иванович. – Никто не стоял на улице, вот они и не заметили, как приперся этот Семенов. Вечно Василий Ильич так: налетит, нашумит, а для дела только убытки. И Мухамедзянова жалко. Шестеро детей сиротами остались.

С этого часа неприятности посыпались на полицию города Казани как из рога изобилия. Семенова нашли утром следующего дня и посадили в каталажку. Но уже через день было совершено еще более жуткое преступление. На пустынной Односторонке позади Второй Горы в собственном доме были зверски убиты муж и жена Жирновы. Их обезображенные тела, лежащие в луже крови, обнаружил дворник. Все вокруг было перевернуто вверх дном. Выяснилось, что супруги только что продали другой свой дом за четырнадцать тысяч рублей. Преступники узнали об этом и решили отобрать деньги. Но те были уже помещены в банк. И Жирновы погибли за несколько червонцев, которые убийцы в итоге нашли в их кошельках...

Город ахнул, и, словно в довершение всех бед, обнаружился еще один труп. В овраге прилегающего к Третьей гимназии сада был найден молодой парень с выпущенными наружу кишками.

А спустя всего неделю на постоялом дворе Мельникова, что на Георгиевской улице, зарезали его двадцатилетнего сына. Зашли пятеро парней, ударили его ножом в сердце и скрылись.

Полицеймейстер ходил чернее тучи. Тут еще начались трудовые забастовки. Крючники в Устье отказались разгружать баржи, пока им не повысят тарифы. Какой-то торговец яблоками, у которого товар пропадал в трюме, с обиды ударил одного из них. Крючники так отделали беднягу, что в больницу того доставили чуть живого. Васильев явился на пристани во главе конной полиции и попробовал задушить бунт с ходу. Из толпы прилетел увесистый камень и ударил Алексея Ивановича в шею. А когда власти решили использовать в качестве штрейкбрехеров заключенных исправительного отделения, крючники прогнали их вместе с караулом.

Словно нарочно, в это же время наследники фабрики Алафузова собрались уволить сразу шестьсот рабочих. Война с Японией закончилась, и вместе с ней кончились заказы для армии. И в обмундировальном, и в сапожном отделениях начались волнения. Кобеко вытребовал у правительства сотню оренбургских казаков. Те как оглашенные метались по взбудораженному городу, разгоняя сходку за сходкой. В воздухе висело напряжение.

В такой обстановке казанской полиции стало не до кражи двухлетней давности. В одну из ночей Васильев, едва ворочая языком от усталости, рассказал Лыкову о своих заботах. Больше всего его тревожило двойное убийство в Суконной слободе. Удалось выяснить, что это дело рук Гаврилы Ефимова по кличке Жмулька и знаменитого Костьки Каторжного. После ликвидации банды Варехи Костька решил занять его место. И стать

преступным королем Казани. Жмульку полицейские поймали, когда тот понес кольца, снятые с трупов Жирновых, в ломбард. А Каторжный скрывался где-то на окраинах и не давался сыщикам.

– Так что, Алексей Николаевич, вы уж пока как-нибудь сами, – заключил свой рассказ Васильев. – А то...

На этих словах он поправил грязный бинт на шее и уснул прямо за столом.

У Лыкова остался один лишь Делекторский, но и того обещали забрать. Алексей Николаевич срочно телеграфировал Азвестопуло: где ты, бездельник? После Петербурга тому пришлось возвращаться во Владивосток. Сергей ответил, что с трудом нашел Янковского-старшего, но беседа с ним не задалась. Напоминание о Сайтани вывело дедушку из себя. Он заявил, что ответит, так и быть, на вопросы. Но не греку, а его начальнику Лыкову, которого, как оказалось, помнит. Еще Михаил Иванович пояснил, что болен, у него проблемы с легкими. Доктора велют ему провести осень в Семипалатинске, где тепло и сухо. Он уже выехал и готов пообщаться с сыщиком на полпути туда, в Томске. Янковский сменил свой полуостров на столицу края и вошел там пайщиком в кожевенное предприятие. В Томске он пробудет неделю по делам.

Лыков отбил экспресс, что срочно выезжает в Томск и просит поляка сообщить название своей гостиницы. Выйдя с телеграфа, он медленно двинулся по Театральной площади в сторону Николаевской. Вдруг навстречу из подворотни быстрым шагом вышел незнакомец. На вид ему было лет двадцать пять. Узкое неприятное лицо, под старой студенческой тужуркой – черная рубаха. В его повадках сквозило что-то зловещее, опасное. Правую руку незнакомец сначала держал в кармане, а когда вынул, в ней был револьвер. Не раздумывая, Алексей Николаевич показал студенту тыл и бросился обратно к телеграфу. Оружие он с собой не взял, и другого выхода у него не оставалось.

Они бежали по улице мимо театра. Лыков был старше и грузнее, террорист молод и поджар. Он неумолимо сокращал расстояние до сыщика. Но из дверей вдруг повалили люди, и нервы студента не выдержали. Он замедлил бег и начал стрелять пистолетом в спину.

– Назад, внутрь! – закричал выходившим Алексей Николаевич. Кто-то кинулся обратно, а кто-то остался, с любопытством наблюдая, чем кончится. Но сыщику повезло: боевик оказался плохим стрелком. Выпустил семь пуль и ни разу не попал. Одна пробилла полу пиджака, вторая чиркнула Лыкова по волосам, третья оцарапала шею. Когда барабан револьвера опустел, парень зло выругался и бросился прочь. У Лыкова не

было сил его преследовать...

Он явился в полицейское управление потный, с окровавленной шеей и бешеными глазами. Прошел в канцелярию, отозвал Анну Порфирьевну и спросил:

– А вот скажите мне, чьи это приметы? Рост два аршина восемь вершков^[45], сухощавый, маленькие черные усы, на левой челюсти сверху не хватает зубов. Одет в студенческую тужурку и черную рубаху. И сам весь какой-то черный.

– Это эсеровский боевик Васильев Виктор Платонович по кличке Янычар, – сразу же ответила письмоводительница. – Он убил пензенского полицмейстера. В тюрьме, чтобы спастись от виселицы, начал симулировать сумасшествие. Его привезли в нашу окружную лечебницу на экспертизу, а Янычар из нее сбежал. Теперь не можем найти.

– Зато он меня нашел.

Ловейко окинула питерца взглядом и констатировала:

– Здорово он вас.

– Не попал, и слава богу. Но пришлось удирать от вашего Янычара на глазах у всей Театральной площади. «Маузер»-то дома лежит. Вот уж народ посмеялся.

Анна Порфирьевна увела сыщика к себе на квартиру, налила ему полный стакан водки и приказала:

– Пейте.

Тот махом опростал его и выдохнул:

– Хорошо...

– Этот негодяй убил пензенского полицмейстера Кандаурова в спину, – тихим голосом произнесла Анна Порфирьевна. – Подкрался сзади, когда тот ехал на доклад к губернатору. Кандауров был храбрый человек. Васильев выстрелил, попал и бросился наутек. А полицмейстер вынул револьвер и приказал кучеру догнать преступника. Но вскоре потерял сознание и умер уже в доме губернатора. Остались вдова и трое маленьких детей.

– Трое маленьких детей... – повторил Лыков. – Почему у нас, полицейских, всегда много детей? При такой опасной службе. Анна Порфирьевна, у вас когда детки появятся? Или боязно?

– Боязно, Алексей Николаевич, – с грустью ответила жена пристава. – Валя хочет, и я тоже. Вон, у Леши пятеро, а он начальник полиции, главная мишень. В такое время – и не боится. Мы... Если честно, то я в положении.

– Вот и славно! – обрадовался питерец. Станным образом нехитрая новость, что Ловейки скоро расплодятся, вернула ему спокойствие. – Пойду

я. Спасибо за водку и вообще за поддержку. Даже чугунным людям, таким как я, иногда нужно поплакаться.

– Вовсе вы не чугунный! – воскликнула письмоводительница. – А хороший и добрый. Смелый и умный. Только «маузер» больше не забывают.

– Да уж...

Покушение на столичного чиновника всполошило казанское начальство. Не хватало еще, чтобы его тут застрелили! Лыкову вернули Делекторского, не только для помощи, но и для охраны. Коллежский советник первым делом заставил зауряд-прапорщика вновь переодеться в партикулярное платье.

– Что, нравится ходить, звенеть крестами? – съязвил он при этом. – Говорил же: мы, сыщики, должны быть неприметны.

– Почему бы не позвенеть, если кресты заслужены честно? – возразил Никита Никитич. При всем уважении к Лыкову он по многим вопросам имел собственное мнение, отличное от мнения начальства. – И насчет сыщика я еще ничего не решил.

Два смелых человека ходили теперь всегда при оружии. Вязальщиков затаилась и ждал удобного случая, чтобы нанести новый удар. Он понимал: стоит убить питерца, и дознание старой кражи прекратится.

Глава 15

Уссурийская история

Лыков выехал в Томск. Для этого ему сначала пришлось спуститься по Волге до Самары. Там он сел в курьерский поезд и отправился на восток.

Алексей Николаевич уже бывал в Томске, целых два раза. В 1883 году по этапу, в личине «спиридона-поворота»^[46], он познакомился с Томской пересыльной тюрьмой, самой большой в России. Спустя несколько месяцев сыщик возвращался обратно уже в своем подлинном статусе, лихим коллежским асессором. С тех пор прошло двадцать три года. Он постарел, успел жениться и овдоветь. Едет с ярмарки, чего скрывать...

Великий Сибирский путь миновал Томск так же, как и Казань. Инженеры намудрили и провели дорогу южнее. Город сильно сдал, оставшись в стороне от больших дел. Лыков убедился в этом, когда оказался на месте. Езда по унылой Барабинской степи не давала взгляду ничего интересного. Тысяча четыреста верст однопутного пути – хорошо хоть, что курьерские поезда пускали вне очереди. Во время недавней войны с японцами на магистраль выпали огромные нагрузки по снабжению армии. И в правительстве стали поговаривать, что надо сделать дорогу двухпутной. Вот только где взять на это деньги?

На станции Тайга сыщик пересел в грузопассажирский состав. Отсюда в Томск вела особая ветка длиной в восемьдесят семь верст. Алексей Николаевич прибыл в город ранним утром и сначала заселился в номера Семибратова на Николаевской улице. Побрился, умылся. Ни ванны, ни душа в комнате не было, зато во дворе топилась баня. Приезжий воспользовался ею. Сменил манжеты и ворот рубашки, глянул на себя в облезлое зеркало – и пошел на встречу.

Янковский остановился в гостинице «Париж». Заведение оказалось того же пошиба, что и номера Семибратова. В вестибюле пахло щами, сонный портье и не подумал встать, разговаривая с Лыковым. Указал, что господин из Владивостока в буфете, и опять задремал...

Сыщик подошел к Янковскому, одиноко пившему у окна кофе.

– Здравствуйте, Михаил Иванович!

Поляк поднялся, промокнул усы салфеткой.

– Здравствуйте, Алексей Николаевич. Помню, помню, как вы леопарда в прыжке подстрелили...

Собеседники присели, посмотрели друг на друга. Бывший каторжник поморщился:

– Знаю, знаю. Постарел, обрюзг... Куда деваться? Годы берут свое. А вы еще о-го-го.

– Да тоже не помолодел. Поговорим, Михаил Иванович? Вы человек занятой, как и я.

Поляк еще более скривился, словно съел лимон.

– Об этом негодяе, Сайтани?

– О нем. Когда и как он у вас появился?

Янковский откинулся на спинку стула и начал размеренным стариковским голосом:

– В январе тысяча девятисотого года. Каким-то образом он оказался у ворот моего дома. Ну, дом-крепость на полуострове. И попросил о разговоре. Помню, я спустился, и человек сразу мне понравился. Рослый, смотрит спокойно, уверенно. И чувство собственного достоинства написано на лице большими буквами. Уж не обижайтесь, но у вас, русских, такое редко встретишь.

Лыков хмыкнул, но промолчал.

– Это я уже потом понял, что он прикидывался, узнав заранее мой характер. Сайтани умело подстраивается под нужных ему людей. И те видят в нем черты, которые хотят видеть.

– Как он назвался?

– Иваном Ивановичем Ивановым, – ответил поляк. – Сразу стало понятно, что он прячется от властей. Но в Уссурийском крае это на каждом шагу...

– Он предъявил вам письмо от вашего старшего сына?

Янковский резко нагнулся, впился в лицо Лыкова глазами старого хищника:

– Откуда вам известно? Вы поймали его?

– Нет, только мечтаю об этом. А про письмо мне сообщил доктор Онкель.

И Алексей Николаевич рассказал собеседнику, как было дело. Тот успокоился и продолжил:

– Да, он принес записку от Александра. У нас сложные отношения. Если помните, мы на полуострове живем дружно, всей семьей. Там по-другому нельзя. Однако Александр не захотел такой коммуны, он индивидуалист. А еще авантюрист. Я и сам такой, иначе не добился бы того, что сейчас имею. Но гнездо, родовое гнездо! Всё туда! А он не захотел. Часто я даже не знаю, где он. Шляется по белому свету. Так вот. В

записке Саша просил помочь своему, как он сформулировал, доброму знакомому легализоваться в России. У него, мол, неприятности с жандармами по старым революционным делам. Надо достать паспорт, помочь на первое время с жильем и деньгами. Я все сделал.

– Почему?

– Так сказал ведь уже: человек мне понравился.

– Ах да. Но неужели настолько, что вы пошли на преступление?

– Алексей Николаевич, вспомните мою жизнь. Как вы думаете, я очень чту ваши законы? На мойке золота, или в тайге, охотясь на тигра, или воюя с хунхузами – многого ли добьешься, если жить по закону?

– Ну хорошо, Михаил Иванович, я понял. На какое имя вы купили паспорт?

– У меня был объездчик, Василий Поповский. Он подрядился строить Кругобайкальскую железную дорогу и охотно уступил свой паспорт за пятьдесят рублей.

– И Иван стал Василием...

– Так, – кивнул бывший каторжник. – Правда, я его называл иначе.

– Сайтани?

– Да, как он сам представился мне, когда мы познакомились поближе. Знаете, что означает это слово?

– Да, – похвалился Лыков. – На языке племени масаи так называют белого человека.

– Кто вам сказал эту ерунду? – удивился поляк.

– Путешественник и этнограф Борис Андреевич Люпперсольский, известный специалист по Африке. А что, не так?

– Гоните в шею этого специалиста, он самозванец. Все много серьезней.

– Откройте тогда правду.

Янковский пристально глянул на сыщика и произнес:

– Сайтани означает «дьявол».

– В каком смысле?

– В прямом. Дьявол – что тут пояснять?

Лыков задумался:

— Зачем же этнограф ввел меня в заблуждение?

— Да он сам впервые услышал от вас это слово, а признаться

постеснялся, – предположил поляк.

– Возможно. Но масаи...

– При чем тут масаи! – нетерпеливо перебил сыщика Янковский. – Слово это не масайское вовсе. А из языка племени вакамба.

– Вакамба? – Лыков оживился, вынул блокнот, полистал и заявил: – Точно! Ядовитая стрела в его комнате была от вакамба. Люпперсолевский называл мне еще одно племя, туркана. Он попал к ним в плен. И провел там четыре месяца, прежде чем сбежал.

– Опять врет ваш этнограф. Как он мог убежать от турканов? Они там знают каждую тропинку, каждый ручей. Прирожденные охотники и убийцы.

– Убийцы? – встрепнулся Лыков. – Что вы имеете в виду?

– Там, Алексей Николаевич, все убийцы. Племена враждуют между собой. Кровавые инциденты часты. А уж турканы славятся злым нравом. Они верят, что бог создал скот только для них. И если видят его у соседей, считают, что он украден у настоящих, единственных хозяев. То есть у турканов. И норовят «вернуть» себе скотину, а от этого происходят войны.

– Откуда у вас такие сведения?

Янковский стал пояснять:

– Когда Сайтани сбежал от меня и я при всей своей ловкости не сумел его поймать, то заинтересовался: как так вышло? Ведь в уссурийской тайге я сам как туркан, любого окучу. А тут упустил, хотя очень хотел наказать. Начал выписывать журналы из Англии, там больше всех пишут про Африку. А потом во Владивосток заехал лорд Рафф, знаменитый охотник на львов и тигров. Тигров, разумеется, индийских, в Африке они не водятся. Зато есть у нас! Мы с лордом немедленно подружились, я свозил его куда следует, и он пополнил свою коллекцию великолепной шкурой тигра уссурийского. Они крупнее и опаснее бенгальских... Так вот. Я много расспрашивал опытного специалиста, настоящего, в отличие от вашего с непроизносимой фамилией...

– Люпперсолевский. Он очень известный путешественник, зря вы его так!

– Бог ему судья. Так вот, лорд Рафф много рассказал мне о племени туркана. И я выяснил, в частности, как именно Сайтани совершал свои убийства. Он привез сюда особые браслеты, которые делают только в этом племени и больше нигде в мире. Туземцы изготавливают их из чрезвычайно острых кривых лезвий и обвивают вокруг запястья. Получается необычное оружие, которому с непривычки очень трудно противостоять.

– Знаю по себе, – подхватил сыщик и показал собеседнику свежие шрамы на руке: – Едва он мне горло не рассек, сволочь...

– Турканы разработали особую школу боя. Движение запястья – и готово. Все соседи боятся их как огня. А тот факт, что Сайтани вышел из их леса живой, да еще с браслетами... Главное даже не то, что туземцы подарили белому человеку свое оружие. Важнее, что они обучили его пользоваться клинками. Значит, он сам стал туземцем. Одним из них. Вот почему я сказал в начале нашей беседы: Сайтани умеет нравиться. Влезает в душу, поселяется там, а когда ты уже бесполезен, вылезает, оставляя после себя смрад и боль. Ведь что этот подлец сделал с моими женами! Корень растет двадцать пять лет. Двадцать пять, прежде чем начнет представлять товарный интерес. Когда я стал Сайтани не нужен – он уже взял от меня все, что мог, – мерзавец погубил мою плантацию. Лучшие корни забрал, а те, которые еще не подросли, вырвал и растоптал. Это очень в его духе: нагадить, сломать, причинить максимальную боль. Назло, с циничным шиком. Видимо, он получает от этого особое удовольствие, садистическое.

– Вспомните о нем все, что успели узнать, – попросил сыщик.

– Да уж, я не забуду того, кого приютил, а взамен получил такую оплеуху. Когда Сайтани крутился вокруг меня, то рассказал немало удивительного. Вы знаете, например, кто такие меломбуки?

– Нет.

– Наш герой носил этот титул с гордостью. Как если бы он был князь или граф. Меломбуки – воины племени масаи, которые четыре раза хватали за хвост льва. И удерживали, пока другие охотники добивали зверя копьями и кинжалами.

– Да будет вам, Михаил Иванович, – раздраженно сказал Лыков. – Тоже начитались журнала «Вокруг света»? Вы же сам первоклассный охотник на хищников. И как представляете себе подобное? Разве можно схватить льва за хвост и держать? Да он тебе сразу голову откусит!

Янковский покачал головой:

– Сам так думал, пока не поговорил с лордом Раффом.

– И что Рафф?

– Лорд лично наблюдал такой бой. Масаи вообще невиданные смельчаки. И их воины действительно по-настоящему убивают львов этим способом. Кажется невозможным, но это факт. Один человек, самый храбрый, заходит окруженному зверю за спину и хватает кончик хвоста.

– Но для чего? – почти выкрикнул Лыков.

– Чтобы тот не мог атаковать. Перед ним с копьями стоят другие

воины. А лев будто привязан к месту, он не может прыгнуть вперед и нанести удар.

– Он извернется назад и убьет того, кто не дает ему прыгать.

– Так и происходит, – подтвердил поляк. – Потому-то положение этого храбреца самое опасное. Он ближе всех к зверю и очень его злит. И первым делом лев хочет избавиться от него. Когда зверь поворачивается, другие воины атакуют его своими копьями. Пытаются помешать. Иногда это удается, иногда нет... А человек сзади не может защищаться, у него руки заняты! Кандидаты в меломбуки гибнут десятками. Или становятся калеками, если повезет. Когда лев раздражен, не знает, от кого отбиваться, от того, кто сзади, или от тех, кто спереди, масаи атакуют его разом. Это невиданное зрелище, апофеоз человеческой храбрости. Вы не поверите, Алексей Николаевич: всадив в зверя копье, они бросаются на льва с кинжалами. С кинжалами – на льва! Я вот тигров убиваю из ружья шестисотого калибра^[47] с расстояния тридцати-сорока саженей. Мне, да и всем другим охотникам и в голову не придет вступить с хищником в рукопашную схватку. А масаи считают ружейную охоту скучной. Им подавай кровь, рубку, бой со зверем глаза в глаза.

– Зачем это туземцам?

– Таковы их представления о чести. Им надо испытать себя по высшему разряду. С огромным риском погибнуть.

– Не понимаю... – пробормотал Алексей Николаевич. – Мы считаем того же лорда Раффа храбрецом. Ведь даже охотник с ружьем идет на огромный риск. А тут на льва с кинжалом...

– А теперь представьте, Алексей Николаевич, человека, который удержал льва за хвост четыре раза.

Лыкова передернуло:

– Я бы с одного раза помер от страха.

– А он выдержал четыре боя, в которых ему чудом удалось остаться в живых. Такой человек и называется меломбуки. Это первый среди моранов.

– Среди кого? – не понял сыщик.

– Среди моранов – воинов племени масаи. Так вот, меломбуки будто былинные герои, но притом они живые люди. По словам лорда Раффа, носителей этого самого, возможно, редкого титула в мире никогда не бывает больше трех-четырех человек одновременно. То есть по пальцам пересчитать. Они окружены огромной заслуженной славой. Каждый понимает: вот храбрец из храбрецов. Никому в голову не придет грозить такому или перечить...

– Да, меломбуки уже нечем запугать, – согласился Алексей

Николаевич.

– Именно так. Лорд Рафф сообщил мне, что эти удивительные люди исповедуют особенный мистицизм. По неписаному закону, воин, получивший звание меломбуки, должен быть готов драться с любым живым существом на земле.

Лыков помолчал, обдумывая слова поляка. Свой мистицизм – что это значит? Потом до него дошло:

– Я правильно вас понял, Михаил Иванович? Меломбуки уже не совсем люди. У них возникает особая форма сумасшествия, мания величия человека, которому не с кем сразиться. И они ищут битвы уже с потусторонними силами, с дьяволом.

– Да они сами становятся дьяволами! Поскольку масаи – мужественные люди, первое по храбрости племя в Африке, там это не страшно. Но вот в дьяволы пролез европеец. Человек беспринципный, злой. Безмерно злой.

– Погодите-ка, дайте сообразить. Ваш Иван Иванович Иванов, он же Сайтани, он же Василий Поповский – меломбуки.

– Да.

– Он вам сам признался?

– Да. Когда между нами был «медовый месяц».

– И в чем проявлялась его, так сказать, меломбукость?

– Догадываетесь, в чем. В невообразимом, совершенно удивительном, нечеловеческом бесстрашии. Он и на леопарда ходил с кинжалом.

– Убил?

– Убил.

– Но... Михаил Иванович, это же невозможно!

– А он убил. Сам был весь израненный, но, как потом выяснилось, не сильно. А зверю сердце пробил клинком. Мне хотелось глаза протереть, когда он притащил шкуру, а за ним кровавый след по земле...

– Так. Бесстрашие. Что еще? Жестокость?

– Да, Алексей Николаевич, такая же невообразимая жестокость. Я назначил Сайтани начальником охраны своего заповедного полуострова. Думал, он отвадит всех непрошенных гостей. И он отвадил. Так, что зловещая слава этого человека до сих пор отпугивает от моих земель все живое...

– Убивал?

– Направо и налево, правых и виноватых. Хунхузов ладно, их не жалко. Так он и мирных китайцев резал почем зря. И беглых русских каторжников, и дезертиров, и диких золотоискателей-горбачей, и искателей

женщина. Я знать не знал, поверьте!

Лыков не поверил. Как можно оставаться в неведении, когда вокруг такое? Просто тогда это Янковского устраивало. А теперь, когда головорез убежал, он пытается обелить себя.

– Как относилась к подобным делам ваша семья?

– Всем нравилось, что в нашем лесу стало тихо и безопасно.

– А другие охранники, подчиненные Сайтани?

– Я половину уволил, а другие ушли сами, – с запинкой ответил поляк.

– По своей воле? То есть им не по нраву пришли новые методы?

– И черт с ними. Меломбуки один стоил десятерых. И обходился сам.

Просто, когда что-то случалось: хунхузы появились, или браконьеры, – он шел туда. А потом возвращался.

– И ни хунхузов, ни браконьеров?

– Именно.

– И жалоб никаких не поступало?

– А некому было жаловаться, Алексей Николаевич, – просто ответил Янковский. – Тайга, там все концы в воду.

– М-да. Вы же сами его и распустили. Сняли с хищника намордник.

Поляк вздохнул:

– Ваше обвинение справедливо. Впрочем, я за это был наказан.

– Скажите, когда вы поняли, кого приняли на службу, сами не начали его бояться?

– Начал, конечно. Мы, Янковские, люди храбрые. Я лично много раз рисковал жизнью. И, положив руку на сердце, отправил на тот свет несколько негодяев. А тут... Тут что-то особенное, чему любая наша, так сказать, обычная храбрость в подметки не годится.

– Тогда вы должны были даже обрадоваться, когда этот африканский дьявол вас покинул, – предположил Алексей Николаевич.

Поляк грустно посмотрел на него:

– Черт его знает. Женщиной было жалко до слез. Двадцать пять лет труда! Но зато этот человек исчез из моей жизни...

– Вы, помнится, отправились за ним в погоню.

– Какая погоня, я вас умоляю! Соврал вам в начале беседы, для спасения лица. Я, когда шел за ним по тайге, молился Деве Марии, чтобы не встретиться с негодяем лоб в лоб. Сайтани своим страшным браслетом чиркнул бы меня по горлу – и нет Янковского. Преследовал его один день, потом нервы сдали, я спрятался в заимке и неделю там пьянствовал. Затем только вышел к людям и объявил, что не нашел беглеца. А сам и не искал! Скажите, он действительно теперь в Казани?

– Да.

– Будьте с ним очень осторожны! Опаснее существа вы прежде не встречали.

Лыков повел плечами, словно подуло холодным ветром.

– Расскажите все, что знаете.

– Охотно, – отозвался поляк. – Вот еще одно свойство этого дьявола – он чувствует опасность.

– В каком смысле? Давайте говорить просто, без фантазий. А то вы из человека, который как все мы, вылепили сатанинское существо.

– Он не человек. Я объясняю, а вы никак не поймете. Насчет чувства опасности вот вам пример. На полуостров к нам пробрался тигр. И начал убивать пятнистых оленей, через день, как по календарю. Тигр был особенный, хитрый-прехитрый. Не удавалось его не то что убить, но просто заметить. Хотя мы люди бывалые, но этот случай оказался из ряда вон.

– Даже Сайтани сплеховал?

– Даже, – подтвердил собеседник. – Так вот. Мы неделю каждый день выезжали на границу полуострова и караулили там зверя. И все безуспешно. Вечером возвращались домой. Приходилось идти колонной в затылок друг другу по узкой тропе. При таком порядке рискует тот, кто замыкает. Мы знали, что тигр охотится за нами. Поэтому последним в колонне становился каждый из нас по очереди. Я, мой сын Юрий, другой сын Иван, Сайтани и объездчик по фамилии Лукин. В тот последний день была очередь Юрия замыкать. Вдруг Сайтани приказал Лукину поменяться с ним местами. Парень сначала заартачился: кому охота так рисковать? Но меломбуки ему заявил: или идешь в конец, или я тебя сейчас прямо здесь безо всякого тигра закопаю. Репутация у него была такая, что Лукин не посмел спорить.

– А вы? Промолчали? Позволили совершиться несправедливости? Ведь до сих пор было по-честному, рисковали все по очереди.

– Да, – сокрушенно ответил Янковский. – Потому что речь шла о моем сыне. Я подумал, что Сайтани своим дьявольским нюхом что-то учуял. И когда объездчик обратился ко мне за защитой, повторил приказ начальника охраны.

– Что получилось?

– Он опять оказался прав... Мы уже почти проехали полосу густого леса, где было опаснее всего. Я даже выбрался на опушку, впереди оставалось голое поле, а дальше дом. И тут тигр напал.

– На последнего?

– Да, на Лукина и его лошадь. Он вспрыгнул кобыле на круп и одним ударом лапы сломал всаднику шею.

– А потом?

– Потом прыгнул и был таков.

– Вы его не преследовали?

– Бесполезно, – покачал головой поляк. – Уже вечерело, лес, чаща...

Дай бог самим добраться до дома.

– И что потом вы сделали с тем тигром?

– А он ушел. Погубил человека и ушел, больше мы его не видели.

– Странная история...

– Все истории о Сайдани такие. И получается, что он спас жизнь моего сына. Еще и поэтому я лишь делал вид, что гонялся за ним по уссурийской тайге. Да, негодяй уничтожил мою лучшую плантацию женьшеня. Украл корней на семьдесят тысяч. Но корни можно вырастить снова, а сына не вернешь. Потому я не в претензии. Считаю, что легко отделался.

– Зато впустили в страну и помогли легализоваться такому зверю.

– Мало ли их в России? – отмахнулся Янковский. – Одним больше, одним меньше. Этот, конечно, особенный. Вот с кем не хотелось бы встречаться. Вообще, Алексей Николаевич, вы сильно влипли. Если ваш противник – Сайдани, дело плохо. Выгоните его как-нибудь из города и молитесь, чтоб не возвращался. Пусть идет куда угодно, лишь бы прочь от вас.

– Не могу. Он украл икону Казанской Божьей Матери, а мне приказали найти ее.

– Пусть тот, кто приказал, сам и ловит это дьяволово отродье.

Лыков встал, сделал вдох-выдох, размял плечи.

– Да, подсуропили вы империи, Михаил Иванович. Я много всяких нелюдей видел, но с дьяволом еще ни разу не боролся. Дайте приметы Сайдани.

Ответ поляка разочаровал сыщика. Янковский слово в слово повторил описание, которое дал атаману Иона Оберюхтин. Высокий, глаза серые, борода русая с проседью. Добавил только, что на теле у меломбуки множество шрамов от когтей хищников. «Поймаем – разденем и проверим, – подумал Лыков, – это поможет в опознании. Вот только как поймать?»

Глава 16

Охота на охотника

Алексей Николаевич вернулся в Казань с ощущением, что зря проехал пять тысяч верст. Рассказ Янковского не добавил ничего, что помогло бы отыскать главного злодея. А эти старческие шиканья, глупые страшилки? Вязальщиков – меломбуки, он четыре раза держал льва за кончик хвоста. Да неужели? Он сам так сказал? А свидетели подвигов остались в Африке. Жестокий, убивал направо и налево? Тоже ничего нового. Зверье, именуемое русскими уголовниками, извечно этим отличалось. Всю свою службу Лыков ловит таких и очищает землю. Для большинства знакомство с сыщиком закончилось печально. Вон в том же Забайкалье бесчинствовал некто Обыденнов по кличке Юс Маленький. Он мучил и убивал даже детей. А как пообщался с Алексеем Николаевичем, так остался висеть на дереве посреди тайги^[48]. Атаман режет противников какими-то хитрыми туземными ножами-браслетами? Да, опасное оружие. Лыков вон еле уцелел. Но ведь уцелел! Хотя нападение случилось неожиданно. Если бы противник был настоящим чертом, он добил бы безоружного сыщика в номере. Но хватило одного тычка, чтобы заставить его бежать с поля боя. Когда Алексей Николаевич опять встретится с Вязальщиковым, инициатива будет на его стороне. Вот и поглядим, кто из них двоих меломбуки...

В Казани за неделю отсутствия командированного ничего интересного не произошло. Поиски украденной иконы остановились: полиция ловила убийц четы Жирновых. Всех поставили на уши и в итоге поймали второго злодея, Костьку Каторжного. Посадили его в соседнюю камеру с подельником Жмулькой, и теперь следователь готовил обвинение для передачи в суд. Но спокойнее в городе не сделалось. Ночью на Евангелистовской улице стоял на посту городской Второй части Кондратий Бирюлев. Только что вернулся с войны, поступил в полицию, ответственный, исполнительный. По соседству, в ресторане Александра разгорелся скандал. Вышли пятеро пьяных и принялись браниться на всю улицу. Бирюлев начал их увещевать. Двадцатичетырехлетний крестьянин села Чегурчи Арской волости по фамилии Бочкарев не стал долго слушать. Он зашел сзади, вытащил у городского из ножен шашку и дважды ткнул в спину. Если бы нанес рубящий удар, постовой остался бы жив. Получил бы ранение, но уцелел. Однако негодяй колот концом шашки и достал

Бирюлеву до сердца. Тот скончался на месте. На войне выжил, а в мирной Казани погиб...

Не успели полицейские похоронить своего товарища, как под городом ограбили правительственную почту. Она везла в Малмыж деньги. Двадцать (!) всадников нагнали коляску, дали залп из револьверов по ямщику и почтальону, подрезали гужи и вырвали сумку с 22 682 рублями. После чего ускакали. В нападении подозревались ученики Казанского промышленного училища, члены партии эсеров.

Наконец пришла хорошая новость. Сарапульская полиция сообщила: при разгроме магазина Пешехоновой были схвачены Вареха и Шипов. Лыков съездил туда, допросил «иванов». Те отказались говорить про Вязальщикова: жизнь дороже.

Алексей Николаевич продолжил дознание единолично. Приехал Азвестопуло, покрутился и был отослан в Петербург. Лыков уже понял, что икону вряд ли удастся найти, и не хотел подставлять своего помощника. Делекторский вернулся к обязанностям околоточного. Поиск чудотворного образа затормозился. И питерец решил обратиться за помощью к жандармам. Как-никак в одном министерстве служат, пусть ударят пальцем о палец.

Он явился к полковнику Калинину и первым делом спросил, чем занят его временный помощник. Начальник управления ответил с раздражением:

– А кто его знает? Ротмистр Прогнаевский мне не докладывает. Приезжает, когда хочет, уезжает, когда вздумается... Вот сейчас отправился в Ковров.

– В Ковров? Он там икону ищет?

– Якобы да.

– Ну-ну, пускай проедется. Константин Иванович, думаю, нет смысла напоминать вам про мой открытый лист?

Жандарм молча кивнул.

– Тогда позвольте рассказать, что я сумел выяснить. И станет понятно, какой помощи я хочу от вас.

Калинин выслушал новости не моргнув глазом. Алексей Николаевич изложил самое важное. Что икона цела. Что, по всей видимости, она на руках у человека, известного под множеством фамилий. И этот загадочный преступник находится в Казани, где ворует оружие и боеприпасы с окружных складов. Когда сыщик упомянул, что краденое отсылается на Кавказ в обычных почтовых посылках, полковник оживился:

– А вот это интересно! Хорошо, что вы наконец соизволили зайти и поделиться сведениями, Алексей Николаевич. А то я наблюдал за вами

больше месяца, но вы все мимо и мимо. Навестили разок по приезде, а потом загордились. Нехорошо.

– В управлении есть материалы по моему делу?

– Есть, – веско ответил Калинин. Потом поднял трубку телефонного аппарата и сказал в нее: – Ротмистра Трескина ко мне с письмом из Баку.

Явился подтянутый, пахнувший одеколоном ротмистр.

– А, господин коллежский советник! Неужели и мы понадобились, сирые да убогие? – ядовито осведомился он.

– Покажите Алексею Николаевичу последнюю почту, – приказал полковник.

Трескин протянул сыщику служебную переписку с Бакинским ГЖУ. Кавказские коллеги сообщали, что конфисковали на почте восемь посылок, набитых оружием и патронами. Отправлены они были из Казани, из Забулачной почтово-телеграфной конторы, в город Шуша Елизаветпольской губернии. Две с револьверами – на имя Сафарова от Газиева, а шесть с разобранными винтовками – на имя Вахрамова от Камалова. Адрес отправителя на посылках не указан.

– Очень интересно, – прокомментировал Алексей Николаевич. – Удалось выяснить, кто эти люди?

– Личность Газиева определить невозможно, – ответил ротмистр. – Имя вымышленное, нет таких во всей губернии. А вот Камалов нам известен. Это бывший мулла, а теперь чистопольский мещанин. Живет там в собственном доме, род занятий не ясен, но деньги у него водятся. Мы установили за Камаловым наблюдение.

– Могу надеяться, что вы будете держать меня в курсе событий?

Трескин покосился на начальника. Тот ответил:

– Конечно, Алексей Николаевич. Хищение оружия с армейских складов напрямую нас касается. Мы взамен будем признательны вам за любые сведения. Давайте ловить негодяев вместе.

– Давайте!

– Слежка за Бармусовым что-нибудь дала?

– Пока нет, – вздохнул Лыков. – Днем обивает ящики, а вечером шляется по пивным, заговаривает с кем попало. Был раз у купца Давлетшина. Видать, долг с него получал – сразу на радостях отправился в «Восточную Баварию».

– Никаких посылок не пересылал и не принимал? – уточнил Трескин.

– Нет, все тихо. Полиция подставила ему осведомителя. За уволенной почтовой чиновницей Корноуховой тоже следят, пытаются выяснить, кому она передавала сведения. Пока и там, и там пусто.

- А что господа с оружейного склада? – вспомнил Калинин.
- Полицмейстер Васильев вызвал к себе управляющих всеми банками и провел с ними конфиденциальную беседу. На предмет наличия крупных денежных сумм у князя Вачнадзе и братьев Ляминых.
- И что? – насторожились жандармы.
- У князя в отделении Северного банка хранился депозит на сорок шесть тысяч...
- Ого!
- ...а у братьев на двоих семьдесят тысяч суммарно в трех банках.
- Ай да армейцы, – крикнул начальник ГЖУ. – А нам запрещают даже близко подходить к казармам. Что будем делать?
- Надо установить наблюдение за командированными, – предложил сыщик. – Все трое ревизуют запасы Пятьдесят седьмой резервной бригады, которая стоит в Саратове. Боюсь, назад они не вернутся, а попытаются скрыться. Перед отъездом воры сняли все деньги со своих счетов.
- Пятьдесят седьмая? – оживился Калинин. – Так случилось, что я знаком с начальником штаба бригады полковником Деникиным.
- Что вы хотите ему предложить? – уточнил питерец.
- Не предложить, а попросить. Чтобы он снабжал сведениями о ревизорах саратовское управление. А те будут пересылать нам. Мы хотя бы присмотрим за мошенниками.
- Чтобы офицер доносил жандармам на других офицеров? – Лыков с сомнением покачал головой. – Лучше пусть Саратовское ГЖУ наблюдает за ними собственными силами.

Они обсудили еще ряд вопросов, и коллежский советник ушел. Он был доволен. Полиции сейчас не до содействия петербургскому гостю. Вот пусть и подключатся голубые мундиры. Алексей Николаевич пересек Театральную площадь, где его недавно чуть не подстрелили. Затем с Большой Казанской повернул в Почтамтскую улицу – и застыл. Прямо перед ним стоял с папиросой боевик по кличке Янычар. Он поглядывал на сыщика с насмешкой, словно встретил доброго приятеля. Убедившись, что узнан, боевик зашел в чайную напротив. Не спеша, всем видом приглашая сыщика последовать за ним.

Лыков вынул «маузер» из подмышечной кобуры, и ему сразу стало спокойнее. Теперь-то он не будет постыдно удирать! Сыщик толкнул дверь ногой и вошел внутрь. Миновал шумную общую залу и оказался в чистой половине. Там сидели двое: боевик и какой-то замухрышка с редкими белесыми волосами и придурковатым лицом. Сыщик быстро оглядел незнакомца и обратился к Янычару:

– Ну, зачем поджидал?

Он был настороже, пытаясь понять, почему террорист так спокоен. Если это засада, то сейчас на него нападут сзади. Сыщик встал в угол, так, чтобы держать под прицелом и эту парочку, и дверь. Но никто не врывался.

– Да не дрейфь, – скрипучим голосом ответил Янычар. – Мы поговорить хотим.

– О чем?

Лыков сел за стол и положил рядом «маузер». В случае чего он схватил бы его за долю секунды.

– Ну? Говори. Хотя погоди, у меня к тебе вопрос. Ты только в спину умеешь стрелять? В лицо-то боишься? Кандаурова в спину убил, меня хотел...

Янычар презрительно улыбнулся и сказал напарнику вполголоса:

– Начинай.

Что тот мог начать? Сыщик оценил белобрысого и понял, что тот не боец. На всякий случай он протянул руку к оружию, но не успел. Парень пристально впился в «маузер» странным напряженным взглядом. И тот вдруг сам собой поехал к краю... Алексей Николаевич перегнулся через стол, но пистолет уже свалился на пол.

Эсер кинулся на сыщика, в руках у него блеснул короткий клинок. Лыков обежал стулья, уклоняясь от схватки – и тут же резким движением швырнул один из них в противника. Стул угодил боевику прямо в лицо. В последнюю секунду тот успел прикрыться, однако при этом выронил нож. Не давая противнику опомниться, питерец ринулся в атаку. Но опять вышла заминка: ноги его словно приклеились к полу. Он повернул голову: белобрысый не сводил с него того же пристального взгляда. Чертов гипнотизер! Коллежский советник всегда считал себя волевой натурой, которой любой магнетизм нипочем. Но парень с придурковатым лицом оказался сильнее.

– Пристукну, шваль! – пообещал врагу сыщик, и ему стало легче. Он смог сделать несколько шагов вперед. Однако дальше этого не пошло: ноги едва слушались. Тогда он нагнулся и начал шарить по полу в поисках «маузера». А когда нашел, в комнате уже никого не было: противники его убежали.

Минут пять Алексей Николаевич приходил в себя. Какая скотина этот Янычар! Вторая с ним встреча, и второй подряд конфуз. В третий раз надо бы отомстить...

Выдув рюмку водки, сыщик успокоился. Нового позора хотя бы никто не видел. Значит, можно о нем и не рассказывать. Зато в голову пришла

идея. Террорист бежал из окружной психиатрической лечебницы, куда его поместили для экспертизы. Парень с гипнотическими способностями наверняка оттуда же. Когда сыщик смотрел документы о побеге, там шла речь о двоих. Так-так...

Повеселевший Лыков вышел обратно на Большую Казанскую, подозвал извозчика и велел отвезти его к психам. Заведение представляло из себя целый городок и занимало обширное пространство между Немецкой Швейцарией и урочищем Подцека. Лечебница насчитывала четыреста пятьдесят коек и была одной из самых крупных в стране. В последнее время правительство стало присылать туда на обследование арестантов, выдающих признаки безумия. Многие из них, конечно, симулировали. Им грозило серьезное наказание за различные провинности, а террористам даже смертная казнь. И люди хватались за любую возможность, чтобы спастись. Поэтому охрану больницы пришлось усилить солдатами. Само заведение подчинялось Министерству внутренних дел, что сыщика вполне устраивало.

Лечебница состояла из четырех отделений: спокойное, беспокойное, трудное и буйное. В каком из них обследовался гипнотизер, Алексей Николаевич не знал. Он предъявил караулу свой полицейский билет и спросил, где найти главного врача. Ефрейтор повел столичного полковника в трехэтажное административное здание с домовою церковью посередине. Пока шли, питерец присматривался. Больница напоминала скорее тюрьму, нежели медицинское учреждение. Три больших лечебных корпуса соединены между собой крытыми переходами. На окнах решетки, дворы для прогулок окружены высокими заборами. И всюду витает общий казенно-карательный дух.

В приемной Лыкову оказались не рады. Директор, профессор Левчаткин, намеревался куда-то уходить. Он был одет в охотничью куртку с зелеными отворотами и напоминал средневекового барона, собравшегося на обзор владений. Увидев посетителя, профессор небрежно бросил:

– Я занят, обратитесь к моему помощнику.

И попытался пройти мимо Лыкова. Тот остановил его, вынул открытый лист и протянул «барону».

– Что это? – скривился тот.

– Извольте прочитать.

Директор со вздохом надел очки, глянул на бумагу и переменился в лице.

– Ой, простите! Я полагал, что...

– Что?

– Виноват. Полностью к вашим услугам, господин коллежский советник.

– Мне нужны сведения о вашем больном, коего я располагаю лишь приметам. Он сбежал из лечебницы вместе с эсером-террористом Васильевым. Может двигать предметы взглядом, обладает гипнотическими способностями.

– Сию секунду. Сам я в детали не лезу, много дел по общему управлению. Но мои помощники ответят на все ваши вопросы. Не желаете ли пока чаю? С коньячком, хе-хе...

– Нет, желаю скорее получить нужные сведения.

Левчаткин вызвал заведывающего беспокойным отделением доктора фон Штокфиша. Тот пришел в мундирном сюртуке с петлицами МВД, строгий и подтянутый. На вопрос, кто обследовал присланного из Пензы террориста, ответил:

– Я лично.

– Он симулянт?

– Определенно. В Пензе запел петухом, прикидываясь безумным. Все это было очень наивно. А его сразу сюда. Тут и без него забот хватает! Душевнобольных солдат с японской войны прислали двадцать человек. Лезут на стенку, кидаются на врачебный персонал. Такие типы, что хоть в учебник. Один ходил за лошадьми и однажды услышал, что те сговариваются его убить. Человеческими голосами, представляете? А теперь боится нас, докторов. Мол, лошади велели вам лишить меня жизни. И вообще, раз уж они решили, то придется умереть... Вот и лечи такого. Кроме того, сидят уголовники с политическими, и из них половина – симулянты.

– С Васильевым бежал кто-то еще, так ведь?

Доктор насупился:

– Подловить меня хотите?

– На чем?

– Вы, прежде чем ехать сюда, смотрели бумаги. Там все написано.

– Нет, знаете, мне было не до бумаг...

И Лыков кратко рассказал эскулапу, что с ним только что произошло в чайной. Фон Штокфиш развеселился:

– Да, приключение. А мы с такими бок о бок живем годами. Смотришь на него и думаешь: а что он выкинет в следующую секунду? Вчера, например, буйный Реверсов швырнул в меня кирпичом...

– И как?

– Увернулся, чай, не в первый раз.

– И все-таки, доктор: кто был тот второй? Тоже из ваших клиентов?

– Вы сказали, он белобрысый и лицо у него тупое? – уточнил заведывающий.

– Да. Я оценил его бегло и потерял интерес. Больше смотрел за террористом. Но парень быстро меня удивил. Скажите, неужели взглядом действительно можно двигать предметы? Слышал такие рассказы и не верил им, если честно.

– Правильно делали, что не верили. Люди не могут перемещать физические объекты взглядом. Зато сильные гипнотизеры способны уверить вас в этом.

– Погодите-ка, – обиделся сыщик. – Я видел своими глазами, как мой пистолет проехался по столу. И упал на пол.

– Вам это внушили, – терпеливо объяснил доктор.

– Но ведь я же потом подобрал оружие с пола!

– Возможно, когда вы елозили по столу, то сами уронили его.

– Вы уверены, господин Штокфиш?

– Уверен, господин Лыков. Явление пока только изучается наукой. Известный русский спирит Аксаков назвал его телекинезом, но термин еще не устоялся. А вашего обидчика зовут Алексей Малолетков. Он казанский мещанин и действительно бежал из нашей лечебницы вместе с Васильевым.

– Эти двое что, сдружились за время пребывания здесь?

– Да, Малолетков попал под влияние пензенского симулянта. Он человек простой и совершенно безобидный. Ему легко задурить голову, парень поддается чужому влиянию. Он, собственно говоря, не знает, что делать со своим магнетическим даром. И совсем ему не рад. Ко мне в беспокойное отделение попал случайно, я уже собирался отпускать Малолеткова домой. Он не опасен. А тут побег, да еще вместе с политическим убийцей. Погубит этот злодей мальчишку. Жалко, а что делать?

– Поймать обоих и разъединить.

– Это по вашей части, по полицейской. Вам и карты в руки.

– Так помогите мне. Где жил Малолетков? В вашем формуляре должно быть записано.

Доктор развернулся и на всех парах помчался по коридору. Коллежский советник едва поспевал за ним. Они ворвались в маленькую комнату с зарешеченными окнами. Фон Штокфиш приказал молодой женщине, сидевшей за столом:

– Авдотья Петровна, покажите господину Лыкову все, что он

попросит.

– Слушаюсь, Людвиг Францевич.

– Ну, с вашего разрешения дальше вы сами. А мне пора на обход.

Доктор торопливо пожал сыщику руку и убежал. А Лыков вынул записную книжку и попросил показать ему формуляр больного Малолеткова.

Гипнотизер оказался двадцати двух лет от роду. Казанский мещанин, проживал на Односторонне-Газовой улице, служил дровотаском при железнодорожном вокзале. В больницу попал по распоряжению подполковника Ахматова! Начальник железнодорожных жандармов узнал про странные способности парня и приказал его обследовать. Вдруг тот силой взгляда погнет рельс и учинит крушение? Тот самый случай, когда усердие не по разуму. В итоге дровотаск угодил в дом умалишенных, где его полудетская психика подверглась немалым испытаниям. И хитрый боевик воспользовался этим. Он вошел в доверие к казанцу и уговорил удрать вместе с ним. Для того, конечно, чтобы получить убежище на первое время. Теперь два беглеца шляются по городу. Авдотья Петровна подтвердила слова Штокфиша, что парень совершенно безобиден и просто попал в плохие руки.

В формуляре был указан адрес беглеца, а также фамилия родной сестры как единственной родственницы. Сыщик сделал выписки, поблагодарил и ушел.

Куй железо, пока горячо. Алексей Николаевич решил действовать по этому принципу. Он поехал в Архангельскую слободу. Дальше началась бестолковая маета. Квартирная хозяйка уже забыла, как звать Малолеткова. Вещи его давно забрала сестра; угол, что снимал дровотаск, заняли другие люди. Сестра Агния Кошкина, тридцатилетняя вдова, проживала в собственном доме в Кошачьем переулке – вот ирония! Она приняла сыщика настороженно и божилась, что не видела брата сто лет. Вот как отвезли его в лечебницу, так с тех пор и не видела. А у самой глаза бегали, будто у воровки.

Лыков плюнул и пошел на Воскресенскую. Кошачий переулок относился к Первой части. Сыщик попросил пристава Ловейко проследить за бабой, рассказав, для чего ему это потребовалось. И уже ночью, когда питерец спал, Валентин Семенович разбудил гостя со словами:

– Забирайте своего гипнотизера!

Коллежский советник оделся и пошел вниз. На скамье сидел Малолетков и ошарашенно озирался. Вид у него был помятый. Рядом стояли двое рослых городских.

– Как, ребята, вы его ухватили? Он меня взглядом к полу приклеил.

Ребята пожали широченными плечами и ответили, что ничего такого не почувствовали. Дали приказ взять парня в охапку, они и взяли. А эти барские штучки им нипочем...

– Ну, тезка, – обратился Алексей Николаевич к арестованному, – помнишь меня?

– Помню, – не стал отпираться тот. – А покушать у вас можно? А то в брюхе урчит...

Гипнотизер действительно оказался недалеким и беззлобным малым с простыми запросами. Лыков отвел его на квартиру Ловейко, пошарил на кухне по сусекам и накормил, чем смог. Голодный и немытый, беглый псих уплел остатки пирога и холодную картошку. Внизу в общей комнате имелся бак с кипятком. Алексей Николаевич принес оттуда полную кружку, Малолетков выпил ее и сказал:

– Благодарствуйте. А где тут у вас прилечь можно?

Растянулся на полу в гостиной, положив под голову диванную подушку, и через минуту уже захрапел. Квартирант предупредил Ловейко, что подселил к нему нового жильца, и тоже лег спать.

Утром гипнотизера отвели в баню, после чего накормили в соседней кухмистерской. Чистый и сытый, тот разомлел и глядел уже не так пришибленно.

– Тезка, – сказал ему сыщик, – я говорил насчет тебя с доктором Штокфишем. Помнишь его?

– Ага. Добрый.

– Он сказал, что ты сам не рад своему дару, мечтаешь от него избавиться.

– Рази это дар? Одна морока. Вот в больницу упекли, а за что? Рази я чего злого учинил?

Утром у сыщика родилась одна идея. Он вспомнил, что видел в газете объявление следующего содержания: «Преодолитель страха. Мгновенное господствование над всеми душевными волнениями. Имею дозволение врачебного инспектора Казанского врачебного округа. Георгиевская улица, дом Лихачевой, квартира 4. С совершенным почтением, Ф. Ситников».

– Давай поищем применение твоим талантам.

Они явились на квартиру к преодолителю страхов. Тот оказался пухлым мужчиной с лысиной и добрыми, немного бараньими глазами. Ситников сначала не понял, зачем он понадобился сыщику. Алексей Николаевич терпеливо объяснил: вот человек, умеет двигать взглядом предметы, обладает сильным природным магнетизмом. Но прост, как

ребенок, и сам не рад своим способностям. Нельзя ли его посмотреть и помочь?

Ситников испытал гостя. Тот легко катал по столу взглядом тяжелую серебряную папиросницу, заставил звенеть колокольчик. Лыков смотрел во все глаза, щипал себя за руку, но не заметил никакой подмены. Вещи и правда двигались под взглядом медиума! А преодолитель пришел в восторг:

– Послушайте! Давно хочу завести ассистента. Переходите ко мне. Рубль в день для начала я вам обещаю, а там и больше можно получать. Я внушаю людям полезные мысли. Но мне не хватает сильного гипноза, для тех, кому слов мало, а нужно полезное вбить в голову, словно кувалдой.

Дровотаск ошарашенно слушал и мотал головой. Рубль в день! За окаянный дар? Нет-нет, ни за что!

– Ты сколько на вокзале получал? – спросил у него сыщик.

– Десять рублей в месяц, с харчами.

– Вот. А тут рубль в день, и работа чистая.

– А че делать-то?

– Господин Ситников уже объяснил.

– Да я не понял...

– Он внушает пациентам разные полезные мысли. Как жить без страхов, в свое удовольствие. Психиатр, имеет разрешение от властей. А ты будешь помогать ему усиливать внушение. Если до кого слова не доходят, поддашь гипнозом.

– А-а...

– Не отказывайся, сначала попробуй. Если получится, у тебя будет занятие. Все лучше, чем поленья таскать.

Психиатр ел парня глазами и тоже убеждал соглашаться:

– Мы с вами вместе горы свернем. От клиентов отбоя не будет.

– А что, господин Ситников, многие приходят к вам, желая избавиться от страхов? – поинтересовался сыщик. – Общество настолько напугано?

– Да, люди идут косяком, – признал тот. – Время ужасное, революция изрядно повредила психику. Боятся разных вещей: бомбистов, увольнения от службы, новой войны...

– С кем?

– Чаще всего с англичанами. Но и германцев называют. Один мой пациент опасался войны с Аргентиной.

– М-да...

– Но, господин Лыков, как же мы с вашим подопечным станем работать? Он беглый, удрал из лечебницы, его ищут...

– Я поговорю с подполковником Ахматовым. Принудительное обследование, которому подвергли Малолеткова, незаконно и бессмысленно. Парень действительно не опасен, но легко поддается внушению. Пусть уж лучше вы станете его патроном, чем бомбисты-террористы.

Они вернулись в полицейское управление. Лыков чувствовал странную ответственность за простака, хотя тот участвовал в покушении на него. Гости сели за стол, Анна Порфирьевна угостила их компотом и вареньем. Дровотаск, казалось, мог есть без перерыва... Когда варенье закончилось, сыщик обратился к нему:

– Теперь рассказывай. Для чего ты сидел тогда в чайной?

– Так Виктор Платонович попросил.

– О чем?

– Ну, он станет вас убивать, а я должен помочь.

– Почему меня решили убить?

– А это эсеры, ваше высокоблагородие. Кто-то оружие ворует и боевикам продает. А вы, Виктор Платонович сказал, эти покражи хотите прекратить. Эсерам убытки. Вот их и попросили, значит.

– Где мне найти Васильева?

– Теперь не знаю, – почесал затылок гипнотизер. – Они покушение готовят на... Как его? Фамилия такая смешная.

– Кобеко?

– Вот-вот! – обрадовался парень. – На него, точно.

– Когда?

– А сколько сейчас время?

– Что, сегодня? – Сыщик в волнении вскочил.

Тут со стороны кремля раздался приглушенный расстоянием взрыв, и в окнах зазвенели стекла.

Глава 17

Эсеры и Фон-Самсон

– Сиди тут, никуда не уходи, – приказал Алексей Николаевич и побежал к полицмейстеру. Тот вместе со своим помощником Кошанским припал к окну, пытаясь что-то разглядеть.

– Это покушение на Кобеко! – крикнул им сыщик. – Ходу!

Все трое сбежали вниз и, толкаясь, сели в казенный выезд.

– Откуда вы знаете, что на Кобеко? – раздраженно спросил Васильев.

Сыщик хотел объяснить, но вовремя прикусил язык. Если сказать правду, то парня укатают за доносительство. И он ответил:

– Это догадка, на кого же еще?

Пока экипаж несея по Воскресенской, Лыков не находил себе места. Неужели скромного и трудолюбивого Дмитрия Дмитриевича убили? Казанцы тоже нервничали и торопили кучера.

Когда они примчались на площадь, первое, что увидели, – это стоящего возле памятника Александру Второму вице-губернатора. Жив! Дмитрий Дмитриевич прижимал к щеке платок, из-под которого обильно лилась кровь.

– Ну-ка. – Питерец бесцеремонно отвел руку Кобеко, осмотрел рану. – Пустяк, Дмитрий Дмитриевич! Вырван кусок мяса, небольшой. Заживет. Голова как, не болит? Контузии нет?

Кобеко топтался с ошарашенным видом. Казалось, он не понял вопрос. Но выяснилось, что просто не расслышал. Когда сообразил, ответил:

– Стукнуло сильно, я оглох на оба уха. Голова не болит. Вот только кровь течет и течет. Как бы ее унять, господа?

Лыков осмотрелся. Вокруг него в зданиях думы, гостиного двора и городского музея не осталось ни одного целого стекла. Посреди площади лежала и ржала лошадь, над ней с причитаниями склонился извозчик. Еще две лошади чуть дальше перебирали в волнении ногами, с их крупов капала кровь. К стене думы прижался спиной крестьянин лет сорока и жалобно скулил. Возле него потирали бока два господина в перепачканных пальто. Возле разбитой коляски был проложен трамвайный рельс. Силой взрыва из него вырвало кусок в два вершка. А рядом валялся завернутый в платок узел.

– Что это? – через всю площадь крикнул сыщик, обращаясь к

перепачканным незнакомцам. – Чей узел?

– Не трогайте, это бомба! – замахали те руками.

– Бомба?

– Да, она не взорвалась. Пусть поставят возле караул и вызовут военных!

Тут набежали со всех сторон городовые, доктор, судейские, появились жандармы. Кобеко увели в здание думы, где промыли и перевязали рану. После этого вице-губернатор отправился на службу.

Полковник Калинин лично допросил свидетелей. Самыми полезными оказались те двое, которых взрывом сбросило с крыльца думы. Они описали боевиков, поджидавших статского советника. Коляска приблизилась, и в нее полетели бомбы. Первая (как потом выяснилось, более мощная) не взорвалась. Вторая бабахнула на всю площадь. Осколки ранили Кобеко и извозчика, обоих легко. Шедшего мимо мужика сильно контузило. Ранения получили и три лошади. Сила взрыва была такова, что осколки бомбы перелетели через здание городского музея и упали на Толчке, за пятьдесят саженей от площади. В моторе трамвая номер сто сорок восемь в трех местах было пробито толстое железо. Вырвало кусок рельса, в здании управы сломало несколько оконных рам, а по улице Воскресенской до самого Александровского пассажа вылетели стекла по обеим сторонам. Однако в целом пострадавшие отделались легко: один снаряд не сработал, а сила взрыва другого ушла в землю.

Свидетели уверенно опознали по фотокарточкам бомбистов. Первый был пензенский террорист Васильев, второй – Михаил Зефилов, известный казанский эсер, тот самый, которого не удалось арестовать в театре.

Лыков вернулся в управление полиции лишь к вечеру. И увидел сидящего на своем месте Малолеткова. В суматохе он забыл о парне. Тот попросился в уборную, потом захотел есть. Никто в управлении не знал, как к нему относиться. Если человек арестован, то почему же Анна Порфирьевна лично угощала его компотом? Спросили у нее. Ловейко тоже затруднилась с ответом. Сказала: его обрабатывает Лыков и ведет себя доброжелательно. Давайте и мы так же поступим. В результате Малолеткову принесли пряников и даже позволили подержать незаряженный револьвер.

– Тезка, давай закончим, и пойдешь домой.

– А куда домой?

– К сестре.

– Не хочу туда, она бранится.

– За что? – любопытствовал сыщик.

– А за Виктора Платоновича. Говорит, он злой.
– Правильно говорит.
– А еще деньгами попрекает. Меня ведь обратно на железную дорогу не примут.

– Ты скажи ей, что нашел другую службу, гипнотизером. Рубль в день. Она сразу подobreет.

Непонятно почему, но Алексею Николаевичу не надоедало возиться с простодушным парнем, обладавшим разумом десятилетнего ребенка. Он хотел вытащить его из переплета, в который тот угодил, и пристроить. В результате они вдвоем пошли в Кошачий переулок. Сестричка сначала дичилась и ждала, когда полицейский уйдет, чтобы налететь на братца без свидетелей. Но, услышав про деньги, передумала. На рубль в день в Казани можно жить припеваючи, особенно если не платить за жилье. А тут на двоих целый дом.

Утром государь прислал Кобеко телеграмму со стандартными выражениями. Благодарю за службу и все такое... Врид губернатора теперь при выездах охраняли оренбургские казаки. Их перевели из летних загородных барачков в Журавлевские казармы, и в городе сразу сделалось спокойнее.

А Лыков опять остался ни с чем. Малолетков не сообщил ничего важного, поскольку сам ничего не знал. Янычар проживал на какой-то конспиративной партийной квартире. После покушения его спрячут так, что не найдешь. Ясно, что боевик связан с Вязальщиковым. Эсеры получали часть похищаемого им оружия. И когда ручеек обмелел, выполнили просьбу поставщика устранить виновника. Что делать дальше, как искать Сайтани?

Не придумав ничего лучше, Алексей Николаевич отправился в Родионовский женский институт. Там опять дождался Люпперсольского и спросил его:

- Борис Андреевич, а кто такие меломбуки?
- Откуда вы узнали это слово? – удивился путешественник.
- Нет, вы сначала ответьте.
- Так в племени масаи называют воинов.
- Обычных рядовых воинов?

Люпперсольский облизнул губы и рассмеялся:

– У них поручиков с полковниками нет! Есть вождь, а все остальные равны.

– Но вот я читал, что меломбуки – это лучшие воины. И свое звание они получают, когда четыре раза поддержат льва за хвост.

– Я тоже читал такие глупости. Уверяю вас, Алексей Николаевич, что это ерунда. Масаи храбрецы, спору нет. И охотятся на львов с бамбуковыми копьями и двухфутовыми кинжалами. Сам видел и даже участвовал. Но держать зверя за хвост! Это самоубийство. Он обязательно извернется, чтобы ударить того, кто сзади. Или хотя бы царапнуть. Следствием станет сепсис, неминуемое заражение крови. Средств против столбняка масаи не знают. И как, по-вашему, выживет меломбуки? А надо четырех львов изловить! Бред. Где вы это вычитали?

– У лорда Раффа.

– Я встречал его в Урунди. Надменный британец. Он не говорит ни на одном языке, кроме английского. А я знаю восемь! И кому вы поверите?

– Значит, вранье?

– Конечно, вранье.

Лыков ушел разочарованный. Он хотел рассказать Люпперсольскому, что встречался с Янковским – человеком, который принял загадочного русского абиссинца. Но передумал. Борис Андреевич иначе переводит слова, о которых его спрашивает сыщик. И сайтани у него не дьявол, и меломбуки просто воин. Что это означает? Надо справиться в Петербурге, в Русском географическом обществе. Там есть специалисты. Если казанский географ врет, то зачем? Или его приключения, как это часто бывает, сильно им преувеличены? И на самом деле он не знает туземных языков и отвечает, что в голову придет?

А может, все хуже, спохватился сыщик. Сведения, сообщаемые путешественником, каждый раз неточны. Подозрительно. Он искажает перевод слов. И пан Вацлав у него говорил по-русски с акцентом, а Иванов из казачьего взвода – чисто. Что бы это все значило? Но тут Алексей Николаевич вспомнил, что Люпперсольский помогал русской разведке. Полковнику Артамонову, например. И Таубе отзывался о нем хорошо, а барона не обманешь. И он снял подозрения с учителя географии.

Алексей Николаевич вернулся в номер, положил перед собой лист бумаги и стал рисовать на нем разные значки. Вот три кружка: один большой и два поменьше. Это мошенники из окружного артиллерийского управления. Оно лишь называется артиллерийским, а на самом деле заведует всем оружием, включая ручное, и всеми боеприпасами. Князь и два его сообщника организовали хищения со складов. Сбоку Лыков пририсовал три квадрата, один из которых помещался вверху. Это Вязальщиков и два «ивана» – Вареха и Шипов. Бандиты занимались непосредственно вывозом оружия. Далее шло неизвестное количество вспомогательных фигур. Они отправляли посылки, хранили краденое,

отвечали за связь с покупателями. Из них пока выявлены лишь Бармусов и отставной мулла Камалов. За обоими приглядывают, вдруг да повезет. Что может сделать он, Лыков? Начать ревизию на складах нельзя – генерал Карасс не даст разрешения. Значит, нужно написать в столицу, Трусевичу. В стране по-прежнему беспокойно, а тут прямо с окружающих складов вывозят револьверы и винтовки. По длинной цепочке через Столыпина и Редигера бумеранг долетит до глупой головы Карасса и больно в нее ударит. Тогда начнется ревизия, но не будет ли уже поздно? Ведь помимо князей и титулярных советников, в кражах участвовали ефрейторы, фельдфебели и прочие рядовые исполнители. И сейчас все они по команде Вязальщикова тщательно заматают следы.

Лыков подумал-подумал и решил сделать в комнатах Вачнадзе негласный обыск. На это требовалось разрешение полицмейстера. Алексей Иванович давно уже отвлекся от дознания питерца, пришлось объяснять ему, куда оно зашло. Поняв ситуацию, Васильев вызвал держателя «Купеческих номеров» и приказал ему пустить в комнату уехавшего жильца сыщиков. Дело было щекотливое: князь – человек военный, городской полиции не подотчетный. Но с полицмейстером лучше не спорить, иначе понадобится однажды продлить патент, а там шиш... И держатель согласился.

В одиннадцать часов пополудни, когда большинство жильцов уходит по делам, в номер подполковника зашли Лыков и Ловейко. Алексей Николаевич давно не видел такого беспорядка. А еще офицер! Всюду были разбросаны вещи и разного рода безделушки. Тут и там попадались пустые бутылки из-под кахетинского, грязные стаканы, обрывки каких-то бумаг. Их Алексей Николаевич изучил особенно тщательно и был поражен. Вачнадзе хранил в гостинице секретные документы о наличии на окружающих складах боеприпасов и ручного оружия.

Ощущение было такое, что князь собирался в командировку на бегу. И, возможно, не думал возвращаться. Еще бросалось в глаза множество дорогих мелочей: сигаретницы, брелоки, пепельницы из уральских камней, серебряный письменный прибор, кинжалы на ковре... Не у каждого генерала такое водится, а тут какой-то подполковник.

Полицейские обыскивали номер два часа. Никаких тайников они не обнаружили. Уличающих князя бумаг – тоже, если не считать секретных документов, которые полагалось хранить на службе. Лыков забрал только визитную карту, на которой под дворянской короной стояло: «Аксель Карлович фон Самсон-Гиммельстерн». Что еще за Фон-Самсон? Фамилия чересчур заковыристая, чтобы быть настоящей. Подобные титулы любят

присваивать всякие мошенники, каторжные шулеры и авантюристы.

Ловейко уверенно заявил, что среди жителей Казани такого господина нет. Коллежский советник попросил Валентина Семеновича поискать его в адресном столе, среди приезжих. К вечеру выяснилось, что фон Самсон-Гиммельстерн приезжал в город в середине апреля. И неделю прожил в номерах «Россия» на Гостинодворской. При заселении он назвался доверенным акционерного общества «Южно-Русский пороховой завод». Почему бы начальнику отдела огнестрельных припасов не общаться с производителем пороха? Деловые переговоры или что-то в этом роде. Но Лыков вцепился в загадочного дельца мертвой хваткой. Ему пришла в голову мысль, что тот мог посетить и казенный пороховой завод. Возле него раскинулись две жилых слободы, а на самом предприятии имелся дом для приезжих. Может быть, доверенный останавливался там?

Казанский пороховой завод – вещь в себе. Там заправляют военные, причем они подчиняются не генералу Карассу, а напрямую военному министру. Здесь уже сто двадцать пять лет производят порох. На огромном предприятии даже имеется собственное офицерское собрание, не связанное с окружным. Царь и бог взрывоопасного места – генерал-майор Лукницкий. Только он может помочь сыщику в его дознании. А письмо Редигера, которым перед отъездом в Казань снабдили Алексея Николаевича, адресовано не ему, а Карассу. Как быть? Телеграфировать в Петербург, чтобы прислали новое письмо? Или идти наудачу, надеясь на здравомыслие Лукницкого?

Лыков поймал Анну Порфирьевну и спросил, какова в городе репутация генерал-майора. Та успокоила: умный, трудолюбивый, честный. И питерец решил рискнуть. Но на всякий случай облачился в мундир. Люди в погонах, которые делают порох, – это совсем не те, кто ходит в атаку с шашкой наголо. Им часто свойственно обостренное чувство собственной неполноценности. Известно: чем больше ворует интендант, тем воинственнее он выглядит. И лучше одеться официально.

Путь к заводу лежал через Ягодную слободу. Потом пошли Дальняя и Ближняя Пороховые слободы. Строения в них были преимущественно деревянные, но главная улица вся оказалась застроена каменными домами. Сыщик разглядел также православный храм, мечеть, школу, амбулаторию, почтовое отделение, лавки и магазины... Наконец показался въезд на сам завод. Правда, кроме нарядной арки с караулом, взору ничего не открылось. Территория была обнесена лесопосадкой, а справа от арки виднелись низкие земляные капониры. Там, скорее всего, погреба, сообразил сыщик. Его полицейский билет вполне удовлетворил часовых. Пролетка двинулась

по аллее и ехала еще минут десять. Ай да хапнули земли фабриканты пороха! Понятное дело: опасное производство следовало увести подальше от жилых строений.

Наконец лес раздвинулся, и Лыков увидел целый город. Дымила высокая труба собственной электростанции. По собственной железнодорожной ветке со свистом летел собственный паровоз. Дома заводоуправления, офицерские флигели, административные здания были широко разбросаны по огромному полю, а за ними вдалеке угадывались производственные корпуса. Часть строений были капитальные, из кирпича, часть из волнистого железа. Размах!

Командир завода жил в двухэтажном доме на главной аллее. Часовой у входа вытянулся, не издав ни звука. В приемной сыщика встретил строгий поручик в очках, больше похожий на ученого, нежели на офицера. На кителе у него был университетский знак – большая редкость среди военных.

– Кто вы и с какой целью прибыли? Вы телефоновали генерал-майору?

– Нет, я приехал на авось. Позвольте представиться: коллежский советник Лыков из Департамента полиции. Я в Казани с августейшим поручением...

Алексей Николаевич сжато сообщил поручику, что ищет расхитителей оружия с окружных складов. И ему необходимо проверить одного подозрительного коммивояжера, связанного с производителями пороха. Для убедительности предъявил и свой открытый лист.

Тут поручик удивил питерца. Он сообщил то, что тот мог бы и сам выяснить давным-давно. Оказалось, что окружные оружейные склады находятся на территории, приписанной к пороховому заводу. Далеко от цехов, но на заводской земле. У них свой караул, не подчиненный Лукницкому, и свои системы обеспечения. Но, поскольку земельный участок принадлежит предприятию, его охрана пикетирует склады по внешнему периметру. Это была важная новость для Лыкова. Если он найдет понимание у Лукницкого, то можно будет с его помощью наладить незаметное наблюдение за складами без содействия Карасса.

Очкарик оказался деловит и сообразителен. Он представился:

– Я адъютант командира завода поручик Самоквасов. Сам генерал-майор сейчас находится в серном магазине. Будет здесь через сорок минут. Соболаговолите подождать?

– Конечно, я же без предупреждения.

– Ваше открытое письмо адресовано чинам Министерства внутренних

дел. По линии Военного министерства бумаг не имеете?

Алексей Николаевич заколебался. Разговор о конфликте с командующим войсками округа он заготовил для Лукницкого, стоило ли начинать его с поручиком? Но Самоквасов так умно смотрел из-за толстых линз, что коллежский советник решился. Он вынул письмо Редигера и объяснил, как у них с генералом от инфантерии не сложилось взаимопонимания. Адъютант забрал оба письма и отнес в кабинет командира. Сказал:

– Я изложу то, что услышал, Всеволоду Всеволодовичу. Немотивированные подозрения в адрес офицеров никому из военных не нравятся. И нам с ним тоже. Но это если немотивированные. Вы не подполковника Вачнадзе подозреваете?

Лыков опешил:

– У вас тоже есть догадки?

– Это к генерал-майору, – вежливо парировал Самоквасов. – Он решит, что говорить чиновнику из Департамента полиции. Но Всеволод Всеволодович – человек с государственным мышлением, ему междуведомственные дразги неинтересны, он за правду. Уверен, что вы с ним договоритесь. А пока почитайте газеты...

Лыкова охватила дрожь нетерпения. Неужели он пришел по адресу? Ведь генерал Карасс тоже неглупый и порядочный, он далеко не солдафон. За турецкую войну награжден золотым оружием! Но вот сунул палки в колеса и считает себя правым... Каков другой генерал, Лукницкий, сыщик скоро узнает. Он унял себя и стал листать газеты, что лежали в приемной.

Верхняя называлась «Казанский вечер». Алексей Николаевич открыл раздел новостей. Музей восковых фигур Тихонова в саду «Тиволи» приглашает посетителей, вход десять копеек. В анатомический отдел дамы пускаются по пятницам. Ишь, неприличные подробности им подавай... Разыскивается сбежавший из Киевского кадетского корпуса Дмитрий Соболевский пятнадцати лет. Имеет обыкновение с революционными целями переодеваться в женское платье. При чем тут революционные цели? Это скорее к психиатру. Бывший диктатор генерал Трепов, по слухам, отравлен растительным алкалоидом, повар арестован. Глупости, у Трепова было больное сердце. В привезенном в Москву чучеле кита спрятано десять тысяч револьверов для террористов! Бред, бред...

Сыщик перешел в раздел политических новостей. Здесь его ждало еще большее разочарование. Например, за чистую монету выдавалось следующее сообщение из Жлобина. Там хоронили умершего рабочего. Похоронная процессия мирно шла по городу, казаки и конная полиция

окружали ее. Ну, в беспокойные времена нужно... Вдруг прогремел провокационный выстрел. Автор заметки не стал уточнять, кем он был сделан, но явно не городовым. Царские опричники как будто только этого и ждали. В толпу полетел шквал пуль. Безоружные люди начали в панике разбегаться, но их догоняли и рубили шашками. Кровь рекой лилась по мостовым Жлобина. Когда все закончилось, оказалось, что десять человек мирных демонстрантов были убиты и пятнадцать ранены. Посреди улицы остался гроб с телом рабочего...

Что за идиотизм? Коллежский советник знал уже эту манеру «свободной» бесцензурной прессы. Она беззастенчиво марала власть, выливая на нее ушаты вранья, которое сама же и сочиняла. Масштаб лжи поражал: борзописцы как будто упражнялись в том, кто хлеще соврет. Как полицейские могли рубить толпу шашками, если по всей империи они у них не заточены? Единственное, что может сделать конный, – ударить плашмя, последней третью клинка. Будет порядочная гематома. Но ранить и тем более убить так невозможно. Но писаки этого не знали и состязались в глупости.

Следующая «новость» оказалась из того же ряда. В Гродно власти решили этапировать из местной тюрьмы осужденных. Перед воротами собралась большая толпа родственников, чтобы проводить несчастных на вокзал. Но снова кто-то в кого-то выстрелил. И началось! Сатрапы заранее приготовили роту солдат, разместив их скрытно во дворах по обеим сторонам площади. Вояки начали залпами расстреливать толпу. Интересно, как они при этом не перебили друг друга? Но такая сложная мысль не помещалась в утлом черепе «очевидца». По его словам, безоружные люди в панике, под залпами, побежали спасаться в ближайшие дома. Но рота негодяев не унималась. Они выстроились напротив того дома, в котором укрылись несчастные, и полтора часа лупили в него из винтовок. Удивительно, какой боезапас прихватили с собой солдатики! При уставном темпе стрельбы им должны были без перерыва подвозить патроны на двуколках... «Очевидец» продолжил живописать свои «наблюдения». По счастью, сообщил он, люди догадались лечь на пол. Так и пролежали все полтора часа, слушая свист пуль над головой. Во всем доме погибли только два человека. Больной старик не смог сползти с кровати на пол и был застрелен. Как же это удалось сатрапам, если он лежал? Видимо, пуля залетела в окно по навесной траектории, вопреки законам баллистики. А второй жертвой, естественно, оказалась молодая мать. Она кормила ребенка грудью и была убита наповал...

Лыков в ярости чуть не плюнул и отбросил газетенку. Поручик

усмехнулся и протянул ему другую:

– Не нравится левизна? Попробуйте правую. Но вряд ли она умнее.

Этот орган печати назывался «Казанский телеграф», и он действительно оказался противоположного направления. Внимание Алексея Николаевича привлекла заметка «Четверо против восьмидесяти». В городе N. возвращался в казарму патруль – три пехотинца под командой ефрейтора. Они проходили мимо здания, в котором восемьдесят революционно настроенных рабочих обсуждали планы свержения монархии. Увидев в окно патруль, один из них, самый духовой, выбежал на улицу и попытался вырвать винтовку у солдата. Рассчитывал, наглая рожа, что воины испугаются такого численного превосходства и отдадут рабочим оружие без боя. Но не на тех напал! Солдат прикладом свалил подлеца на землю. Явились остальные семьдесят девять человек и окружили патруль плотным кольцом. Да всё с угрозами... Но храбрый ефрейтор хладнокровно ответил, что их четверых вполне достаточно, чтобы перебить всю толпу. И приказал зарядить ружья. Трусливые бунтовщики в панике разбежались.

Лыков попробовал представить это в жизни. Четыре человека с винтовками. Их обступила враждебно настроенная толпа. Если попытаться дослать патрон в патронник, то ничего не выйдет. Тебя тут же схватят десятки рук и насадят на твой же штык. Ведь глупость, совершенная глупость вся заметка! Дурь с обратным знаком. Но для истины какая разница, слева или справа прилетело вранье? Оно же не сделалось из-за добрых побуждений правдивее. Оба лагеря состязались в сочинении лжи. Сыщик в сердцах отбросил и эту газету и посмотрел на часы. Поручик Самоквасов сказал:

– Генерал не имеет привычки опаздывать, он будет здесь через шесть минут.

Действительно, ровно в указанное время послышались энергичные шаги, и в приемную вошел подтянутый генерал-майор с короткой седой бородкой.

– Здравствуйте. Вы ко мне?

– Да, ваше превосходительство. Я изложил суть дела адъютанту...

– Тогда я приму вас, как только ознакомлюсь с его докладом.

Лыков подождал совсем немного и был приглашен в кабинет. Поручик впустил полицейского, но сам не ушел, сел сбоку. Командир завода начал:

– Павел Иванович, – кивок в сторону Самоквасова, – сообщил мне о вашем деле. Теперь я хотел бы услышать все из первых уст. Называйте меня Всеволод Всеволодович.

– Слушаюсь. Я прибыл в Казань по поручению императрицы, дело касается похищенной два года назад чудотворной иконы...

Генерал, не выказав удивления, внимательно слушал. Сыщик продолжил:

– Станным образом поиски иконы вывели меня на преступников, которые, по всем признакам, воруют с окружных складов оружие и боеприпасы. Под подозрение попали подполковник князь Вачнадзе и военные чиновники братья Лямины. Когда я обратился за содействием к командующему войсками округа и показал ему письмо военного министра, то вместо содействия получил отказ.

– Почему? – спросил Лукницкий.

– Полагаю, из-за неверно понимаемого чувства корпоративной чести.

– Это водится за Иваном Александровичем, – согласился генерал-майор. – Продолжайте.

– Время уходит, злоумышленники заматают следы, а командующий противится дознанию, – начал горячиться коллежский советник. – Вся троица уехала на ревизию в Саратов, на целый месяц. Когда они вернутся – если вернутся, – все уже будет подчищено. В стране неспокойно, она переполнена оружием, из которого каждый день стреляют. Разумеется, я написал своему начальству, и оно дало ход рапорту. Но ведь сколько времени пройдет, пока бюрократическая машина провернется. Поэтому, Всеволод Всеволодович, прошу у вас содействия. Тем более что оружейные склады, с которых воруют, находятся на территории вашего завода.

– Какую именно помощь вы желаете получить от меня?

– Обеспечить наблюдение за тем, что происходит на складах.

– Мы и так за ними наблюдаем, – возразил Лукницкий.

– Да, с внешней стороны. Поймите, чего я опасюсь. Ведь с давних пор любимый способ жуликов замести следы – это устроить пожар.

Поручик вскрикнул, а генерал нахмурился. Через секунду командир завода заговорил, тщательно подбирая слова:

– Ваше предположение чудовищно. Но что, если в нем есть хоть гран

правды? Все же взлетит на воздух: и окружные склады, и наш завод, и жилые слободы в придачу!

– О том и речь, Всеволод Всеволодович. Человек, которого я ищу, способен на любое преступление. На любое!

– Это князь, что ли? – удивился генерал.

– Вачнадзе просто жадная дрянь, забывшая о чести. Нет, тут верховодит другой человек. У него много имен. На Нерчинской каторге, например, он жил под фамилией Вязальщиков.

– Вязальщиков? – командир покачал головой. – Не слышал о таком.

– Он может быть где угодно и под любой личиной. Кроме того, у него есть сообщники. Некоторых мы уже схватили. Но обороты хищений большие, Вязальщиков легко купит других. Например, есть некий Самсон-Гиммельстерн. Я нашел его визитку в комнате Вачнадзе. Необходимо проверить, что это за личность. Есть подозрения, что Гиммельстерн посещал ваш завод. Или останавливался в городке, а может быть, в слободах.

– Аксель Карлович его зовут? – спросил генерал и полез в ящик стола. – Вы такую визитку нашли?

Сыщик глянул и подтвердил:

– Да.

– Жулик! – убежденно заявил Лукницкий. – Я выгнал его из кабинета и приказал больше сюда не пускать. Так он к князю пошел, мерзавец!

– Выгнали? – оживился сыщик. – За что же так уважаемого негоцианта?

– А он предложил мне продать за границу вагон-другой пироксилинового пороха, – пояснил с раздражением генерал. – Из неучтенных запасов! А выручку положить себе в карман.

– За границу? Уж не в Абиссинию ли?

Командир завода пристально посмотрел на гостя:

– А вы не зря едите ваш хлеб, Алексей Николаевич! Да, речь шла именно про Абиссинию. Самсон-Гиммельстерн сообщил, что это частный гешефт Южно-Русского порохового завода. Но он якобы негласно одобрен правительством, поэтому никаких препятствий для отправки бездымного пороха туда не будет.

– И вы послали Фон-Самсона куда подальше?

– Прямо по матери.

Лыков помолчал, обдумывая услышанное, потом сказал:

– Вязальщиков и Фон-Самсон могут быть одним и тем же лицом. Как выглядел ваш гешефтер?

– Высокий, смуглый, очень уверенный. И какой-то неприятный. Чувствовалось, что у наглеца есть второе дно. И что он имеет богатый послужной список. Бывалый человек, это заметно.

– Он! – обрадовался сыщик. – Вот наглость... Но и сообразительность тоже.

– В каком смысле? – насторожился генерал.

– Он лишь один раз зарегистрировался в Казани под этой фамилией. Но наверняка живет здесь уже несколько месяцев. Полагаю, Фон-Самсон поселился где-то в Пороховых слободах. Они не подведомственны казанской полиции – очень удобно прятаться.

Лукницкий покосился на адъютанта. Тот снял трубку телефона, набрал две цифры и сказал:

– Срочно выясните, проживает ли в городке или в одной из слобод Аксель фон Самсон-Гиммельстерн. Записали? Доложить генералу немедленно.

Сыщик спросил:

– Вы дали поручение коменданту?

– Нет, – ответил Всеволод Всеволодович. – Тут все-таки секретное производство! Я учредил собственную службу безопасности. Негласную, конечно. Казенных денег ведь на это не дадут. Трачу из сэкономленных сумм, иногда добавляю свои. Если начальство узнает, меня накажут.

Лыков понимающе вздохнул: эх, Россия...

– Вернемся пока к князю Вачнадзе, – сменил тему генерал. – Наши караулы наблюдали подозрительную суету на складах ручного огнестрельного оружия. Обычно выемки или пополнение запасов делаются днем. А тут в сумерках приезжают возы, солдаты вместе с темными личностями их грузят... Я по-дружески рассказал об этом Карассу. Но тот лишь отмахнулся.

– А вы чем объясняете такую близорукость?

– Карасс сказал, что полностью доверяет своему начальнику артиллерийского управления. Но думаю, есть и другая причина. Коллеги из Казанского военного округа не считают нас, кадр порохового завода, офицерами. Хотя мы имеем офицерские чины, они относят нас к военным чиновникам. Дураки! Попробовали бы они воевать без нашего пороха!

Чувствовалось, что такое отношение коллег для Лукницкого оскорбительно. Он продолжил с раздражением:

– Военное собрание казанского гарнизона не выдвигает нас на выборные должности. Более того, мы даже не участвуем в голосовании. Ходим – слава богу, нас еще пускают, – но без удовольствия. Неприятно

чувствовать себя человеком второго сорта. В том числе поэтому мы учредили собственное собрание. Оно, кстати, умнее казанского. Среди наших офицеров много лиц с высшим специальным образованием, и зимние доклады вызывают полемику, научные споры и переписку со всей Россией. Павел Иванович вот, например, с отличием закончил физико-математический факультет Петербургского университета по естественному разряду. А сейчас готовится к поступлению в Михайловскую артиллерийскую академию.

«То-то очкарик сразу мне понравился», – подумал Лыков.

– Поэтому командующий войсками округа и не отреагировал на мои предостережения, – закончил объяснение Всеволод Всеволодович. – Ну, уж после этого я не знал, куда еще обратиться.

– А почему не сообщили жандармам?

Генерал поморщился:

– Вы общались с полковником Калининым?

– Да. Он неглупый человек.

– Не дурак, это точно, – усмехнулся хозяин кабинета. – Но интриган, каких мало. Нет, с ним иметь дело я не хочу. Вот с вами готов.

– А вдруг я тоже интриган и карьерист?

– Мне шестьдесят один год, и я уже научился разбираться в людях. Так что, Алексей Николаевич, давайте-ка выпьем чаю, пока мои контрразведчики выясняют про Фон-Самсона. И обсудим план совместных действий.

Лыкову очень захотелось выпить чаю в такой компании. Умные и деятельные люди изготавливают порох в Казани. Наконец-то у него появились достойные союзники.

Через полчаса в кабинет без стука зашел высокий и стройный капитан, тоже в очках. У этого на мундире было аж два знака: университетский и академический.

– Нашли, Всеволод Всеволодович.

– Знакомьтесь, господа, – поднялся Лукницкий. – Это коллежский советник Лыков Алексей Николаевич из Департамента полиции. Дознает хищения оружия на окружных складах. А это заведующий секретным отделом заводской канцелярии капитан Шарпантье Лев Анемподистович.

Представленные пожали друг другу руки, и все сели.

– Итак, живет у нас этот хлыщ? – осведомился у капитана генерал-майор.

– Живет как ни в чем не бывало, – ответил тот. – Сначала снимал комнату у Студёнкина из бездымного отделения. Потом перебрался к

Яхьину из охотничьих порохов.

– Который Яхьин? – уточнил генерал. – Галимзян или Киямутдин?

– Галимзян.

– Это хорошо. Где сейчас квартирант?

– Три дня назад выбыл по делам в Киев, к начальству поехал^[49], – сообщил Шарпантье. – Ну, он так объяснил...

– Ясно. Алексею Николаевичу требуется осмотреть комнату и вещи Фон-Самсона...

– Кого? – не понял капитан.

– Ну, этого проходимца. Так его назвал Лыков; мне нравится.

– Понял, Всеволод Всеволодович. Прикажете сопровождать?

– Да. Поищите как следует, а потом сюда на доклад. Оба!

– Слушаемся! – весело ответил за двоих сыщик. – А на довольствие поставите?

– Если отличите пироксилиновый порох Вьеля от баллистида Нобеля, кордита Абеля и пироколлодиевого пороха Менделеева – Чельцова^[50], – ответил генерал. И добавил: – На ощупь, батенька, на ощупь... Или на вкус.

Коллежский советник вышел, сопровождаемый капитаном. У крыльца стоял старомодный, но крепкий ландолет^[51]. Однако, подумал Лыков, у генерала все работает, как часы. И люди отборные. Посмотрим, каковы они в деле.

Дом Яхьина находился на Грязнушке, в Дальней Пороховой слободе. Пока ехали туда, Лыков спросил спутника:

– Скажите, неужели вашего отца звали Анемподист Шарпантье? Извините мое любопытство, но как-то необычно.

Капитан улыбнулся:

– Я понимаю. Мне часто задают этот вопрос. Дело в том, что отца, круглого сироту, усыновил Морис Шарпантье, потомок солдата Великой армии. Тот попал в плен и остался в России; подобных, вы знаете, были тысячи. А природная фамилия папаша – Редькин. Его отец, а мой родной дед выслужил чин статского советника, имел дом в Казани. В доме случился пожар, родители сгорели заживо. А единственного сына успели выбросить в форточку... Ну и француз пожалел ребенка, усыновил, дал образование. В итоге я теперь ношу такие странно сочетающиеся фамилию и отчество.

Хозяин дома был на смене, гостей встретила его жена. Шарпантье сказал ей спокойно:

– Мы посмотрим вещи вашего жильца. Это приказ генерала.

Татарка молча зажгла керосиновую лампу и повела гостей во внутренние комнаты.

По пути Лев Анемподистович объяснял питерцу:

– У татар чище, чем у русских. Тараканов с клопами не бывает. Поэтому многие приезжие снимают у них комнаты. В коренных татарских слободах – Старой и Новой – приезжие, конечно, не селятся. Но сейчас иноверцы свободно размещаются в Пороховых и в Адмиралтейской. И сдача комнат внаем – распространенный промысел.

В покоях жильца хозяйка поставила лампу и удалилась. А капитан с коллежским советником приступили к обыску.

Почти тут же Шарпантье нашел главную улику. Он выдвинул ящик комода, извлек из него два предмета и спросил удивленно:

– Алексей Николаевич, что это? Какие острые...

Лыков взял в руки два узких браслета с зигзагообразными кромками. Повертел и положил на стол.

– Этим оружием меня чуть было не убили.

– Оружием?

– Да. Никогда не подумаешь, правда? Вы видите смертоносные браслеты, которыми африканское племя туркана очень ловко орудует в ближнем бою. Вот, полюбуйтесь на их работу.

Сыщик задрал рукав и показал капитану глубокие, плохо заживающие раны на левом предплечье.

– Он целил в горло. Одним движением запястья гортань рассекается, и конец. По счастью, я уже знал об этих браслетах. И видел убитых ими. Успел заслониться, потому и жив до сих пор.

– Он – это Самсон-Гиммельстерн?

– У преступника много имен. Вязальщиков, Сайтани, Иванов, пан Вацлав, Поповский, теперь вот Фон-Самсон. Доказательство, что именно он жил здесь, вы извлекли из комода.

– Как же быть? Если мы заберем его штуки, он догадается про обыск.

– Я их, безусловно, конфискую, – ответил Лыков. – Тут не штуки, а орудия убийства. В одной только Казани ими прикончили четырех человек.

– Ну и ну... – удивился капитан. – В газетах ничего не писали.

– В полицейских отчетах тоже. Но уж поверьте.

– Значит, вы хотите установить на квартире засаду? – сообразил Шарпантье. – Мы можем помочь. У нас в вольнонаемной охранной команде есть подходящие люди. С боевым опытом, храбрые.

– Нет, Лев Анемподистович, это дело полиции. Вязальщиков слишком

опасен. При задержании все может случиться.

Они продолжили обыск, но безрезультатно. В комнате отыскиались прејскуранты Южно-Русского порохового завода, деловые телеграммы и письма. Видимо, Сайтани для маскировки действительно проворачивал иногда операции с охотничьим порохом. Переписку Лыков на всякий случай тоже забрал – вдруг это шифр для связи с сообщниками? Уже перед самым уходом ему попался номер газеты «Волжский листок». Ага! Сыщик начал смотреть газету на просвет, гладить бумагу пальцами и в конце концов нашел, что искал. В колонке объявлений о сдаче жилья внаем имелось одно, помеченное крохотным булавочным проколом.

– Видите, Лев Анемподистович? Это обычный прием уголовных. Так-так... Сдается комната в доме номер тридцать пять на углу Московской и Посадской улиц. Вот наглец! Это же напротив Второй полицейской части. Он нарочно хочет поселиться поближе к тем, кто его ищет. Думает, никому в голову не придет посмотреть в окно. Теперь придет!

Капитан с коллежским советником вернулись в дом командира завода. Алексей Николаевич разложил свои трофеи на столе у генерала. Тот стал крутить браслеты в руках и тут же порезался.

– Черт, они как бритвы!

Сыщик и ему продемонстрировал свою раненую руку.

– Теперь поняли, что это за негоциант? Я помещу в дом Яхьина не менее четырех полицейских. От вас жду помощи с наблюдением за складами.

– Поможем, – уверил его Лукницкий. – В сами склады мои люди заглянуть не могут, но жизнь-то идет своим чередом. Наши солдатики обмениваются с интендантским караулом табаком, чешут языком. У некоторых вполне дружеские, соседские отношения. Лев Анемподистович даст задание самым умным, пусть посмотрят внимательно.

Генерал откашлялся и добавил:

– А я, пожалуй, напишу частное письмо своим товарищам в артиллерийскую инспекцию. Мол, на складах у Карасса творится что-то неладное. Так и собирался поступить, пока вы не явились и не объяснили, что к чему... – Потом обвел собеседников строгим взглядом: – Надеюсь, никто не сочтет это за донос?

Глава 18

Смерть Делекторского и последующие события

Вечером Лыков предъявил свои трофеи полицмейстеру:

– Вот те самые орудия преступления. Вырвали жало у змеи.

– Ух ты! – Васильев начал изучать браслеты и тоже немедленно порезался.

– Как он их надевает? – воскликнул он.

– Лезвия складываются и в этом положении не опасны, – показал питерец. – А если нажать вот тут, снова ставятся на боевой взвод.

Надворный советник обмакнул палец в рюмку с водкой, дезинфицируя рану. Потом выпил и крикнул:

– Хороша! Думаете, он за ними придет?

– Обязательно. Вызывайте Делекторского, эта задача как раз по нему. И еще троих, кто покрепче.

Через полчаса в кабинете надворного советника собралась арестная команда: зауряд-прапорщик и трое бравого вида городских. Пришел Ловейко и начал проситься к ним в подкрепление. Но Алексей Николаевич отказал:

– Тут нужно не количество, а качество. Все четверо воевали, поэтому идут они. – Сыщик провел инструктаж: – Человек, которого вам предстоит арестовать, особенный. Он тертый калач, скитался по всему миру, жил в Африке и Забайкалье. Будто бы убил леопарда кинжалом. Еще он в той же Африке якшался с туземцами, научился у них всяким приемам, которые неведомы европейцам. Будьте предельно осторожны!

Делекторский на этих словах презрительно улыбнулся. Лыков не стал ему спускать:

– Никита Никитич! Без героизма там! При малейшем движении в вашу сторону стреляйте ему в ляжку.

Арестная команда поехала в двух закрытых экипажах в Пороховые. Там их должны были встретить люди капитана Шарпантье.

А в дом номер тридцать пять отправился на разведку незаменимый Уразгильдеев. Его Лыков инструктировать не стал – и так опытный. Околоточный потолковал с прислугой и выяснил, что в доме недавно поселился приезжий немец. Он сдал коридорному паспорт для прописки на

имя Цеге фон Мантейфеля. Род занятий – торговец антиквариатом, место постоянного проживания – Рига. Мантейфель был на вид рыхлым долговязым господином с пивным брюшком. Белолиц, щегольские усики загнуты кверху, по-русски говорит с сильным акцентом.

– Наш! – констатировал Лыков. – Это еще одна ипостась Вязальщикова. Как он сам не путается в своих двойниках?

– Но ведь ничего общего с Сайтани у немца нет, – возразил пристав Ловейко.

– Ну как же. Рост. Его не скроешь, – терпеливо стал объяснять сыщик. – И смуглая кожа.

– Наоборот же, антиквар белолиц! – воскликнул Валентин Семенович.

– Да, но это крем. Сайтани прячет свой африканский загар, для чего и набелил кожу.

Вечером питерец с трудом уснул. Вдруг человек, за которым он столько гоняется, ночью придет за браслетами? И утром окажется у сыщика на первом допросе? Но вышло иначе...

Лыков проснулся оттого, что Ловейко тряс его за плечо:

– Алексей Николаевич, вставайте. Вас полицмейстер вызывает.

Коллежский советник наскоро оделся. Голос у Ловейко был такой, что ничего хорошего ждать не приходилось.

Васильев стоял посреди кабинета и с пришибленным видом тер забинтованную шею.

– Все еще болит? – спросил Лыков, чтобы оттянуть плохие новости.

– А? Да, побаливает. Алексей Николаевич...

Полицмейстер замялся.

– Засаду перебили? – помог ему сыщик.

– А? Да.

– Живые есть?

– Городовой Двоеносов легко ранен, но потерял много крови. Городовой Ползиков тяжело ранен, пока жив, но шансов половина на половину.

– Что с Никитой Никитичем?

– Сейчас... Городовой Рава убит. Околоточный надзиратель Делекторский тоже.

– Повезло, что хоть двое уцелели, – пробормотал Лыков, садясь. – Моя вина.

– Почему? – вскинулся Ловейко.

– Плохо проинструктировал людей. И...

Питерец споткнулся на слове, но казанцы поняли его правильно.

Васильев тоже сел, подпер голову руками:

– Вы ругаете себя за то, что не пошли с ними. Но ведь это была засада. Они могли просидеть там и день, и два, и неделю. Как вам на неделю забросить дела? Перестаньте себя винить. Никто не знал, что той же ночью убийца придет к себе на квартиру.

– И про инструктаж неправда! – влез Ловейко. – Я стоял рядом и все слышал. Делекторскому вы прямо приказали стрелять в ногу при любом движении. А он даже не вынул револьвер.

– Никита Никитич их и погубил, – угрюмо добавил полицмейстер. – О мертвых или хорошо, или ничего? Не в нашем деле. Околоточный пришел с войны с двумя крестами. Храбрости он был отчаянной. Но и амбицию имел под стать храбрости. И решил сам взять вашего перевертыша, без посторонней помощи. Приказал другим разбрестись по квартире, себе выбрал сени. И кобуры не расстегнул... В результате злодей перебил их поодиночке.

У Лыкова защемило в сердце. Делекторский, Делекторский... Погиб из-за упрямства и других подвел. Перед глазами стояло его лицо: строптивое, гордое. Эх...

– Надо срочно лететь перехватывать лже-Мантейфеля, – сказал сыщик. – Возможно, Вязальщиков явился после схватки туда, ему же надо переменить личину.

– Дом оцеплен, – сообщил Васильев. – По моей команде внутрь никто не входит. Ждут нас с вами.

– Поспешим!

Лыков был в ажитации. Вдруг повезет и они встретятся с Сайтани? Вот бы такую удачу. Он хотел разделаться с убийцей собственноручно. Жаль, что нельзя свернуть ему шею. Пока не найдена икона, об этом можно только мечтать.

Но фальшивого негодянта в доме не оказалось. Умный, сволочь. Сообразил, что оставил газету с наколотым адресом в Пороховой слободе и полиция обнаружила его второе убежище. И перебрался в третье.

Несколько дней прошли в напряженных поисках. Все гостиницы, номера, постоялые дворы, все комнаты внаем были проверены. Но как искать человека, из примет которого известен лишь рост? Смуглую кожу можно подмазать, цвет глаз спрятать за очками-консервами^[52]. Казанская полиция напрягла все силы, но успеха не достигла. Люди устали, и рвение их заметно ослабло.

Жизнь между тем шла своим чередом. В цирке Никитина сдохло пять львов, отравившихся некачественным мясом. На Арском кладбище

ограбили военную церковь. В ресторане Александра приезжего купца заманили поиграть на бильярде и угостили сигаретой, после которой он потерял сознание и очнулся обобраным в канаве. Неизвестные подломили казенную винную лавку номер четырнадцать на Муратовской улице. Пристав Четвертой части Тутышкин решил создать у себя собственное сыскное отделение. Книжек, что ли, начитался, дурак? Он перекрасил трем городовым волосы в ближайшей парикмахерской и послал их в пивные подслушивать разговоры. Парикмахер требовал плату за работу, но Тутышкин отнекивался безденежьем; скандал дошел до полицмейстера...

Известного дрессировщика Дурова выслали-таки из города за циничные остроты и выходки. Он уехал, бросив и свою сожительницу, двадцатилетнюю девицу, и животных: осла, собаку, лошадь и ученых крыс. Девица в слезах: за квартиру не плачено, любовник сбежал со всей кассой, и теперь ей нечем платить за жилье и корм зверям.

Но вдруг произошло новое убийство. У входа в публичный дом Михайлова, что на Песках, обнаружили труп фельдфебеля. Его зарезали тем же кинжалом, что и Делекторского. Доктор Онкель заявил об этом со всей определенностью. Длинный узкий клинок, у нас таких не водится. Что-то из африканского арсенала Сайтани?

Лыков приехал на место преступления. Стояло хмурое октябрьское утро, из окон борделя пялились раскрашенные девки. Чем покойный помешал злодею? Но вскоре выяснилось, что он был фельдфебелем той самой роты, которая охраняла окружные склады. И наверняка участвовал в кражах оружия и боеприпасов. Сайтани заметал следы, убивал подельников.

Догадка Алексея Николаевича подтвердилась тем же вечером. В полицию явился солдат из караула окружного артиллерийского управления. И потребовал спасти ему жизнь, поскольку его вот-вот зарежут. Он готов сделать признание о крупных хищениях со складов, но только не местному начальству, а большому чину из столицы. Солдата спросили почему, и он ответил: здешние все куплены, им веры нет.

Васильев пригласил Лыкова и попросил его показать служивому свои документы. Тот протянул полицейский билет. Караульный по слогам прочитал: коллежский советник, чиновник особых поручений Департамента полиции, Санкт-Петербург, набережная реки Фонтанки, 16. То, что надо. И солдат – его звали Лукьян Непорожнев – начал рассказывать.

По его словам, со складов воруют еще с июня. На глазах у свидетеля, например, вывезли тысячу винтовок, две сотни револьверов и пятьдесят

ящичков с патронами. Приезжали в сумерках на подводе какие-то злые мужики в сопровождении фельдфебеля Струментова, того самого, которого только что убили. По разу отметились братья Лямины, первый и второй. И однажды появился высокий смуглый человек с решительным лицом. Он, видимо, был за главного, все остальные слушались его распоряжений. Фельдфебель называл его господин Свенх. «Точно ли ты запомнил фамилию», – усомнился коллежский советник. «Точно», – стоял на своем Непорожнев. Память у него сильная, кого угодно в роте спросите. Свенх. Видимо, это была очередная маска Вязальщикова.

Солдату показали фотокарточки Варехи с Шиповым, и он опознал в них тех самых злых мужиков, что приезжали на телегах.

– Почему раньше не приходил? – спросил караульного сыщик.

– Боялся, – честно ответил тот. – Куда идти-то? Если все начальство в сговоре. Фельдфебель еще что, а вот братья Лямины – большие шишки, и туда же. Явишься со своей правдой, а они так все обернут, что тебя же и посадят. А они чистенькие останутся. Но когда узнал я, что Струментова мертвым нашли, понял, что буду следующим. И вот, пришел.

После признания часового дело приняло новый оборот. Появился свидетель, отмахнуться от которого не мог никакой генерал Карасс. Лыков сделал копию показаний Непорожнева и отправился в губернское жандармское управление.

Полковник Калинин прочитал бумагу и сказал:

– Мы забираем это дело себе. Надеюсь, не возражаете?

– Нет, Константин Иванович, не возражаю. У меня, вы знаете, другое дознание. Он связано с этим, оружейным. Но идет своим ходом, хоть и параллельно. С удовольствием уступлю его вам, при условии что мы будем по-прежнему обмениваться сведениями.

– Согласен, – протянул ему руку полковник. – А мы не опоздали? И вообще, Алексей Николаевич, как так вышло? Оружие воруют с самого лета. Сейчас уже октябрь, а власти только спохватились.

– Я тоже голову ломал. Хищения производились лишь на тех складах, где хранится неприкосновенный запас. То есть ружья и боеприпасы, которые понадобятся только в случае всеобщей мобилизации. Слава богу, это редкость. И пересчитывают неприкосновенный запас тоже реже, чем количество штатных вооружений. Чем и воспользовались жулики. А насчет того, опоздали мы или нет... Вам сейчас и карты в руки. Часть украденного отправлена в Абиссинию, где у Вязальщикова давние связи. Срочно запросите одесскую таможню насчет заграничных грузов. Вас должны интересовать те, которые вывезены по документам за подписью или

Самсон-Гиммельстерна, или Цеге Мантейфеля, или Свенха. В них и будут винтовки с патронами. Если поторопитесь, то часть успеете перехватить.

– Спасибо. – Калинин записал все три фамилии. – В качестве ответной любезности сообщаю следующее. Казанские эсеры приговорили вас к смерти.

Лыков почувствовал, как у него деревенеет лицо. Этого только не хватало! Малолетков ведь предупреждал, а он в суете забыл...

– Меня? А что плохого я сделал казанским эсерам?

– Пресекли кражу оружия, которое они частично забирали себе.

– Понятно. Что еще вам известно?

– Известны имена исполнителей, – продолжил начальник управления. – Это те двое, которые бросили бомбы в коляску вице-губернатора Кобеко. Один – Михаил Зефирков, атаман здешних эсеров. Второй – ваш приятель Янычар, Виктор Васильев. Мы едва не захватили его на квартире некой Натальи Аристовой. Он скрывался у нее под именем Александра Ивановича Архангельского. Вот, гляньте, что сообщила эта дура...

Лыков начал читать показания женщины, которая прятала беглого боевика. Ну и ну... Аристова призналась, что в первый раз она приняла дома Александра Архангельского еще в августе. Попросили эсеры, сказали: человек нужный, а документы у него плохие, в гостиницу с такими нельзя. Она дала незнакомцу переночевать, а утром, когда он ушел, обнаружила, что из комода пропало сто рублей. Кроме как «нужному человеку» украсть деньги было некому. Аристова пожаловалась Сергею Зефирову, брату Михаила. Сказала, что больше этого жулика прятать у себя не станет. Но Архангельский как ни в чем не бывало пришел опять. И признался хозяйке, что он на самом деле Виктор Платонович Васильев, террорист, убийца пензенского полицмейстера. Сбежал из психиатрической лечебницы, куда был прислан на обследование. Он человек смелый и сильный, а еще романтический. Полюбил Наталью с первого взгляда, и если она откажет ему во взаимности, то за себя не ручается. Или ее задушит, или себя застрелит. А может, обоих... В итоге Аристова испугалась и вступила с ним в сожительство. Во дают революционеры! Он ее обокрал, а она с перепугу легла с ним в постель.

В конце Аристова подробно описала своего квартиранта. Особенно Лыкова насмешили детали: руки толстые, всегда грязные; вместо «спасибо» говорит «спасибочко».

Когда он стал читать последний лист, то сделалось не до смеха. Женщина подтвердила, что Лыкова решено убить. За дело взялся сам

Михаил Зефиров, уже давно разыскиваемый полицией. И спокойно посещающий при этом театры. Эсерам известно, что питерец живет в квартире пристава Ловейко, на втором этаже съезжего дома. Окна выходят на двор, на них – зеленые занавески. Сейчас где-то в подпольной лаборатории изготавливается бомба большой мощности. Зефиров с Янычаром хотят бросить ее сыщику в окно...

– Ну как? – спросил полковник Калинин, забирая у Лыкова бумаги. – Может быть, вам на время уехать из города? Мы тут нацелим агентуру, глядишь, и отловим стервецов.

– Да вы их уже который год ловите, – отмахнулся сыщик. – В Пензе вон поймали, а толку? Янычар покричал немного петухом, его сразу привезли сюда на экспертизу и даже охранять как следует не стали.

– Но что-то вы должны сделать?

– Конечно. Съехать от Анны Порфирьевны с Валентином Семеновичем, и немедленно. А у них за стенкой еще квартира полицмейстера, в которой живут пятеро детей. Представляете, что может случиться? Спасибо за предупреждение, Константин Иванович. Завтра же я уеду жить в другое место. Причем съехать надо с помпой, с шумом, чтобы эсеры узнали об этом и оставили Ловейко в покое.

Питерец вернулся в управление, созвал полицмейстера с приставом и объявил им новости. Казанцы ужаснулись, но пытались не подавать виду. Алексей Иванович хорохорился, обещал усилить охрану, поставить на окна

решетки. Но коллежский советник решительно сообщил, что съезжает. Вопрос был один: куда? Если эсеры взялись за командированного всерьез, то, где бы тот ни поселился, рискуют хозяева. Есть ли у сыщика право ставить их жизни под угрозу? Разумеется, нет. И где тогда жить? В чистом поле выстроить избушку и караулить ее день и ночь?

– Надо прислониться к военным, – предложил Валентин Семенович. – У меня хорошие отношения с командующим Ветлужским батальоном. Казармы батальона в кремле, они круглосуточно охраняются.

– Хорошая мысль, – одобрил Васильев. – Я готов обратиться к Кобеко, он не откажет.

– Мне больше по душе пороховой завод, – сказал сыщик. – Генерал-майор Лукницкий тоже не откажет. На территории завода, я видел, много жилых домов для офицеров. Чай, найдется свободная комнатка. И там тоже охрана, получше, чем в резервном батальоне.

– А в город будете прорываться по мосту через Казанку, – возразил пристав. – Тут-то вас и подловят.

– Через Казанку четыре моста, – не согласился полицмейстер. – Можно постоянно менять маршрут. Ну, придется делать крюк, но зато безопаснее. А из кремля всего два выхода, вариантов меньше.

Лыков слушал их спор, а у самого сосало под ложечкой. Уезжать от этих приветливых людей не хотелось, но ставить их под удар было нельзя. И спрятаться некуда. Он обязан вести дознание, мотаться по городу, встречаться с людьми. После гибели Делекторского питерца никто не охранял. Да и что он за птица такая? По всей империи люди в форме ежедневно на мушке, рискуют жизнью. Чем он лучше их? Городового на посту тоже никто не охраняет. И никто не ищет ему квартиру поближе к военным. Он сам по себе, за гроши обязан подставить грудь под пули. А убьют – семейство получит крохотную пенсию. Ну, сослуживцы чего-нибудь соберут единой душой...

Алексей Николаевич решил, что погодит пока вызывать в Казань Азвестопуло. Утром еще собирался, ведь дела требуют помощника, а Никита Никитич в земле лежит. И сыщик хотел уже дать соответствующую телеграмму, но теперь передумал. Сергей Манолович храбр и опытен, он весьма помог бы начальнику в дознании, которое сбилось с панталыку. Начиналось с поисков иконы, а вывернуло на разгром военных складов, покушение эсеров и загадочного горлореза с африканскими привычками. Но, учитывая открывшиеся обстоятельства, пусть лучше Азвестопуло сидит в столице...

Разговор пора было заканчивать. Сыщик попросил Ловеико не пугать

супругу угрозой покушения. Пусть думает, что квартирант съехал по другой причине. Завтра же он исчезнет и, скорее всего, поселится на пороховом заводе. Васильеву Алексей Николаевич предложил на одну ночь установить временный пост во дворе управления. Вряд ли бомбисты нападут сегодня, но береженого бог бережет.

Полицейские уже собирались расходиться, как вдруг вдалеке раздался сильный взрыв.

– Опять? – застыл полицмейстер. – Где бабахнуло?

– Не на окружных складах? – испугался Лыков. – Скотина, я знал, что он постарается уничтожить следы!

– Нет, это, кажется, в Суконной слободе, – предположил Валентин Семенович. – Здорово рвануло. Идемте скорее, огнеборцы сейчас туда помчатся, и мы с ними вместе.

Действительно, снаружи уже слышались крики – это пожарные расчеты готовились к выезду. Полицейские выбежали во двор и узнали, что в Суконной слободе горит дом. Коляска полицмейстера присоединилась к пожарному поезду.

Огонь удалось потушить быстро, и власти приступили к осмотру. Выяснилось, что в доме Паутина произошел сильный взрыв. Его жертвами стали четверо: трое мужчин и женщина. Трупы были сильно обезображены. Женщину, например, опознать оказалось совершенно невозможно. Доктор Онкель смог написать в заключении лишь одно: «Судя по остаткам уцелевшего на ней белья, принадлежала даже к разряду людей, достаточно обеспеченных». Еще указал, что женщине было около двадцати пяти лет. Для полицейских стало очевидным, что это боевики подорвались на собственной бомбе. Подобный случай уже был в Казани в апреле. Тогда ученик Промышленного училища Астафьев снаряжал адскую машину у себя на квартире и совершил самоподрыв. И вот второй раз...

Выяснилось, что дом сняла семейная пара, приехавшая из Саратова. Мужчина предъявил паспорт на имя Константина Петровича Менькова, сына чиновника. Целью приезда указал намерение поступить на курсы счетоводства. Его жена Лидия Павловна вела хозяйство. Теперь вскрылся подлинный род их занятий. В доме были обнаружены лаборатория взрывчатых снарядов, множество оболочек для них, а также запасы нитробензина, цианистого калия и гремучей ртути. В сенях странным образом уцелели две полностью снаряженные бомбы. Одна, не иначе, была запасена для Лыкова. Удивительно, как только не сдетонировали! Вызванные офицеры-артиллеристы не решились их обезвреживать. На следующий день бомбы аккуратно перенесли в яму в саду Паутина и подорвали

пироксилиновыми шашками.

Тела погибших привезли в анатомический покой Александровской больницы. Туда явился Кобеко и узнал в одном из мужчин Михаила Зефирова. Это он три недели назад кинул заряд в пролетку вице-губернатора с крыльца городской думы. Жандармы усомнились: главаря боевиков ловили не первый год, вдруг это другое лицо? Вызвали его мать, вдову протоиерея города Корсунь Симбирской губернии, и она опознала сына...

Лыков тщательно осмотрел тела остальных мужчин – нет ли среди них Янычара. По словам Аристовой, ее демонический любовник имел на левом предплечье свежий шрам. У обоих такого шрама не оказалось. И руки чистые... Васильев избежал гибели и все еще был на свободе. Однако сыщик почувствовал огромное облегчение. Боевики остались и без атамана, и без бомб! Вряд ли они быстро изготовят новые. Теперь можно не опасаться, что в окно с зелеными занавесками зашвырнут гремучую ртуть. И вообще, легче жить, когда знаешь, что на тебя не охотятся двое матерых убийц.

Алексей Николаевич отозвал Ловейко и сказал ему:

– Пожалуй, я погожу переезжать от вас.

Тот широко улыбнулся и ответил:

– То-то Анька обрадуется! У нее сегодня в планах жареный гусь.

Тучи над головой питерца на какое-то время разредились. Можно обойтись без Азвестопуло, решил он окончательно. Пусть-ка поработают жандармы. Сыщик пришел на Большую Красную и предложил полковнику Калинину:

– Надо запросить все почтовые конторы Казани, не получали ли они корреспонденцию до востребования на известные нам имена Вязальщикова.

Тот глянул в бумажку:

– Аксель Карлович фон Самсон-Гиммельстерн, Цеге Карлович фон Мантейфель и Мартин Карлович Свенх?

– Да. Константин Иванович, погодите-ка. А почему они все Карловичи?

– А черт его знает.

– Может, это настоящее отчество человека, которого мы называем Вязальщиковым? Ведь его подлинное имя нам до сих пор неизвестно.

– Может быть, – согласился жандарм. – Нам эта догадка ничего не дает.

– Что вы нашли на Свенха?

– Был такой. В адресной книге отмечено, что он приезжал в Казань два раза в июле и три раза в августе. После этого перестал.

– Где останавливался?

Жандарм опять посмотрел в бумажку:

– В «Волжско-Камских номерах», под окнами управления полиции.

– Тот же почерк. А как выглядел Мартин Карлович?

– Мы допросили коридорных. Высокий, с длинными светло-рыжими волосами, в очках-консервах.

– Кто-то заходил к нему? Поймите, Константин Иванович, он убил фельдфебеля лишь за то, что тот знал фамилию Свенх. Тут загадка. Коммивояжер как коммивояжер, но Струментов поплатился жизнью. Почему?

Калинин пожал плечами и сменил тему:

– Все двойники вашего фигуранта носят вычурные имена, обычно иностранные с приставкой «фон». Что, если просмотреть в адресном столе других подобных? Вдруг еще кого найдем? И свежего, который сейчас в городе.

– Молодцом, Константин Иванович, – одобрил идею коллежский советник. – Я сам должен был догадаться.

Полковник приободрился и сказал:

– И не только приезжих. Вот есть, например, такой... – Он снова заглянул в справку: – Люпперсольский. Преподает в Родионовском институте географии.

– Борис Андреевич? – усмехнулся сыщик. – Нет, этот настоящий. Он известный путешественник, действительный член Географического общества, постоянный корреспондент журналов.

– Но фамилия...

– Мало ли на свете заковыристых фамилий? Кроме того, он слишком молодой. Человек, которого мы ищем, участвовал в экспедиции Ашинова в тысяча восемьсот восемьдесят девятом году. С тех пор прошло семнадцать лет. А Борису Андреевичу примерно тридцать пять. Он что, семнадцатилетним махнул в Африку?

– Вот тут у меня копия формуляра вашего путешественника, – упрямо продолжил жандарм. – В нем сказано, что Люпперсольскому сорок один год.

– Неужели? – удивился питерец. – Хм. А на вид никак не скажешь. Но все равно Борис Андреевич не может быть Сайтани. Я сейчас докажу это. Помните, как тот попал в Россию? Тайком через Китай. И ему понадобились от Янковского чужие документы. Но у Люпперсольского же

они были! И настоящие. Он вернулся бы домой безо всяких проблем, сдав свой заграничный паспорт в Одесской таможне. Зачем ему этот длинный крюк через Дальний Восток? На несколько лет, с пребыванием на каторге в должности писаря...

– Не знаю, не знаю, – пробурчал жандарм. – Все это требует проверки.

– Ну и проверьте. И потом, Константин Иванович, ваш подозреваемый помогал нашей военной разведке в Абиссинии. Полковник Артамонов это подтвердит, запросите его.

Полковник записал фамилию и сказал упрямо:

– Что будем делать? Предлагаю взять Люпперсольского в проследку. А то уж больно он смахивает на остальных «фонов». Постоянно куда-то уезжает, часть его жизни вообще не поддается проверке. Экспедиции в Африку на год-полтора. Шляется, где ему вздумается. Подозрительно!

– Но ведь он не Карлович, – попытался отшутиться Лыков. Однако жандарм был непреклонен и приказал подчиненным взять географа под наблюдение.

Алексей Николаевич решил не сидеть без дела и отправился в Адмиралтейскую слободу. До сих пор он не баловал ее своим вниманием. Но если уж смотреть почтовые конторы, то начинать надо со здешней. Хотя уже октябрь и скоро навигация встанет, торговля по Волге еще идет. Пристани в Устье и Бакалде работают в полную силу. Значит, и деловая корреспонденция в разгаре. Для Вязальщикова было бы естественно спрятать свои телеграммы в кипе чужих.

Коллежский советник предъявил открытый лист начальнику Адмиралтейской почтово-телеграфной конторы. Это ведомство входило в МВД, поэтому вопросов у почтовика не возникло. Сыщику выдали копии всех отправок за август и сентябрь: посылок, бандеролей, денежных пакетов, заказных писем, телеграмм... Он разбирал их до вечера и уже хотел уходить ни с чем. Но вдруг ему повезло. В начале августа поступила телеграмма на фамилию Свенх. Она была из города Коврова Владимирской губернии. Некий Северьян Першин сообщал, что предложенная цена высока, но он готов приехать и поторговаться. Вроде бы обычное дело. Но Лыкова насторожила фраза: «Главный вопрос: подлинный ли товар?» Как ее понимать? Про выделанные кожи или кули муки так не говорят. А про чудотворный образ?

Алексей Николаевич вернулся на Воскресенскую и с полицейского телеграфа отбил экспресс Азвестопуло. Пусть срочно мчится в Ковров и выясняет, кто такой Першин. Что судачат о нем в городе? И не интересуется ли он случайно старинными иконами?

Отбив телеграмму, сыщик кое-что припомнил. Его конкурент ротмистр Прогнаевский навещал Ковров! Как же он забыл об этом? Уж не Северьяна ли искал жандарм? Он вполне мог, идя своими путями, выйти на ту же фигуру, что и Лыков.

Делать нечего, пришлось снова посетить ГЖУ. Полковник Калинин, увидав сыщика второй раз за день, удивился:

– Что случилось, Алексей Николаевич? Еще мысли в голову пришли?

– Константин Иванович, а где ваш временный помощник Прогнаевский? Давно он у меня под ногами не путался.

– Да опять куда-то укатил. Может, пессию какую завел? Ха-ха...

– А он не в Ковров подался?

Калинин внимательно посмотрел на сыщика и ответил:

– Алексей Николаевич, вы ведь с ним прямые соперники. Как же я выдам вам его тайну, если мы с Михаилом Васильевичем носим один мундир?

И питерец ушел ни с чем. Но теперь он хотя бы знал, что Прогнаевский действительно о чем-то пронюхал, и следы ведут к Северьяну Першину. Коллежский советник послал своему помощнику еще одну телеграмму, на этот раз зашифрованную. В ней он предупреждал Азвестопуло о наличии у него в городе соперника. И велел действовать осторожно.

Прошло несколько дней. Лыков курсировал между жандармами, полицией и пороховым заводом. Голубые мундиры развили лихорадочную деятельность. Они накрыли подпольную типографию в доме Сметанина на Засыпкиной улице. Внутри обнаружили лоскут бумаги с планом местности у Фуксового сада. Именно там находилась квартира начальника казанского отделения Московского жандармско-полицейского управления железных дорог подполковника Ахматова. А на столе валялся отчет о расходах на сумму три тысячи шестьсот рублей с пометками «Янычару» и «Лидии Павловне на орган». На квартире устроили засаду, в которую угодили несколько студентов университета. У одного в кармане нашли еще один план. Там было изображено место возле Лядского сада, по которому ежедневно проезжал на службу и обратно вице-губернатор Кобеко. Взрыв бомбы, гибель атамана и арест типографии обескровили казанскую ячейку эсеров. Кто уцелел, забился в щель; многие уехали прочь из города. Полковник Калинин торжествовал.

Полицмейстер тоже радовался, что в Казани стало спокойнее. Его люди здорово отличились. Сначала в облаве поймали крупного вора-рецидивиста по клике Козонок. А потом в Бутырке арестовали банду Кости

Козыря из пяти головорезов.

Все эти дела не касались дознания Лыкова. Сыщик скучал и ждал новостей из Коврова. Наконец Азвестопуло прислал шифрованное донесение. В нем он сообщал, что Першин богач, старообрядец и коллекционер старинных книг и икон! Но это было еще не самое главное. Коллежский секретарь писал, что купец направился в Казань и будет в городе завтра в полдень. Азвестопуло едет в одном с ним поезде.

Алексей Николаевич оживился. Неужели развязка близка? Ему уже надоела его командировка. Хотелось домой, посмотреть на осеннюю невскую волну, пройтись тихими аллеями Павловского парка... И Ольгу повидать. А вместо этого он застрял в шумном городе, в котором до сих пор нет канализации, зато много неразгаданных тайн.

Лыков выпросил у генерала Лукницкого пролетку и ждал в ней появления ковровца. С рязанского поезда сошло человек сто. Который из них Першин? И где Сергей? Сыщик стал высматривать в толпе своего помощника, но вместо него увидел ротмистра Прогнаевского. Тот семеня с корзиной в руках. Жандарм был одет в простонародный костюм, сидевший на нем весьма ненатурально. А плохо приклеенная борода чуть не болталась. Жандарм наступал на пятки толстяку в дорогой тройке и с саквояжем. Приезжий сел в экипаж, а ротмистр заарендовал следующий. Но неожиданно к нему подскочили два оборванца и схватили корзину:

– Дядя, а тама у тебя чё?

– Пошли прочь, пивогрызы! – закричал ряженный.

– Глянь-кось, а у него борода подвешена, – громко, на всю биржу сказал один хулиган другому. – Не иначе, сыщик.

Народ заинтересовался и начал собираться у пролетки. Толстяк – это явно был Першин – оглянулся и велел извозчику ехать и побыстрее. Где же помощник?

Лыков не успел рассердиться, как из-за его спины выскочил Сергей. Сел к начальнику и сказал вознице вполголоса:

– Вон за той коляской. И держись за сто сажень.

Возница был отставной ефрейтор Акбашев из команды Шарпантье. Он посмотрел на незнакомца, оглянулся на Лыкова. Тот сказал:

– Михей Власович, познакомься с этим нахалом. Азвестопуло его зовут.

Ефрейтор кивнул и молча ждал команды от питерца.

– Делай, как он сказал.

Пролетка тронулась. Но только они свернули на Варламскую улицу, как сзади в них врезалась линейка. Заржали лошади, раздалась ругань.

Коллежский советник от сильного удара вылетел на мостовую и ушиб плечо. Азвестопуло сиганул через облучок, ловко приземлился на ноги и побежал следом за Першиным. Через несколько минут, запыхавшись, он вернулся и сказал начальнику:

– Не догнал. Вы как?

– Жить буду. Ловко они нас...

Коллежский советник поднял всю полицию. Виновника происшествия изучили насквозь, разве что не просветили лучами Рентгена. Искали его связь с Вязальщиковым, но ничего не нашли. Возница божился, что врезался случайно. Ковровский купец как сквозь землю провалился: он не остановился ни в одной гостинице, нигде не зарегистрировался.

Вечером Лыков с Азвестопуло сидели в номере «Казанского подворья». Сергей рассказывал, что он узнал в Коврове.

Оказалось, что род купцов Першиных там является одним из самых видных. Богатые торговцы с середины девятнадцатого века заселили целый квартал на берегу Клязьмы. Першины принадлежали к Спасову согласию, это одна из разновидностей беспоповцев. Другое их название – нетовщина. Спасовцы отличаются высочайшей конспирацией, об их порядках никто ничего толком не знает. Сейчас, после принятия закона о веротерпимости, они начали открытую деятельность: строят моленные дома, дискутируют с синодальной церковью. А раньше, в период гонений, все было в подполье. В середине прошлого века, когда Першины еще официально не ушли в раскол, один из них, Николай Дмитриевич, стал городским головой. Через двадцать лет его племянник Николай Андреевич тоже был избран на эту должность, но власти его не утвердили. Третий Першин, Федор Андреевич, являлся директором Ковровского общественного банка. Купцы содержали на свой счет общественную богадельню, моленные дома, два скита – женский и мужской, а еще собрали огромную библиотеку редких книг. Николай Андреевич, несостоявшийся голова, вместе с начетчиком Аввакумом Комиссаровым создали двадцать лет назад новоспасское течение «большого начала». Сильно его при этом реформировали, но подробности властям до сих пор неизвестны.

Сейчас многочисленный род Першиных ведет хлебную, мучную и дровяную торговлю с большими оборотами. У них собственный флот, который возит грузы по Клязьме, Оке, Волге и Каме. Квартал, занимаемый ими в городе, окружен высоким забором, охраняется сторожами с собаками, посторонним туда хода нет. Все обитатели, все караульщики – рьяные спасовцы. Северьян Першин отличается от остальной родни тем, что коллекционирует раскольничьи книги и старинные иконы. Его

собрание строго засекречено. Если он заполучит себе образ Казанской Божьей Матери, пиши пропало. Полиция никогда об этом не узнает, а если даже кто его там увидит, никому не скажет...

– Что же делать? – спросил Азвестопуло, закончив свой рассказ.

– Не знаю, – честно ответил Лыков. – Возможно, именно сейчас они с Сайтани ударяют по рукам. Кроме этого, злодея в городе ничего не держит, он скроется под очередным вымышленным именем.

– Но не привез же ему Першин миллион в саквояже!

– Почему бы нет? У них, староверов, так заведено, уж я-то знаю. В семьдесят девятом году на Нижегородской ярмарке за пятьсот тысяч продавали рукопись протопопы Аввакума. Его духовное завещание. Столько народу тогда погибло...^[53] Все делалось тайно, за наличные деньги.

– Эх, – вздохнул Сергей, – упустили. А еще вот что я забыл сказать. Один из аксакалов рода Першиных, Александр Андреевич, со всеми сыновьями собирается переехать из Коврова.

– Куда и зачем?

– В село какое-то, забыл название. В Ставропольском уезде Самарской губернии. Зачем – никто не знает. Может, икона у них? Следы заматают?

– Вряд ли, – усомнился коллежский советник. – Заметать лучше в родном городе, где заборы высокие, собаки злые, а полиция давно куплена. Нет, тут что-то религиозное.

Они начали спорить, как вдруг пришел Тутышкин. Он спросил:

– Алексей Николаевич, а как вашего купца зовут?

– Северьян Дмитриевич Першин.

– Первой гильдии, из Коврова?

– Да. А вы почему спрашиваете, Василий Ильич?

– А он через час на пароходе уплывает.

– Как? Куда? – вскочили сыщики.

– В Нижний Новгород. Пароход называется «Жар-птица», отходит от пристани наследниц Курбатова. Это мне кум сообщил, он билетер на кассах, а сам бывший ковровский житель и Першина знает в лицо.

Сыщики полетели в Устье.

Они вбежали по сходне, и Лыков приказал капитану:

– Без моего разрешения не отчаливать!

Тот хотел возразить, но увидел полицейский билет и откозырял:

– Слушаюсь!

– Пусть нас проведут в каюту первого класса, где едет купец из Коврова.

– Старший помощник, ко мне!

Подошел вразвалку красномордый детина, от которого разило водкой.

– Чего?

– Проводи господ полицейских до первого классу.

– Айда за мной, – небрежно бросил детина и двинулся на верхнюю палубу. Привел сыщиков в короткий чистенький коридор и спросил:

– Кого вам надо?

– Першина.

– Это вот сюда.

Старший помощник хотел постучать, но Лыков перехватил его руку и удержал.

– Дальше мы сами. А ты ступай, закуси чем-нибудь, а то корабль потопишь, не дай Бог.

Красномордый хотел обидеться, но посмотрел на Лыкова и быстро удалился. Коллежский советник попробовал дверь – заперта изнутри. Он был весь на нервах. Неужели икона в каюте? И он сейчас возьмет ее в руки?

Сыщики постучали. Пассажир открыл, не спрашивая, кто там. Алексей Николаевич оттер его плечом, полицейские быстро вошли и закрыли за собой дверь.

– В чем дело? – удивился Першин.

– Полиция. Предъявите вещи к досмотру.

– Какой досмотр! Вы с ума сошли, что ли? Вы хоть знаете, кто я?

– Першин Северьян Дмитриевич, похититель иконы Казанской Божьей Матери.

– Что-о-о? Да я...

– Молчать!!! – рявкнул коллежский советник. – Открыть чемодан, самому отойти к окну.

– На каком основании? Кто вы такие? Я не позволю! Я...

– Сергей Манолович, обеспечьте выполнение моего распоряжения, – бросил через плечо Лыков.

Азвестопуло вышел из-за его спины и за рукав оттащил купца в сторону.

– Да кто вы?

Грек дурашливо ответил:

– Так что это есть полицейский генерал Вывигласс. А я, стало быть, полковник Держивморду. Надо бы на чаек с вашей милости.

– Министру, министру прямо сейчас дам телеграмму!

– Лучше сразу Его Величеству, – посоветовал Лыков, открывая чемодан. На кровать полетели носовые платки, подштанники, торговые

прейскуранты. Иконы внутри не оказалось.

– Еще вещи есть? – спросил Алексей Николаевич.

– Пошел к черту, сатрап! Мы с тобой будем у прокурора разговаривать, завтра же! – ответил купец. «Что-то он подозрительно спокоен, – подумал Лыков, – как будто ждал нас...»

Азвестопуло ногой пододвинул к начальнику стоящую на полу корзину. Першин хотел помешать, но грек его не пустил.

Лыков выпотрошил корзину. Внутри лежали жареная курица и пироги.

– Подержи его как следует, – приказал он помощнику и обыскал ковровца. Пусто.

Сыщики тщательно обшарили всю каюту, заглянули в нужник, под матрас, на багажные полки. Чудотворного образа нигде не было.

– Что, опять не договорились по цене? – зло спросил коллежский советник. Но Першин лишь твердил:

– У прокурора, у прокурора.

Полицейские удалились ни с чем. Они сбежали с трапа, и пароход сразу же начал выбирать якорь.

На пристани питерцы лоб в лоб столкнулись с ротмистром Прогнаевским. Тот подошел к Лыкову и сказал, пылая гневом:

– Объясните, для чего вы подослали ко мне своих людей, наряженных хулиганами?

– Вы в своем уме? – холодно осведомился сыщик.

– Я-то в своем. Но вы, как вы могли?

– Ротмистр. Научитесь сначала клеить бороду как полагается. За версту видно, что она у вас фальшивая. А что касается хулиганов...

Алексей Николаевич хмуро потер ушибленное плечо.

– Нас самих подловили на повороте. Врезались сзади на линейке, я чуть шею себе не сломал. Осведомитесь у полицмейстера, если не верите. Без сомнения, Першина встречали. И отсекли все хвосты.

– Он там, на пароходе? – недоверчиво спросил жандарм.

– Там, и он пустой.

– Смотрите, Лыков, если соврали, я все доложу Ее Величеству.

Сыщик разозлился:

– У вас что, прямой провод к ней? Идите к черту!

Прогнаевский состроил оскорбленную физиономию, повернулся и пошел на биржу извозчиков.

Глава 19

Конец меломбуки

Питерцы сидели у Васильева и выпивали. Лыков учил казанцев закусывать коньяк хурмой. Эту полезную привычку он перенял у Благово и теперь множил адептов, где только мог.

Полицейские уже обговорили все, что имело смысл обсуждать. Дознание снова зашло в тупик. Жандармы ищут по всем направлениям, включая Кавказ и Одессу. Возможно, они кого-то поймают. Но это будут люди из дальнего окружения Вязальщикова, они не помогут найти главного злодея. Линия с иконой не касается никого, кроме Лыкова и еще вот ротмистра Прогнаевского. Купец Першин встретился с обладателем иконы, это очевидно. Сайтани удалось сорвать слезку за своим гостем. Но получилось ли у него продать образ? Миллион в чемодане – это, пожалуй, чересчур. Если бы Северьян взял с собой крепкого парня в сопровождающие, а лучше двух, в миллион можно было бы поверить. А в одиночку везти такую сумму слишком рискованно. Скорее всего, Сайтани показал образ возможному покупателю, чтобы тот убедился в его подлинности. И Першин поехал домой готовить сделку. Времени у сыщиков теперь в обрез.

Полицейские выпили еще по рюмке, и Ловейко стал острить насчет своего квартиранта:

– Никогда еще мы не столовались так хорошо, теперь трудно будет отвыкать. Анька избаловалась вконец. Разве что...

Тут в дверь постучали, и вошел жандармский унтер-офицер:

– Здравия желаю! У меня поручение до его высокоблагородия коллежского советника Лыкова.

– Это я, – поднялся сыщик.

– Его высокоблагородие полковник Калинин просят вас срочно прибыть к нему.

– Калинин? Сейчас же еду.

– Дрожки у подъезда.

– Подождите меня внизу, я скоро спущусь.

Унтер-офицер откозырял и вышел. Казанцы сразу загалдели:

– Зачем вам туда ехать? С вашим открытым письмом он сам должен был явиться! Эти жандармы – большие наглецы...

– Господа, успокойтесь. – Лыков примирительно воздел руки. – Я не гордый. А главное, уперся в стену. Вдруг в ГЖУ отыскали новый след? Сергей Манолович, вы едете со мной.

Когда питерцы уже выходили из кабинета, Алексея Николаевича окликнул полицмейстер:

– Совсем забыл. Тут письмо из Семипалатинска. Пришло по адресу управления на ваше имя.

– Из Семипалатинска? – удивился коллежский советник. Но его помощник сразу сообразил:

– Это от Янковского, не иначе.

Лыков сунул конверт в карман. Они сели в дрожки и поехали на Большую Красную. Читать письмо в присутствии жандарма было неудобно, и питерец отложил это на потом.

Когда сыщики явились к начальнику ГЖУ, Лыков первым делом представил ему своего помощника. Калинин весь сиял, его распирала гордость.

– Азвестопуло? – переспросил он. – Не вы ли назвались купцу первой гильдии Першину полковником Держивморду?

– Я.

– Смешно. Только боюсь, что с такими шутками дослужиться до высоких чинов вам будет трудно.

Грек пожал плечами, не найдя, что ответить. Калинин же потерял к нему всякий интерес и после этого обращался исключительно к Лыкову.

– Алексей Николаевич, присядем. У меня для вас новость.

– Но откуда вы узнали про Держивморду?

– Прочитал в телеграмме Першина. Он остановил пароход, сбегал на берег, отбил депешу Столыпину, и лишь после этого все поплыли.

– Вот купцы распоясались...

Они сели, и жандарм сообщил:

– Мы проследили за Люпперсольским, как и собирались.

– И что?

– Это он встречался вчера с Першиным.

Сыщик с полминуты обдумывал услышанное, потом возразил:

– Не может быть.

– Чего? Того, что встречался? Уверяю вас, это факт.

– Нет. Люпперсольский не может быть Вязальщиковым. Я же вам объяснял. Он не подходит по биографии.

– В чем именно? – развеселился полковник.

– Люпперсольский служит в Родионовском институте с девятьсот

третьего года. В это время Вязальщиков еще был в Забайкалье, его видел там каторжник Оберюхтин. Тот устроил «ивану» побег в девятьсот четвертом и сам вскоре следом за ним перебрался в Казань.

Жандарм протянул собеседнику бумаги и сказал:

– А вы посмотрите вот это. Оригинал формуляра вашего географа. Раньше я запрашивал его и получил копию. А когда узнал про встречу с купцом, забрал оригинал. Ничего не замечаете?

Лыков развернул формуляр, извлек из кармана складную лупу и стал изучать документ.

– Год подтерт, – быстро заметил он.

– Именно. На самом деле Борис Андреевич, или как там его, поступил в институт позже. И вполне мог быть в девятьсот четвертом году в Забайкалье.

– Но ведь директриса Родионовского института не могла соврать! Все же вдова шталмейстера!

– Еще как могла, – ответил полковник. – Эта старая шлюха без ума от красавца географа. И она пошла на подлог, чтобы заштопать прорехи в его биографии. Сайтани, Вязальщиков и Люпперсольский – одно лицо.

– Пусть Борис Андреевич появился в институте на год раньше, чем утверждал, – согласился Алексей Николаевич. – Ну и что с того? Сайтани, как это установлено, попал в Абиссинию в тысяча восемьсот восемьдесят девятом году, бежав из отряда Ашинова. Тогда он носил вымышленную фамилию Иванов. Никому не известная личность якобы с польско-литовскими корнями. А в тысяча восемьсот девяносто пятом в экспедиции поручика Леонтьева принимал участие Люпперсольский. Известный путешественник, действительный член Русского географического общества. Как так? Вы хотите сказать, что это один и тот же человек? Разве можно за пять лет из никого, из беглеца превратиться в публичную фигуру такого масштаба?

– А вы дальше читайте формуляр, – продолжил напирать Калинин. – В начале, например. Люпперсольский закончил Томский императорский университет. Экстерном. Понимаете, о чем я?

– Понимаю, Константин Иванович. Это значит, что он мог там и не учиться. Свидетелей, которые бы сидели с ним в одной аудитории пять лет, не существует.

– Верно. А дальше? За годы с тысяча восемьсот девяносто пятого по тысяча девятьсот третий тоже подчистки. Два путешествия в Африку указаны, а что он делал в перерывах – нет. Якобы писал научные труды и обрабатывал коллекции. Одни недомолвки, отъезды и приезды, размытые

даты. С более ранними посещениями Африки, еще до миссии Леонтьева, тоже сплошь белые пятна. Лишь статьи в журнальчиках. Так и сделал он из себя собственными руками, как вы сказали, публичную фигуру. С большими лакунами, но на них почему-то никто не обращал внимания. А сам жулик!

– Константин Иванович, но ведь это только догадки. А где факты? Вы говорили о Люпперсольском с разведчиками? Я советовал обратиться к полковнику Артамонову.

Калинин с торжествующим видом извлек из папки новый лист:

– Давайте о разведчиках. Вот запись разговора с начальником Двадцать второй пехотной дивизии генерал-майором Артамоновым. Тем самым. Ротмистру Трескину для этого пришлось съездить в Новгород. Генерал много интересного сообщил об вашем путешественнике... Теперь ясно, почему ему пришлось тогда бежать и возвращаться в Россию через Китай по чужим документам.

– Не может быть... – растерялся сыщик. – Почему же?

– Артамонов, тогда еще полковник, был придан миссии действительного статского советника Власова как военный специалист. Шел, напомним, девяносто седьмой год. Русская официальная миссия прибыла в Абиссинию впервые, дипломатические отношения между двумя государствами только-только налаживались. А негус Менелик воевал сразу на нескольких фронтах. И тут разразился Фашодский кризис. Помните такой?

Лыков кивнул. Шумное было дело, наверняка войдет в историю. Англичане прибрали к рукам Египет и начали экспансию вниз по Нилу к Судану. Войска лорда Китченера разгромили в битве при Омдурмане суданских дервишей. И вдруг в местечке Фашода на берегу Верхнего Нила обнаружили французские войска. Крохотный отряд, всего сто двадцать штыков. Но сам факт возмутил британцев. Англия не раз заявляла, что не допустит утверждения на Ниле никакой другой европейской державы. Появление французов она сочла нарушением своих прав и потребовала объяснений.

Лягушатники сначала ершились и уходить не хотели. Отношения обострились до крайности. Англия пригрозила, что развяжет войну, если Фашода не будет освобождена. И французы сдались, увели свой отряд, что вызвало в стране бурю негодования. Едва-едва две великие державы не сцепились между собой из-за колониального спора.

– При чем тут Артамонов и Люпперсольский? – недоуменно спросил Алексей Николаевич. – Они мелкие фигуры для такой большой политики.

– Сейчас объясню, – ответил жандарм. – Артамонов все изложил, тут его подпись. Дело в том, что он едва не угодил в этот самый кризис. Войска негуса вышли походом к Белому Нилу. А именно колонна дадьязмача Тасама. Это по-ихнему полководец... С войсками двигались пара французов и наш полковник при двух казаках конвоя. Бравые ребята Тасама разогнали дикие местные племена, которые никому не подчинялись, и оказались на берегу. И поделили реку. Правый берег взяли себе, объявив его абиссинским. А левый подарили французам. Артамонов лично переправился через Нил, будто бы даже вплавь! И установил на том берегу французский флаг.

– Для чего он это сделал? – не понял сыщик. – С какой стати русский полковник поднимает в Африке французский флаг?

– Того требовали в тот момент дипломатические интересы, – пояснил жандарм. – Абиссинцы опасались вторжения британцев. И спешили закрепить за собой северную границу по Белому Нилу. Французы, которые не собирались нападать на негуса, казались тому подходящими соседями. Эдаким буфером между ним и англичанами. А у Петербурга с Парижем уже имелся союзный договор. Можно сообразить на троих... И Менелик по совету Артамонова уступил левый берег Франции. Что самое удивительное, англичане съели это. Они согласились с новой границей Абиссинии и не оспорили действия русского советника. Фашодский кризис едва не привел к большой войне, вот британцы и не решились идти на скандал второй раз. Артамонов приобрел в русской армии кличку Нильский крокодил, которой законно гордится. Менелик дал ему свой орден, французы – свой. В марте девяносто девятого года Крокодила принял государь, вместе с обоими казаками, кстати. Станичникам вручили аннинские медали, полковнику – Владимирский крест третьей степени. Так вот... – Калинин поднял на собеседника хитрые глаза: – Уже подбираемся к вашему путешественнику, Алексей Николаевич. Артамонов пробыл в походе к Нилу несколько месяцев. Потерялся для начальства. И военный министр Куропаткин послал на его поиски поручика Арнольди. По счастью, поручик встретил исчезнувшего героя на полпути к столице. Они вместе вернулись в Аддис-Абебу и выяснили, что англичане откуда-то знают все подробности приключений Артамонова. Содержание его рапортов, разговоры с негусом. Вплоть до деталей!

– Предатель?

– Да. Изменник в русской миссии. Который сообщал лорду Китченеру обо всех дипломатических секретах русско-абиссинских отношений.

– И кто был этот человек?

– Выяснить не удалось. В Аддис-Абебе тогда болталось множество русских. Персонал госпиталя, наша дипломатическая миссия, духовная, торговцы, военные... В числе прочих, как сказал Артамонов, подозревали и Люпперсольского. Очень сильно подозревали! Но допросить не успели. Он поспешил отправиться в путешествие в глубь Африки.

– Где и попал в плен к племени туркана, – вспомнил сыщик.

– Ну, это он вам сочинил сказку про плен. А чем в действительности занимался, мы не знаем. И вот, Алексей Николаевич, думаю я, что дело было так...

Калинин отложил бумаги, откинулся на спинку стула и устало потер лоб.

– Дело было так, – повторил он. – Люпперсольский понял, что попал под подозрение. И счел за лучшее исчезнуть. Надолго, в дебрях, чтобы о нем забыли. И объявился спустя год на Дальнем Востоке под чужим именем.

– А как же он снова стал Борисом Андреевичем?

– Да просто все, – махнул рукой полковник. – Вы знаете, что заграничные паспорта в России одноразовые. Их отбирают на таможне при возвращении. Так вот, я выяснил, что паспорт Люпперсольского сдан не был. То есть он попал в страну другим путем. Через Китай! Считайте сами. Ваш приятель исчез в Африке в начале девяносто девятого. У Янковского появился в девятистом. Через год навестил Петербург и Москву, напомнил о себе в Географическом обществе, статейки в журналах тиснул. Но задержаться в столицах побоялся – вдруг вспомнят в Военном министерстве о своих подозрениях? И вернулся в Забайкалье. Поступил в канцелярию Алгачской каторжной тюрьмы в девятьсот втором году, а исчез оттуда в девятьсот четвертом. После того, как подобрал Оберюхтина для кражи и нашел покупателя на икону... Мы запросили Читу, но они могли сообщить нам лишь самые общие сведения, все документы негодяй сжег, перед тем как сбежать. Дальше вы знаете. Осел в Казани, где обаял старуху Казем-Бек и уговорил ее подделать формуляр – на всякий случай, чтобы сбить всех со следа. С вами это удалось ему вполне. Ну, Алексей Николаевич, убедил я наконец? Люпперсольский и есть оборотень, гроза тигров и хунхузов.

– Ой! Вовремя напомнили. – Алексей Николаевич полез в карман. – Я как раз получил письмо от Янковского.

Он вскрыл конверт, развернул письмо и прочитал вслух:

– «Не уверен, что это вам поможет, но вы просили меня сообщить приметы Сайтани. Я в личной беседе запомнил, вот теперь вспомнил.

Перед тем как засмеяться, Сайтани всегда облизывает губы». Он!

Лыков вскочил, словно собрался куда-то бежать.

– Сядьте, Алексей Николаевич, – успокоил его жандарм. – Ваш подозреваемый находится под мои наблюдением. Сейчас он обедает в столовой института, вечером собирается посетить заседание Общества археологии, истории и этнографии, где у него доклад. Теперь Люпперсольский никуда не денется.

– Вы не понимаете, Константин Иванович, насколько это опасный человек!

– Меломбуки? Слышал, слышал. Мои волкодавы скрутят его в два счета.

– Надо арестовать его, – настойчиво продолжил Лыков. – Срочно, немедленно.

– Да ради бога, – усмехнулся полковник. – Но с одним условием.

– С каким?

– В аресте будут участвовать мои люди. И вы укажете мою роль в этом деле, когда станете писать рапорт министру.

– Разумеется, как же иначе? – удивился питерец. – Ведь именно от вас я получил важнейшие улики! Еще спорил, что Люпперсольский вне подозрений...

– Вот и не забывают об этом.

– Едем в Родионовский институт прямо сейчас, – нетерпеливо попросил Лыков. – Собирайте ваших людей. Это кто, Прогнаевский?

Лицо полковника приобрело брезгливое выражение.

– Вот уж нет. Вы знаете, что он написал Макарову донос на вас? А копию дерзко послал императрице. И меня, стервец, не обошел вниманием. Изгадил в письме на имя Таубе.

Макаров был товарищем министра внутренних дел. В условиях загруженности Столыпина по должности премьер-министра он фактически управлял министерством. А генерал-майор барон Таубе являлся новым командиром Отдельного корпуса жандармов.

– Федор Таубе? – усмехнулся сыщик. – Вы будете смеяться, но двадцать лет назад я отговаривал его идти в жандармы. А он не послушал и вот, сделал карьеру.

– Вы знакомы с командиром? – удивился Калинин.

– Вполне близко, – заверил его Лыков. – Он родственник другого Таубе, тоже генерал-майора, бывшего начальника военной разведки. И моего хорошего друга.

Полковник чуть не выгнулся дугой перед сыщиком:

– Очень хорошая новость! А то, знаете, новая метла... Не угадаешь, чего ждать. Теперь при случае могу ли я рассчитывать на ваше заступничество?

– Константин Иванович, вы ведь знаете, что я не интриган, – укоризненно ответил сыщик. – Насчет заступничества не ко мне, тут нужны силы посерьезнее моей скромной персоны. Но в рапорте все будет по-честному. И при случае всегда скажу правду, что без вас мое дознание стояло бы в тупике.

– Вот и славно.

Начались сборы арестной команды. Сергею пришлось ехать в номера за «маузером». Лыков нервничал и торопил его:

– Чего валандаешься, как в Одессе?

– При чем тут Одесса?

– Это я к слову, надо же что-то сказать.

– Алексей Николаевич, возьмем мы его, у меня предчувствие.

– А если упустим?

Но предчувствие не обмануло храброго грека. Все получилось в лучшем виде. В институт приехало аж семь человек: Лыков с Азвестопуло, помощник начальника ГЖУ подполковник Тихобразов, ротмистр Трескин и три крепких молчуна. Молчуны все и проделали. Они вызвали Люпперсольского из квартиры якобы к директрисе и схватили. Тот ничего не смог сделать в их руках, хотя и вырывался.

Преступника, закованного в наручники, привезли в жандармское управление. Здесь Лыков снял с него первый допрос. От хозяев на нем присутствовал Трескин, но в роли слушателя.

– Как ваше настоящее имя? – спросил первым делом сыщик.

– А в формуляре все написано, – ответил арестованный. Он был мрачен, но не испуган. Сильный характер, такого не просто будет расколоть.

– Мы вызовем сюда Янковского с сыновьями, и они уличат вас как Сайдани.

– Не понимаю, о ком вы говорите.

– Тогда начну с главного вопроса: где икона?

– Загадка на загадке... Вы, господин Лыков, сначала показались мне порядочным. Автограф просили, все такое... А выходит, что вы мерзавец. Впрочем, чего еще ждать от человека, который служит в полиции?

Допрос ничего не дал сыщику. Люпперсольский не признавал вины ни в одном из преступлений. Действительно, перечень их звучал фантастически. Ряд убийств совершен на Янковском полуострове в Уссурийском крае в 1900 году. Затем убийство казака в Алгачской тюрьме в

1904-м, бегство в Казань, создание банды из каторжников, ликвидация двух местных заправил преступного мира... Организация похищения иконы Казанской Божьей Матери. Кражи оружия и боеприпасов с окружных складов. И многочисленные убийства после приезда Лыкова, когда главарь начал замечать следы.

Завершил этот перечень коллежский советник следующим пассажем:

– Одно из злодейств мне точно не удастся доказать.

– Это какое же? – впервые проявил интерес Люпперсольский.

– Убийство вами коллежского асессора Львова-Левшина. Для меня очевидно, что именно вы похитили сто тысяч франков золотом из дипломатических сумм. И чтобы подставить вместо себя другого человека, зарезали Левшина, а труп спрятали. Паспорт же потом предъявили русским властям – якобы отыскиали его в Оране.

– Ну и ну! Вам бы приключенческие романы писать. Что же это я, имея на руках такую сумму, не положил ее в банк, не сделался рантье? А с риском для жизни прошел всю Африку, попал в плен к дикарям, вывез этнографические коллекции?

– Не знаю, – ответил коллежский советник. – А вы правды не скажете. Думаю, или спустили все краденое золото в казино, или сделались жертвой более ловкого мошенника. Вам, господин Сайтани, неоднократно приплывали в руки большие деньги. У старика Янковского вы украли лучшие корни женьшеня. Отблагодарили за то, что он помог вам вернуться в Россию. На каторге, скупая золотой песок и самородки, скопили больше ста тысяч. Но вам было мало, вам требовался миллион. И тогда вы отобрали из арестантов Алгачской тюрьмы каторжника Оберюхтина. Потому что он казанский уроженец. И устроили ему побег с дальним прицелом.

– И вы беретесь доказать всю эту чушь? – съязвил арестант.

– А то как же! Показания самого Оберюхтина у меня есть, он успел их дать до того, как был убит. А предъявить ваши карточки кадру Алгачской тюрьмы нетрудно. Опознают, как пить дать. Не так много времени прошло.

– И что дальше? Меня обвинят в убийстве казака? Смешно.

– Ну, не уверен, что смешно, – парировал сыщик. – Вас доставят в тюрьму, под караул тех же казаков. Начнут следствие. Как думаете, вы доживете до его конца?

Люпперсольский-Вязальщиков впервые побледнел.

– То-то, – назидательно сказал Лыков. – А если учесть, что поиском иконы озабочена сама государыня императрица, что вас ждет? Нашли с кем тягаться – с российской короной! Все силы будут задействованы, лучшие

сыщики привлечены. И свидетелей отыщут, и улики. Будьте уверены. Спасти вас может только одно: сдайте икону, не держите больше на душе такой тяжкий грех.

– А вы получите за это следующий чин? – взвился бандит. – Да? Это вам обещала царица?

– Что-то получу, вероятно. Главное же – вернуть русскому народу его священную реликвию, – ответил Лыков безо всякого пафоса.

– Вы знаете, что делает слон, когда готовится напасть? – спросил вдруг арестованный.

– Нет, я тех слонов видел только в зоологическом саду.

– Так вот. – Сайтани заговорил спокойным голосом, в котором чувствовалось сдерживаемое волнение. – Он прижимает уши, чтобы легче было пробиться сквозь заросли. А хобот сворачивает на груди. Ударом хобота слон ломает охотнику грудную клетку. И издает во время атаки такой крик, что у человека кровь стынет в жилах...

– Для чего вы мне это рассказываете?

– Для того, чтобы вы понимали, с кем имеете дело. Кровь-то стынет... у обычного человека. Но не у меня. Я – меломбуки. На этом свете меня ничего не может запугать. Нет такой силы, понятно? Бешеные слоны, тигры-людоеды, каторжники – мне все едино. Они гумус для моих желаний. Чик – и нету их. Пугать вздумал... Кого? Меня? Чтобы я со страху иконку отдал? Да ты кто такой?! – Тут арестованный окончательно вышел из себя. Он сложил из пальцев кукиш и показал его дознавателю: – Вот! Я не для тебя, дурак, я для себя старался! И все это подарить? Шиш!

Пришлось увести меломбуки в камеру.

– Да, повозитесь вы с ним, Алексей Николаевич, – резюмировал ротмистр Трескин. – Признаваться он не станет.

Лыков и сам так думал. Он больше надеялся на обыск. Если бы

удалось найти образ, признания Сайтани были бы не нужны. Но тут удача отвернулась от сыщика. Жандармы перерыли весь институт, заглянули в запасники этнографического музея – вдруг тайник там? Но доску не нашли. И деньги с бриллиантами, кстати, тоже.

– Он подготовился к аресту, – сообразил Алексей Николаевич. – А может, даже специально дался нам в руки. Видимо, заметил за собой слежку и понял, что на подозрении. Обговорил все с Першиным, успокоил его. Сайтани требовалось, чтобы покупатель благополучно вернулся домой и подготовил сделку. То-то купчик возмущался столь театрально... Мы тут радуемся, что поймали злодея, а все идет по его плану. Понимаешь, что это значит? – спросил он Азвестопуло.

Они сидели вдвоем в буфете «Казанских номеров» и обедали.

– Понимаю, – ответил коллежский секретарь. – Это значит, что он вот-вот сбежит из-под стражи.

– И не просто сбежит, – угрюмо продолжил Лыков.

– А что еще?

– Не заметил?

– Да чего, Алексей Николаевич?

– Ты же, как и я, читал протокол обыска в Родионовском институте. Что там пропало из кабинета физики?

– Гальваническая батарея, – сразу ответил грек. – И какой из этого вывод? – Тут лицо его исказилось: – Ах, черт... Он хочет взорвать склады!

– Именно. Сегодня пришла телеграмма: Вачнадзе и Лямины арестованы в Саратове. Скоро их этапируют сюда. Эти ребята все расскажут, о чем ни спроси. «Иваны» Вареха с Шиповым промолчат, им не впервой иметь дело с полицией. А воры в погонах запоют, как кенары. И тогда по указу от девятнадцатого августа^[54] Люпперсольского ждет смертная казнь. Он воровал оружие, которое продавал в том числе боевикам. Но если склады взлетят на воздух, улики пропадут. Что-то исчезло, но что именно и сколько? Кроме того, подрыв наверняка был спланирован изначально. Иначе князь с подручными опасались бы действовать так нагло. Ведь рано или поздно явилась бы проверка, и похищения вскрылись бы. Нет, уничтожение улик – изначальное условие воров в погонах. И они давно все для этого подготовили.

– Уф, – выдохнул Азвестопуло.

– А что дальше, понимаешь? – продолжил Лыков. – Сайтани сбежит, устроит диверсию на окружных складах, а потом встретится с кем?

– С Першиным.

– Правильно. Доска-то небольшая, пять на шесть вершков всего. Она

лежит сейчас где-то в сухом месте, и он один знает где. Обменяет ее на миллион и уедет за границу.

– Для побега и взрыва нужны сообщники, – возразил грек.

– Они есть. Кто-то же отсек нас от Першина, сбил со следа.

Азвестопуло отложил вилку и вопросительно посмотрел на шефа. Тот сказал будничным голосом:

– Ну, побежали. Может, еще успеем.

Они не успели. Когда сыщики ворвались в вестибюль жандармского управления, то увидели Калинина. Тот стоял в центре зала и срамословил. Заметив питерцев, Константин Иванович смутился.

– Что, уже знаете? Откуда?

– Сбежал? – ответил вопросом на вопрос Лыков.

– Полчаса назад. Смотритель арестантских помещений за руку вывел его через запасный ход. Он новый, перевелся к нам неделю назад из Бирска. Сверхсрочнослужащий унтер-офицер. Я и подумать не мог... Представляю, как сейчас смеется Прогнаевский.

– Да шут с ним, с Прогнаевским, – махнул рукой коллежский советник. – Пришлите мне, пожалуйста, к вечеру копию вашего рапорта в штаб корпуса. Мне к делу подшить.

– А что это вы такой спокойный? – подозрительно спросил жандарм.

– Мы с Сергеем Маноловичем обедали и рассуждали, так, знаете, неспешно. И вдруг договорились до того, что Сайтани должен сбежать.

– Как это?

– Ну, исходя из логики. Слишком просто он дался нам в руки. Отводил внимание от покупателя иконы, когда заметил вашу слезку. И побег заранее продумал, за полдня такие вещи не делаются. Как он ушел?

– Не ушел, а уехал. На углу ждала коляска.

– Видите, и коляска уже стояла. Нет, это все спланировано заранее. А теперь все у него в ажуре. Извините, Константин Иванович, мне надо срочно мчаться в Ковров. Может, еще не поздно.

Сыщики вышли на улицу, и Азвестопуло спросил:

– В Ковров мы ведь не едем?

– Нет, конечно. А спасаем склады. Только жандармов я в компанию на этот раз брать не хочу. Генерал Лукницкий умнее их всех, вместе взятых, он нам и поможет.

– Но Сайтани раскрыли именно жандармы, – напомнил коллежский секретарь.

– Увы, – вздохнул коллежский советник. – А я не сумел. Век живи – век учись. Всегда считал жандармов глупее себя. Ну, по части дознания...

И вот мне урок.

Генерал-майор Лукницкий снова обходил завод, но Лыков настоял, что он нужен срочно. Поручик Самоквасов принялся искать начальство и обнаружил его на пороховых мельницах. Всеволод Всеволодович не стал вдаваться в детали, обещал прийти. Спросил лишь, понадобится ли Шарпантье. Сыщик ответил, что понадобятся все... Генерал дал команду адъютанту отыскать капитана. Через четверть часа в кабинете командира завода собрались нужные люди.

– Докладывайте, – приказал Лукницкий коллежскому советнику после того, как тот представил своего помощника.

– Я должен сразу оговориться, что это лишь наша догадка, – начал Лыков. – Но если она верна, никакие меры предосторожности не будут лишними.

Он обвел всех взглядом. «Пороховые» сидели и ждали продолжения, вид у них был серьезный.

– Вчера жандармы арестовали того самого человека, которого я ловлю уже третий месяц. Вы помните – Вязальщиков, он же Сайтани, он же Фон-Самсон, и прочая, и прочая. А сегодня негодяй сбежал из жандармского управления.

Лукницкий иронично хмыкнул, остальные понимающе переглянулись. Сыщик предостерегающе поднял руку и продолжил:

– Теперь для него главное – замести следы своих покраж с военных складов. За это полагается виселица. Лучшим способом будет подрыв упомянутых складов.

В кабинете повисла тишина. Питерец дал «пороховым» время обдумать услышанное. Первым заговорил Всеволод Всеволодович:

– При первой нашей встрече вы говорили о поджоге. А теперь уже о взрыве. Почему?

– Взрыв для Сайтани предпочтительней. Больше разрушений, меньше улик.

Шарпантье воскликнул:

– Надо немедленно предупредить окружное интендантство! Пусть усилят караулы.

– Боюсь, что поздно писать письма, надо действовать самим, – осторожно возразил Лыков.

– Поясните, Алексей Николаевич, – потребовал генерал. – Почему поздно? Полагаете, вот-вот все взлетит на воздух?

Военные заерзали.

– Полагаю, Всеволод Всеволодович. Заметьте, как быстро сбежал

Сайтани. Суток не прошло. Случайно такое не происходит, все было продумано заранее. Боюсь, он нарочно дался нам в руки, чтобы у сообщников появилось время на подготовку. Пока мы радовались, они минировали погреб.

– Это лишь догадка, – усомнился Самоквасов.

– Догадка, Павел Иванович. Но из физического кабинета Родионовского института, где негодяй служил учителем, пропала гальваническая батарея.

Его слова произвели эффект, как от удара молнии. Военные закричали все сразу. Но генерал быстро взял ситуацию в свои руки:

– Значит, ваша догадка верна. Есть два способа совершить подрыв на расстоянии. Первый – это с помощью огнепроводного шнура, его еще называют бикфордовым. А второй – с помощью электропроводного шнура. Такой взрыв обычно делается издалека, из безопасного места. И взрывают сразу несколько объектов, одним поворотом рычага.

– Всеволод Всеволодович, – вскочил поручик, – вы еще не читали рапорт караула. Там сказано, что сегодня в семь часов утра во время обхода внешнего периметра пикет под командованием унтер-офицера Харитонова обнаружил электропровод.

– Где?

– Он шел со стороны железнодорожного полотна в сторону пятого и шестого барачных окружного артиллерийского склада. Раньше никаких проводов там не было.

Лукницкий поднялся, все остальные последовали его примеру.

– Господа! Лыков прав, писать письма уже поздно. Делаем все сами. Слушайте мой приказ. Первое: капитан Шарпантье собирает свою команду и следует к указанным складам. Прежде всего надо снять и увести часовых...

– Они не подчинятся, – возразил капитан.

– Я иду с вами и лично прикажу караулу уйти в безопасное место. Генерала они послушают. Когда люди покинут опасную зону, вы окружаете ее и обеспечиваете охрану. Далее. Поручик Самоквасов и штабс-капитан Мешевич идут в пятый и шестой бараки и разминируют их.

– Слушаюсь, – ответил поручик, не моргнув глазом.

– А что делаем мы с коллежским секретарем Авестопуло? – задал вопрос Лыков.

– Сидите здесь и ждете нас, – отрезал Лукницкий. – Вы свое дело сделали, теперь наша очередь. Или вы с вашим помощником обладаете саперными навыками?

– Нет, не обладаем.
– Чего тогда лезете, время отнимаете? – осерчал генерал.
– Мы обязаны присутствовать при этом, Всеволод Всеволодович. По службе. Будем стоять в сторонке, в оцеплении, с людьми Льва Анемподистовича.

Командир завода задумался, потом кивнул:

– Разрешаю. Внутрь не соваться, наблюдать с безопасного расстояния.
– Есть не соваться! – по-молодецки ответил коллежский советник.

Начались быстрые сборы. Команда Шарпантье состояла из тридцати человек, вооруженных винтовками Мосина. Они расселись по телегам и двинулись к складам. Впереди в ландоlette ехали Лукницкий с офицерами. Сыщики в пролетке замыкали колонну. На козлах у них сидел отставной ефрейтор Акбашев. Вдруг, когда все уже выбрались за сосновые заграждения, у ефрейтора захромала лошадь.

– Вот язва! – взревел тот и полез с козел. – Извиняйте, господа, сейчас разберуся. Не иначе, камень попал.

Колонна удалялась.

– Нагоним, Алексей Николаич, – успокоил сыщика кучер, задирая кобыле ногу. – Эх, мать!..

– Что такое, Михей Власович? – заволновался Лыков.

– Копыто треснуло... – растерянно сообщил Акбашев. – Приехали...

Коллежский советник чертыхнулся. Как быть? Лукницкий со своими людьми были уже далеко. Заставлять их возвращаться нельзя – счет, возможно, идет на минуты. Вдруг сзади появился человек в мундире полицейского надзирателя. Он косо поглядел на незнакомых ему людей, подошел к кучеру:

– Михей, это кто с тобой?

Тот объяснил. Человек подтянулся, шагнул к сыщикам и доложил:

– Ваше высокоблагородие! Полицейский надзиратель Пороховых слобод коллежский регистратор Савинский. Мне о вас покойный Никита Никитич рассказывал. Какие будут распоряжения?

– Пока никаких, – ответил Лыков, унимая раздражение. – Разве что, может быть, вы достанете нам новый экипаж...

– Через час будет здесь!

– Через час будет уже поздно. Ладно, мы пойдем пешком. Сопровождайте нас на всякий случай.

– Слушаюсь.

Полицейские пошли втроем, обещав Акбашеву прислать подмогу. Территория, занимаемая складами, была обширна. Слева из земли

высовывались капониры, а справа тянулись длинные бревенчатые корпуса.

– Господин Савинский, – обратился к надзирателю Лыков. – Капониры явно заводские, с порохом. Так?

– Да, они вынесены в чистое поле для безопасности. В восемьдесят четвертом году был взрыв, погибло двенадцать человек. Вот тогда и убрали погреба с завода.

– А склады чьи, военных?

– Так точно. Эти два, самые большие – с артиллерийскими снарядами. Их там тыщи тыщ... А вдалеке, куда генерал едут, патронные склады и оружейные.

Лыков и Азвестопуло поглядели друг на друга.

– Сообразил?

– Само собой, Алексей Николаевич. Не туда мы генерала послали.

Коллежский советник за рукав развернул надзирателя лицом к артиллерийским складам:

– А почему я там часовых не вижу?

– Должны быть. Тут парный пост, я их каждый день наблюдаю.

– А сейчас? Где они, черти?

Савинский опешил:

– Ваше высокоблагородие, что же это такое? По уставу не положено. Там же тыщи тыщ! Не дай Бог на воздух взлетит – не только от Пороховых, от всей Казани ничего не останется. Ведь снаряды подорвут и погреба! А в них пороха не счесть...

Сыщики начали быстро советоваться.

– Я недооценил Люпперсольского, – сказал Лыков. – Решил, что он подорвет оружейные склады, с которых непосредственно воровал. А он решил все поднять на воздух! Всю округу. И теперь Лукницкий ловит его не в том месте.

– Значит, нас только трое, – ухмыльнулся Азвестопуло и вынул «маузер». – Пошли!

Алексей Николаевич извлек свой и спросил у надзирателя:

– У вас оружие при себе?

– Только шашка.

– А в кобуре что?

– Виноват, ваше высокоблагородие. Отдал «наган» в починку.

– То есть сейчас там пусто?

– Так точно.

Лыков вынул из брючного кармана «браунинг» и вручил надзирателю.

– Обращаться умеете?

– Да, у исправника такой же, он меня научил.

И Савинский снял пистолет с предохранителя.

– Слушайте внимательно. Это очень опасно. Но вы на службе, придется помочь нам.

– Я понимаю.

– На склады, судя по всему, проникли злоумышленники. Часовых нет, потому что они уже убиты.

Надзиратель ахнул.

– Они хотят взорвать снаряды так, чтобы причинить наибольшие разрушения. Мы не должны им этого позволить. Идем туда, втроем. Если увидите под ногами провод, рубите его шашкой.

– Но если это нужный провод?

– Савинский! Рубите все подряд под мою ответственность. Если обойдется, начальство потом заново протянет.

– Слушаюсь!

– При появлении неизвестных стреляйте без раздумий.

Надзиратель с удивлением посмотрел на питерца.

– Повторяю: без раздумий. Учтите, они постараются убить вас раньше, чем вы их. Будьте начеку, сразу бросайтесь на землю. Действуйте по обстановке, создавайте им помехи, не дайте взорвать склады. Помните, что у вас всего одна обойма, стреляйте экономно. Ну, с Богом!

Все трое перекрестились и двинулись к складам.

– Здесь провод, – очень быстро позвал Сергей. Савинский подбежал и махнул шашкой. Вскоре им попалось еще два таких же – перерубили и их.

До ближайшего барака оставалось двадцать саженей, когда из-за угла вышел человек. По виду настоящий бандит – свирепая физиономия, на шее татуировки, в руках магазинная винтовка. Увидев полицейских, он отпрянул, потом стал передергивать затвор.

Савинский выстрелил дважды и не попал. Лыков сказал ему строго:

– Беречь патроны!

Он преобразился: весь подобрался, движения сделались плавными, как у кошки. Бандит вскинул винтовку, тут сыщик нажал на спуск. Пуля отбросила противника на бревно.

– Вы двое идите слева, я обойду с другой стороны, – приказал коллежский советник. Азвестопуло с Савинским скрылись за углом, и оттуда тотчас же раздались новые выстрелы. Алексей Николаевич приказал себе не переживать за помощников и помчался гигантскими шагами к другому концу барака. Если Люпперсольский здесь, то не станет ввязываться в схватку, а попытается уйти другим путем.

Так и вышло. Но Лыков совершил ошибку. Он держал «маузер» наготове и за угол крался со всеми предосторожностями. Однако хитрый Сайтани обманул его, спрятавшись за соседним баракom. И сыщик увидел врага, только когда оказался у него на мушке.

Ситуация сложилась аховая. До человека со множеством имен было пять саженей. И ствол его целил Лыкову прямо в грудь. Сам же сыщик стоял к Сайтани вполоборота, а его «маузер» глядел в сторону. Чтобы выстрелить, требовалось сначала довернуть оружие. На это нужна доля секунды. Но этой доли у Алексея Николаевича не было.

– Ну, отбегался? – спросил бандит, усмехаясь. – Я тебя гуманно, сразу в лоб.

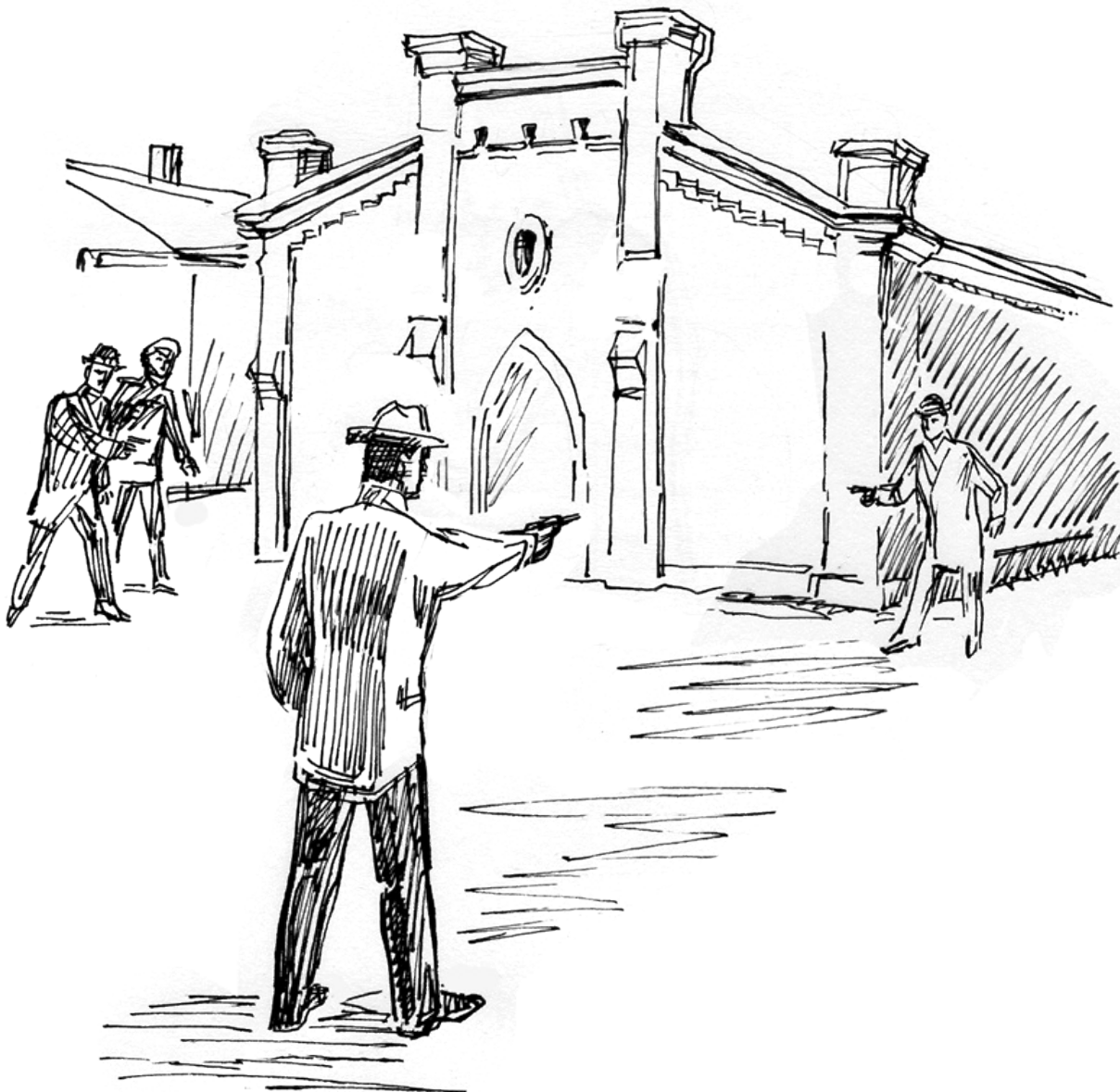
– Чего скалишься, блошиное семя! – в тон ему ответил сыщик. Он рассчитывал втянуть врага в разговор, все равно о чем. Лишь бы дождаться, когда прибежит Сергей. К удивлению Лыкова, его противник обиделся:

– Это я-то блошиное семя? Ах ты, смерд! Мой род – один из самых древних в Литве, он известен с четырнадцатого века.

– Чего же ты с такой голубой кровью воровать начал? – ехидно спросил Алексей Николаевич.

– Я...

Тут из-за угла выбежал Сергей и взял аристократа на прицел. Следом появился Савинский и тоже вскинул «браунинг». Ситуация переменялась, но жизнь Лыкова по-прежнему висела на волоске.

– Я успею выстрелить, – оскалился Сайтани.

– Но и я тоже, – предостерег его грек.

– Валяй! Посмотрим, кто быстрее.

Бандит говорил, а сам не сводил глаз с Алексея Николаевича, караулил каждое его движение. Если стрелять, первым все равно не получится... Надо было каким-то образом заставить противника перевести взгляд на Азвестопуло, всего на миг. И пальнуть. И попасть. В свое время товарищ Лыкова, феноменальный стрелок Федор Ратманов по прозвищу Буффало научил его целить от пояса. Молодой сыщик разбивал с десяти шагов чайное блюдце. Но это было давно...

Лыков прикинулся спокойным и сказал надменно:

– Много для тебя чести, вор, чтобы я с тобой бился. Победи-ка моего меньшого брата!

– Какого еще брата?

– Еловая голова, Пушкина не читал? Это из «Сказки о попе и о работнике его Балде»^[55]. Коллежский секретарь Азвестопуло, что держит тебя на прицеле, – лучший в Департаменте полиции стрелок.

На этих словах Сайтани бросил, наконец, на грека быстрый взгляд. Алексей Николаевич решил, что другого такого шанса не будет. Он довернул ствол, вдавил скобу и рыбкой бросился на землю.

Четыре выстрела слились в один. Пуля Лыкова угодила бандиту прямо в сердце. Свинец от грека попал в живот, от Савинского – в ногу. Ответный заряд Сайтани пролетел у коллежского советника над головой.

Когда Алексей Николаевич подошел к поверженному врагу, тот пускал изо рта кровавые пузыри.

– Скажи, где икона, меломбуки. Не бери грех на душу, тебе сейчас с Богом объясняться.

Сайтани выдавил особенно большой пузырь и сказал неожиданно веселым голосом:

– Бога нет, а ты дурак!

– Где икона?

– В Румынии, у Белокриницкого согласия. А может, в Коврове у спасовцев. Ищи...

Лыков встал перед умирающим на колени:

– Опомнись! Я последний, кого ты видишь на этом свете. Скажи, тебе зачтется. Не уходи на тот свет с такой черной душой!

Сайтани молча смотрел на сыщика, изо рта у него сочилась кровь.

– Ну? Зачем тебе теперь чудотворная икона? Верни ее людям.

Тут бандит втянул кровь и ответил скороговоркой:

– ЯнедлЯтебЯдлЯсебЯстарАлся...

Сложил из последних сил кукиш и умер.

Глава 20

Августейшая опала

Столыпин с Лыковым ожидали приема у императрицы уже больше часа. Она явно выказывала им свое неудовольствие. Премьер чертыхался вполголоса, то и дело щелкая крышкой часов. Он уже опаздывал в Государственную думу на важное заседание. Сыщик держал на коленях тяжелый сверток с золотыми монетами, которые ему так и негодились.

Наконец Александра Федоровна велела их позвать. Мужчины вошли в кабинет и не удостоились руки хозяйки. Понятно...

– Ну, Лыков, докладывайте, – ледяным тоном приказала императрица.

– Ваше Величество, мне не удалось выполнить данного вами поручения.

– Это я уже знаю. Объясните, почему? Что вам помешало?

– Преступник, чье настоящее имя до сих пор неизвестно, отказался перед смертью указать местонахождение иконы.

– Перед смертью... – фыркнула Александра Федоровна. – А зачем было его убивать? Что, не могли выстрелить ему в ногу?

– Пытался, но не получилось. Я, видите ли, спасал свою жизнь... Был у Люпперсольского на мушке... В моем рапорте, если вы его читали, указаны обстоятельства неудавшегося задержания.

– Спасал свою жизнь, – повторила императрица, обращаясь к премьер-министру. Весь тон ее выражал неодобрение и даже презрение.

– Ваше Величество, – вступил в разговор Столыпин, – коллежский советник Лыков предотвратил взрыв складов с боеприпасами. Он спас множество жизней, а также ценное имущество.

– Мы посылали его в Казань не для этого, – отрезала Александра Федоровна. – Отговорки, Петр Аркадьевич, отговорки. Где чудотворный образ Казанской Божьей Матери?

Премьер-министр покосился на коллежского советника, тот ответил:

– Согласно последним словам злодея, образ вывезен из России и сейчас находится в Румынии. Там сильная колония старообрядцев. Но верить этому нельзя, Люпперсольский мог и соврать.

– Что еще говорил ваш... этот?

– Сказал и про Ковров. Там на подозрении купец первой гильдии Першин, известный сектант.

– Так Ковров или Румыния, а, Лыков?

– Не знаю, Ваше Величество.

Государыня повернулась к Столыпину:

– И это ваш лучший сыщик...

– Точно так, Ваше Величество. Прошло более двух лет со времени кражи. Вести дознание сейчас – неимоверно трудно. Я, если помните, изначально выражал сомнения. Лыков сделал все, что мог. Есть задачи выше человеческих сил.

– Да? – взвилась Александра Федоровна. – Вот, почитайте, что себе позволял ваш лучший сыщик там, в Казани.

Она пододвинула к премьер-министру лист бумаги. Тот глянул на него и побагровел:

– Но... можно ли этому верить?

Столыпин передал текст коллежскому советнику. Тот прочитал, и кровь ударила ему в голову. Это был рапорт ротмистра Прогнаевского. Жандарм писал, что Лыков препятствовал ему в выполнении августейшего поручения. А когда ротмистр уличил его в этом, сказал при свидетелях: идите вы к черту со своей императрицей!

– Ну, что имеете пояснить? – спросила Александра Федоровна Лыкова, глядя на него, как солдат на вошь.

Тот растерялся. Вот скотина ротмистр! Как докажешь, что его ты действительно посылал, а императрицу нет? Сыщик с надеждой покосился на Столыпина. И опытный царедворец вывернулся.

– Ваше Величество, – заговорил он проникновенно-елейным голосом, – неужели вы могли принять донос за правду? Чтобы человек, тридцать лет прослуживший в полиции, сказал такое при свидетелях... И кому? Жандарму! Нет, вы поразительно... доверчивы.

Государыня задумалась.

– Вы считаете меня чересчур доверчивой, Петр Аркадьевич?

Видимо, это слово, применительно к ее персоне, царице понравилось.

– Точно так. Она, доверчивость, является продолжением вашей доброты.

– Доброты?

– Да. Вы добры, склонны видеть в людях больше хорошего, нежели плохого. Вот и приняли ложь за истину.

– Ну ладно, – ответила государыня, – ладно. Возможно, я погорячилась вначале, была слишком резка... Но иконы-то вы мне не привезли, Лыков! Обещали – и не привезли.

– Он обещал сделать все, что в его силах, – напомнил Столыпин. – И

сделал. Просто этих сил оказалось недостаточно. Мы в Министерстве внутренних дел высоко оцениваем результаты дознания Алексея Николаевича. Изловил банду беглых каторжников – раз. Спас от взрыва казенный пороховой завод с прилегающими слободами – два. Разоблачил злодея, известного под фамилией Люпперсольский, который снабжал оружием боевиков, – три. Разве этого мало?

Александра Федоровна, видимо, почувствовала, что и вправду перегнула палку. Она протянула мужчинам руку для поцелуя и сказала:

– Идите. Храни вас Бог. Деньги положите на трюмо.

Они вышли, и Петр Аркадьевич принялся вытирать лысину носовым платком. Обернулся на лакеев и сказал только:

– Уф...

В начале декабря Столыпин как министр внутренних дел подал государю проект Высочайшего приказа по гражданскому ведомству в части МВД. Там были ходатайства о награждении к предстоящему Рождеству чинов министерства. Коллежского советника Лыкова предлагалось произвести в статские советники «за отлично-усердную службу». Государь вымарал этот пункт без объяснения причин...

Эпилог

По-разному сложились судьбы героев нашего повествования. Дмитрий Дмитриевич Кобеко получил чин действительного статского советника и в 1907 году был назначен тульским губернатором. Там осекся с графом Толстым – слишком неаккуратно выслал его секретаря Гусева. Министр был недоволен, хотел отправить чиновника руководить захолустной Олонецкой губернией. Но потом смягчился. Кобеко назначили в Смоленск, где тот встретил Великую войну. Губерния была прифронтовая, хлопотная. У Дмитрия Дмитриевича опять вышел конфликт, на этот раз с принцем А. П. Ольденбургским. Тот в должности верховного начальника санитарной и эвакуационной части носился с места на место, «подтягивал» медиков и администрацию. Принц действительно сделал много полезного по своей должности. Но характер у него был вспыльчивый и истеричный, что многих вполне приличных людей довело до краха. Вот и Кобеко принц обвинил в нераспорядительности по отношению к пленным туркам. Видимо, в той суматохе смоленскому губернатору было не до них... В результате Дмитрия Дмитриевича уволили с должности по состоянию здоровья, чтобы не лишать пенсии. Через две недели после грубой отставки Кобеко скончался от воспаления легких. Ездил в Петербург спасти свое доброе имя, в дороге простудился и умер.

Виктор Платонович Васильев – боевик по кличке Янычар – бежал из России за границу. В 1914 году он был арестован в Швейцарии по запросу нашей полиции и возвращен на родину. Получил тот срок, что давным-давно назначил ему суд (десять лет каторжных работ), и сгинул в Сибири.

Другой Васильев, Алексей Иванович, ушел в отставку с должности казанского полицмейстера 13 февраля 1914 года. На нервной полицейской службе он заработал себе тяжелую болезнь – грудную жабу. Дальнейшие следы этого достойного человека теряются.

Всеволод Всеволодович Лукницкий погиб в 1917 году при трагических обстоятельствах. 14 августа вообще стало черным днем в истории Казани. На железнодорожной станции Пороховая сложили в штабель два вагона французских фугасных снарядов. Рядом поместили селитру в мягкой таре. И поставили часового из запасных... К тому времени Милюков с Керенским уже полностью разложили армию. Дисциплина упала, солдаты не подчинялись офицерам, шло массовое дезертирство. Идиот часовой закурил на посту – возле снарядов и селитры! А затем бросил окурок в

сухую траву. Та загорелась, и огонь стал быстро продвигаться к снарядам. Виновник сбежал, а сторожиха Красильникова в одиночку пыталась тушить пожар. Храброй женщине не удалось предотвратить трагедию. Раздался взрыв, осколки от фугасов полетели на пороховой завод и на расположенный рядом склад артиллерийских снарядов. Началось светопреставление, которое длилось четыре дня. Были уничтожены около миллиона снарядов, огромные запасы нефти, мазута и пороха. Старая часть завода оказалась разрушена, производство продолжили потом в новых корпусах, выстроенных к войне. Казань охватила паника, многие бежали из города. 20 человек погибли, 172 получили ранения. 152 здания превратилось в руины.

Среди погибших был и Лукницкий. В момент первого взрыва генерал обедал у себя дома. Вместо того чтобы спастись бегством, старик ринулся на завод, чтобы лично организовать эвакуацию людей. И погиб. Взрывом ему оторвало руку, и он умер в госпитале от потери крови. Есть легенда, что тяжелораненый генерал успел открыть дренажную систему и затопил склады взрывоопасных веществ. Чем спас завод и город от еще больших бед. Историки подвергают это сомнению. Действительно, никакой дренажной системы на пороховом заводе попросту не существовало. Да и человек, которому оторвало руку, никуда бежать не может и никакой рычаг не нажмет... Но легенда характерная, она говорит о том всеобщем уважении, которым Всеволод Всеволодович пользовался в Казани. Про кого попало такую не сложат. На похороны Лукницкого пришла половина города.

Неудачей коллежского советника Лыкова не закончились поиски чудотворной иконы Казанской Божьей Матери. Так, М.В. Прогнаевский разыскивал ее до самой революции. В 1909 году он написал многостраничный рапорт на имя товарища министра внутренних дел, командира корпуса жандармов Курлова. В нем ротмистр доказывал, что образ цел и его можно отыскать. В результате он вновь вернулся в Казань, но уже с чрезвычайными полномочиями. Местная полиция и ГЖУ были отстранены от дознания, зато ротмистру помогали два опытных агента Московской сыскной полиции, выделенных А. Ф. Кошко. Основанием для командировки были какие-то «серьезные сведения» о сохранности иконы. Сыщики из Москвы пришли к выводу, что образ и вправду цел и его купили старообрядцы. А участвовала в этом игуменья Маргарита, за полтора миллиона рублей!

Год спустя скандально известный иеромонах Илиодор получил письмо из саратовской тюрьмы от некоего Кораблева. Тот был убийцей, отбывал

пожизненную каторгу, но застрял в Саратове по одному из дознаний. Арестант писал, что знает, где искать пропавшую икону. Поскольку участвовал вместе с Чайкиным в ее похищении! Она действительно находится у раскольников, и Кораблев готов ее вернуть правительству. Образ пребывает в тайной старообрядческой молельне одного из губернских городов. Изъять его оттуда можно, лишь преступив закон. Наверно, придется даже убить охранника. Но Кораблев сделает это, если получит личные гарантии от государя, что не будет потом наказан... А пока необходимо перевести его из саратовской цинтовки в другие губернские тюрьмы: Царицына, Казани, Москвы и Рыбинска. И снабдить значительной суммой денег. Арестант вступит там в сношения с нужными людьми и организует возврат иконы.

Илиодор и епископ Саратовский Гермоген поверили мошеннику. Илиодор даже объявил дату, когда он торжественно привезет пропавший образ в Казань, – 22 октября 1911 года. А Гермоген лично вручил Кораблеву тысячу рублей на подкоп под молельню. Но Прогнаевский не был столь наивен. Он побеседовал с узником и понял, что тот затеял всю историю лишь для того, чтобы организовать побег.

Однако Гермоген не унялся. Он бомбил письмами Курлова и Столыпина, требуя перевести уголовника в рыбинскую тюрьму. И показывал письма от участников подкопа, которые якобы уже роют землю заступами в ожидании Кораблева. Неизвестно, как повели бы себя администраторы. Но неугомонный ротмистр сумел доказать, что вся предъявленная епископом переписка была сфабрикована сидельцами саратовской тюрьмы, так сказать, не сходя с места. Командир жандармов рассердился и велел прекратить всякие контакты с каторжником.

Тут в дело вмешался московский генерал-губернатор С. К. Гершельман. На аудиенции у государя он предложил дать Кораблеву шанс и пойти на его условия. Характерны слова, сказанные при этом генералом: «Важно восстановить святыню, а не так важно, будет ли получена действительно украденная икона или какая другая».

Кораблева все же не отпустили. Но Прогнаевский взялся за Чайкина. Вор к тому времени уже сидел в Шлиссельбургской тюрьме, отбывая бессрочную каторгу. Режим одиночного заключения был жестким: даже в баню и на прогулку его выводили без свидетелей. Несколько лет Чайкина пытались сломить посулами, обещали облегчить условия заключения, пусть только признается, где искать икону. Клюквенник темнил: то заявлял, что сжег образ, то намекал, что тот цел и невредим. Прогнаевский, ставший к тому времени подполковником, провел два допроса. И на втором из них,

12 июня 1912 года, Чайкин заявил, что лично уничтожил икону из богоборческих соображений. Ему «ужасно хотелось доказать, что это просто доска, что ей напрасно поклоняются и чтут ее». Но вор столько уже наговорил к тому времени противоречивого, что непонятно, каким его словам верить... Тем более не хотел этому верить жандарм. Похоже, поиски Казанской Пресвятой Богородицы стали смыслом его жизни.

Чайкин стойко держался на допросах, выказывая сильный характер. Но одиночное заключение сделало свое дело. Организатор «кражи века» сошел с ума и умер в Шлиссельбурге от шизофрении перед самой революцией.

Между тем поиски иконы все не прекращались, и тогда в истории появился новый персонаж. В 1915 году содержащийся в Кутомарской каторжной тюрьме убийца Блинов сделал заявление тюремному священнику Златковскому. Сообщил, что он тоже знает, где спрятана икона. И готов вернуть ее верующим. Нужно перевести его в Курскую тюрьму, и тогда дело пойдет. В Курске состоялось совещание, в котором участвовали читинский епископ Иоанн, местный губернатор Муратов, подполковник Прогнаевский – и великая княгиня Елизавета Федоровна, сестра государыни и вдова убитого дяди государя, великого князя Сергея Александровича.

Чиновники не поверили каторжнику, но епископ с великой княгиней настаивали. Надо дать ему шанс. А если преступник сбежит, так что ж. На воле и без того гуляет много убийц... Каторжанин водил бы их за нос и дальше, но следователи догадались его обыскать. И обнаружили два рисунка иконы, сделанные на папиросной бумаге. Один был спрятан в сапоге, а второй в поясе шаровар. Блинов хотел обмануть власти, подсунув им копию.

Поиски образа прекратили лишь по прямому указанию Распутина. Он узнал, что Елизавета Федоровна не унимается и согласна на подмену. Старец послал в Царское Село телеграмму: «Папа, мама, иконы нет. Княгиня хочет обмануть Бога». И государь повелел закрыть дело.

Прогнаевский тем временем окончательно пришел к выводу, что кражу иконы заказал Северьян Дмитриевич Першин. И хранится она в его домекрепости в Коврове. Единственным способом добыть святой образ жандарм считал штурм. Для этого пришлось бы захватить весь квартал из одиннадцати домов, принадлежавших роду Першиных. Подполковник обдумывал планы нападения до самого 1917 года. Затем поиски иконы сделались неактуальны...

Слухи о причастности С. Д. Першина к страшному богохульству

действительно ходили по России. Это, однако, не мешало его коммерческой и общественной деятельности. В августе 1914 года Николай Второй объявил Высочайшую благодарность «старообрядцам Спасова согласия, проживающим в Коврове, за верноподданические чувства, выраженные по поводу открытия военных действий». Вряд ли это стало возможно, если бы вина вожака спасовцев была для властей очевидна. В 1918 году большая часть имущества рода Першиных оказалась национализированной. Бесценные книги и иконы пропали. Говорят, некоторые из них так и остались в Коврове на руках у людей...

Вокруг исчезнувшего образа возвели множество небылиц. Так, например, летом 1907 года печник села Середы Лаишевского уезда Ульянов работал в артели нижегородских печников в доме купца Шамова, в Казани на Поперечно-Тихвинской улице. Там в одной из комнат второго этажа он случайно увидел старинную икону без ризы и иных украшений. Один угол иконы был попорчен. Печник еще подумал: не та ли это? Но молчал о своих подозрениях до 1909 года, когда изложил их священнику. Поползли новые слухи, и МВД прислало в Казань чиновника особых поручений Круглова. Тот провел дознание и якобы доложил, что священный образ находится у Шамова! Так, по крайней мере, сообщают некоторые современные источники. Однако возникает вопрос: почему же святыня не была изъята? Не настолько же власти соблюдали принцип неприкосновенности частной собственности. Полагаю эту версию несостоятельной.

Другая версия гласит, что заказ Чайкину украсть икону дал купец Шевлягин. Тот самый, в доме которого проживал клюквенник. После революции он сбежал в Англию, где продал чудотворный образ некоему частному лицу. Этот экземпляр и всплыл в шестидесятых годах прошлого века в США. Епископ Сан-Францисский Иоанн (Шаховской) выставял ее в местном православном храме и пытался собрать необходимую сумму для выкупа. Но не смог этого сделать, и Божью Матерь в 1970 году купили католики. Она некоторое время находилась в португальском городе Фатима. С 1982 года знаменитый образ пребывает в Ватикане. И, якобы по оценкам специалистов, оклад на нем подлинный. С той самой иконы, что была похищена Чайкиным в 1904 году...

Но что же тогда нашла полиция при обыске в доме Шевлягина? Золотые обрезки, множество жемчужин с оклада, медальоны, драгоценные камни – откуда они взялись, если риза уцелела и находится в Ватикане? И что за специалисты определяли ее подлинность? На основе каких данных? Потом, каковы размеры иконы из Фатимы? Списки знаменитого образа в

большинстве случаев не совпадают по размерам с оригиналом, они больше. Этих списков, как уже отмечалось, больше ста, в них давно запутались все эксперты. В Фатиме наверняка висел один из них. И как можно в таком случае «натянуть» на него подлинную казанскую ризу размером пять на шесть вершков?

В 1950 году бывшая послушница игуменьи Богородицкого монастыря Маргариты монахиня Агафья под большим секретом сообщила епископу Казанскому Сергию (Королеву) сенсационную новость. Игуменья после нескольких попыток кражи чудотворного образа взяла за обычай ежевечерне подменять подлинную доску копией. А подлинник уносила к себе в келью, утром возвращая на место. Чем будто бы и объясняется безучастное поведение настоятельницы на следствии и суде.

Если бы это было правдой, значит, похищенный в 1904 году образ никуда не пропал. Украли и сожгли копию. А священная для всех православных христиан реликвия сейчас находится в церкви Ярославских чудотворцев на Арском кладбище в Казани. Действительно, по размерам она ближе к оригиналу, чем все другие списки. Но как быть с клеем, которым крепились к доске кусочки слюды на ликах Богородицы и младенца? Операции такого рода, если проделывать их каждый день, погубили бы старинную живопись не хуже топора Чайкина. И можно ли так часто менять ризы и перешивать бархат? Кроме того, никаких неоднократных попыток кражи просто не было. Иначе образ не охранял бы единственный дряхлый караульщик. Оставим заявление на совести пожилой монахини: видимо, она пыталась обелить свою бывшую настоятельницу.

Подлинная судьба чудотворной обретенной иконы Казанской Божьей Матери неизвестна до сих пор. Надежда, что она цела и когда-нибудь снова явится людям, остается.

Примечания

Петров день – 29 июня (здесь и далее примеч. автора).

См. повесть «Последняя выставка» в сборнике «Темные всадники».

Беглоповцы (они же рогожцы, они же Австрийское или Белокриницкое согласие) – самый влиятельный толк старообрядцев.

Правая рука Столыпина была усохшей и плохо действовала.

Клюквенник – вор, специализирующийся на краже церковных ценностей.

6

22,25×26,7 см.

7

22,25×27,8 см.

В этот день польско-литовский гарнизон в Кремле начал переговоры о перемирии, закончившиеся затем изгнанием оккупантов.

Табельный день – не­присутственный, выходной.

10

53,4×60 см.

Газеты почему-то особенно невзлюбили именно Шиллинг. Несмотря на то что ей было всего 49 лет, в прессе ее именовали «отвратительной старухой типа сводни».

Поморское согласие (они же беспоповцы) – один из самых влиятельных старообрядческих толков.

Грант – ограбление (жарг.).

Максимов был чуваш по национальности.

Второй класс открытого вагона – передняя скамейка и обе площадки, задняя и передняя.

ГЖУ – губернское жандармское управление.

Двоедан (плательщик двойных податей) – старое название раскольника.

ЖППЖД – жандармский полицейский пункт железной дороги.

Отпускать оружие – затачивать.

Отначиться – освободиться, выйти из тюрьмы (жарг.).

Казенная с белой головкой – водка двойной очистки, улучшенного качества (бутылка запечатывалась сургучом белого цвета).

Язычник – доносчик (жарг.).

Обратник – беглый с каторги.

Полицейская явка – отметка о регистрации в полиции.

Передаточный билет – билет, дающий право пересаживаться за ту же плату на другие маршруты трамвая.

Саренка (то же, что *сорга*) – деньги (*жарг.*).

Пеструшка – сто рублей (жарг.).

Сверкальцы – драгоценные камни, косуля – тысяча рублей (жарг.).

Хунхуз буквально переводится как «красная борода».

См. книгу «Мертвый остров».

Казылык – конские кишки, набитые кониной вперемешку с салом.

Тутырма – бараньи кишки, фаршированные бараниной и бараньим ливером.

Клеем крепились слюда, которая накладывалась на лики Богородицы и младенца.

Глицерином смазывали пилку, чтобы она не издавала визга.

Четверть – одна четвертая ведра, или 3,2 литра.

Урок – обязательный объем работы.

Рыжье – золото (жарг.).

Резалка – татуировка (жарг.).

Цинтовка – тюрьма предварительного заключения (*жарг.*).

Научное название – *Acocanthera Friesiorum*.

Негус – титул правителя Абиссинии.

Гирс Н.К. – в то время министр иностранных дел.

См. книгу «Банда Кольки-куна».

Копер – снаряд для забивания свай.

45

180 cm.

«*Спиридон-поворот*» – человек, нарушивший паспортный режим и высылаемый по месту постоянной прописки по этапу.

47

15,2 мм.

См. книгу «Между Амуром и Невой».

Контора Южно-Русского порохового завода находилась в Киеве.

Виды производимого тогда бездымного пороха и фамилии их изобретателей.

Ландолет – облегченное ландо со складывающимся верхом только над задним сиденьем.

Очки-консервы – вошедшие тогда в моду очки для автомобилистов и велосипедистов, плотно прилегающие к лицу и закрытые по бокам.

См. книгу «Завещание Аввакума».

Указ 19 августа 1906 года о военно-полевых судах.

Лыков цитирует неточно. В сказке говорится: «Подожди-ка моего меньшого брата».